

Переводчики и переводы в России конца XVI — начала XVIII столетия

Переводчики и переводы в России

конца XVI — начала
XVIII столетия

ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Переводчики и переводы в России

конца XVI — начала
XVIII столетия

Материалы
международной научной
конференции
Москва, 12–13 сентября 2019 г.

Москва
2019

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
П27

Утверждено к печати Ученым советом
Института российской истории Российской академии наук

Редакционная коллегия:
Беляков А.В., Гуськов А.Г., Лисейцев Д.В. (отв. ред.),
Шамин С.М. (отв. ред.)

Рецензенты:
Рогожин Н.М., Яфарова М.Р.

П27 Переводчики и переводы в России конца XVI — начала XVIII столетия [Текст] : материалы междунар. науч. конф. / Институт российской истории Российской академии наук . — Москва , 2019 . — 236 с.

ISBN 978-5-8055-0364-2

В издании публикуются материалы, подготовленные к научной конференции, которая проходила 12—13 сентября 2019 г. в Москве. В статьях и тезисах докладов участников конференции подняты проблемы перевода иностранных текстов в России конца XVI — начала XVIII столетия, вопросы отражения личности переводчиков в различных типах источников, исследованы методы их работы, реконструированы биографии. Книга предназначена историкам, студентам исторических специальностей и всем интересующимся историей России.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

В оформлении обложки использован фрагмент рукописи из библиотеки Марциана в Венеции (Marc. Gr. VII. 22. Fol. 204r.).
Подробнее см. в статье В.Г. Ченцовой

ISBN 978-5-8055-0364-2

© Институт российской истории РАН, 2019
© Коллектив авторов, 2019

Содержание

Статьи и тезисы

Т.А. Базарова

Переводчики русских послов в Стамбуле в начале XVIII в. 9

Л.А. Беляев

Переводчики и книжники из Западной Европы
в лапидарной эпиграфике России XVI—XVII вв. 16

А.В. Беляков

Переводчик Посольского приказа Михаил Корнилев
Сахарников 21

Н.А. Болдырева

Исайя, «сотрудник Епифания Славинецкого», и «Британия»
Уильяма Кемдена (о некоторых особенностях перевода
«Космографии Блау» для патриарха Никона) 26

А.В. Виноградов

Переводчики Посольского приказа Степан и Вельямин
Степановы в дипломатии Бориса Федоровича Годунова 32

Е.Н. Горбатов

Переводчики в боярских списках 1620—1670-х гг. 40

А.Г. Гуськов, И. Майер

Новые данные о переводчике Посольского приказа
Леонтии Гроссе 45

Е.И. Кислова

Династия Постниковых: знатоки иностранных языков
и переводчики конца XVII — XVIII в. 53

О.Е. Кошелева

Богдан Лыков (кон. XVI в. — 1648 г.) — переводчик
Посольского приказа. Реконструкция биографии 59

<i>Д.В. Лисейцев</i> «Свой среди чужих, чужой среди своих»: переводчики Посольского приказа на службе в Великом Новгороде во втором и третьем десятилетиях XVII в.	64
<i>И. Майер, О.В. Русаковский</i> «Книга лошадиного учения» Антуана де Плювинеля в русском переводе 1670 г.	70
<i>И. Майер</i> Откуда был родом переводчик Иван Тяжкогорский? Историографические и лингвистические аргументы	76
<i>М.В. Мусеев</i> Тенешевы-Бакшеевы: семья переводчиков и толмачей второй половины XVI в.	83
<i>О.Я. Ноздрин</i> Посольские службы Пола Стерлинга	88
<i>З.Е. Оборнева</i> Приезд иерусалимского патриарха Паисия в Россию в 1649 г. Греческие переводчики и толмачи	90
<i>Т.А. Опарина</i> Военный, толмач и московский дворянин — смена социальных статусов Николая Дмитриева Селунского	96
<i>Т.В. Пентковская</i> Феофан Чудовский как переводчик	106
<i>А.А. Преображенская</i> Переводные цитаты из Августина Аврелия в сочинениях Симеона Полоцкого	111
<i>П.И. Прудовский</i> Переводчики цесарского языка Посольского приказа за работой	115

<i>Е.А. Рыбина</i> Три внештатных переводчика Посольского приказа и одна подпись на французской грамоте	118
<i>А.С. Севостьянов</i> Жалование переводчиков Посольского приказа в начале Северной войны	123
<i>А.А. Селин</i> Олфер Северов: переводчик новгородского Разряда в 1611—1617 гг.	128
<i>Д.В. Сень</i> Толмачи и переводчики в деятельности воеводской администрации Азова (конец XVII — начало XVIII в.)	134
<i>А.С. Смирнова</i> Источники цитат из латинских авторов в «Кратком руководстве к красноречию» (1748) М.В. Ломоносова	143
<i>Л.Б. Сукина</i> О малоизвестной стороне деятельности переводчиков и справщиков в петровской России: «Служба Богородице Грузинской» архиепископа Афанасия Холмогорского и Ф.П. Поликарпова-Орлова	148
<i>Л.А. Тимошина</i> Переводчики и делопроизводство Посольского приказа в XVII в.	154
<i>А.И. Филошкин</i> Переводы ливонских документов XVI в. в дипломатической практике России XVI—XVIII вв.	160
<i>В.Г. Ченцова</i> Сивиллино «краеграние» в переводе Николая Спафария	164
<i>Л.А. Черная</i> Принципы перевода зарубежной литературы в петровское время	170

О.В. Чумичева
Переводы «Слов Иоанна Дамаскина о иконах» в русской
традиции 176

О. Янссон
Иван Максимов — переводчик «Двора цесаря турецкого» ... 179

Просопографические материалы

А.В. Беляков, А.Г. Гуськов, Д.В. Лисейцев, С.М. Шамин
Переводчики Посольского приказа в XVII в.:
персональный состав (предварительные данные) 187

А.В. Малов, О.С. Смирнова
Переводчики и толмачи вне Посольского приказа
в 1613—1621/22 годах: по расходным книгам Казенного
двора 209

К.С. Худин
Переводчики и толмачи Аптекарского приказа в конце
XVI — первой половине XVII в. Материалы к биографиям 229

Список сокращений 233

Сведения об авторах 234

Статьи и тезисы

Переводчики русских послов в Стамбуле в начале XVIII в.¹

Впервые в истории отношений с Османской империей Россия получила возможность учредить постоянное дипломатическое представительство при Высокой Порте только в начале XVIII в. В тринадцатой статье Константинопольского мирного договора (1700) говорилось: «Для творения и подвижения на данных делах, буде когда надобно будет резиденту царского величества у Блистательной Порты пожить...» (ПСЗ. Т. IV. № 1804. С. 71). Первым постоянным русским послом при Порте стал стольник Петр Андреевич Толстой (1645—1729). В 1702 г. вместе с ним в Стамбул направили переводчика латинского, греческого, итальянского языков Моисея Арсеньева, а также двух толмачей: Кирилла Македонского (турецкий и татарский языки) и Ивана Иванова (греческий и валашский) (РГАДА. Ф. 89 «Сношения России с Турцией». Оп. 1. 1702 г. Д. 1. Л. 1 об.—2).

В начале XVIII в. международным языком общения в Стамбуле являлся итальянский. П.А. Толстой изучил этот язык во время двухлетнего путешествия по Италии (1697—1698). Итальянскими владели и другие петровские дипломаты: майор И. Натали (послан к Порте в 1716 и 1718), поручик морского галерного флота И.И. Неплюев (резидент при Порте в 1721—1734), по-видимому, уже в Стамбуле его изучил и вице-канцлер П.П. Шафиров (полномочный министр, а затем посол в 1711—1714). Латынью свободно владел А.И. Дашков (посланник в 1719—1722).

Важнейшей задачей петровской дипломатии являлось предотвращение военного выступления Османской империи против России. Переговоры русских дипломатов с османскими министрами, как правило, велись через перевод на итальянский. Все тексты русско-турецких мирных договоров петровского времени имели копии на итальянском языке. Петровским послам при Высокой Порте необходимы также были и переводчики с греческого языка. Так, П.А. Толстой на протяжении нескольких лет регулярно обменивался письмами с иерусалимским патриархом Досифеем II (1641—1707) и налазил контакты с представителями греческой общины. К тому же

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 18-09-00721.

с конца XVII в. в руководстве внешней политики Османской империи значительное влияние имели представители семьи греков-фанариотов Маврокордато.

Роль переводчиков в Стамбуле не ограничивалась только устным или письменным переводом с иностранных языков или работой с зашифрованными документам. Русские дипломаты посылали их к великому везиру, рейс-эфенди или другим османским министрам, чтобы передать информацию, договориться об аудиенции или вручить подарки. Переводчиков отправляли на Галату с различными поручениями к западноевропейским дипломатам, на встречи с тайными агентами русского правительства и пр. Особенно важным это стало в 1711—1712 гг., когда во время мирных переговоров полномочных министров П.П. Шафирова и М.Б. Шереметева с османским правительством им было запрещено без разрешения покидать посольский двор. Из Стамбула толмачей и переводчиков нередко отправляли с поручениями в Москву, Азов или Польшу. Болезнь или смерть переводчика могла поставить под угрозу выполнение возложенных на дипломатов задач.

Летом 1702 г. на пути в Стамбул заболел Моисей Арсеньев. П.А. Толстой с тревогой написал главе Посольского приказа Ф.А. Головину: «переводчик при мне один, и тот зело боленует, и вскорости ему оздороветь не чаю. И мне, государь, приехав в назначенное место, без переводчика делать будет нечего» (Там же. Л. 37 об.). В дальнейшем уже сам М. Арсеньев регулярно жаловался в Посольский приказ на состояние здоровья: «и терпел долговременные скорби, и болезни, и очную слепоту тяжкую» (Там же. 1706 г. Д. 3. Л. 403 об.). П.А. Толстой неоднократно просил Ф.А. Головина, а затем Г.И. Головкина заменить болезненного переводчика. Но каждый раз получал отказ: в Посольском приказе не было необходимых специалистов. Так, в 1707 г. Г.И. Головкин ответил, что «на место переводчика Моисея Арсеньева истинно, мой государь, прислать на перемену некого. И на Москве ныне ни одного греческого языка переводчика нет, ибо и Спофарей умре» (Там же. 1707 г. Д. 3. Л. 287 об.). Только в 1708 г. М.И. Арсеньев смог вернуться в Москву. Постоянно жаловавшийся на различные болезни, он прожил долгую жизнь и скончался в 1747 г. (*Турилова С.А.* Мемуары русского разночинца первой половины XVIII в.: «Скаски» переводчика и архивариса Коллегии иностранных дел Моисея Арсеньева // Памятники культуры: Новые открытия. Письменность, искусство, археология. Ежегодник, 1989. М., 1990. С. 10).

В декабре 1703 г. к русскому послу с грамотами и письмами из Москвы, а также «для переводу з греческого на словенский» прибыл Федор Константинов (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1703 г. Д. 3. Л. 495 об.; 1713 г. Д. 5. Л. 5 об.). В дальнейшем Петр Андреевич настойчиво просил руководство Посольского приказа пригласить переводчика с итальянского. Очевидно, в ответ на его письма, по-видимому, в 1708 г. в Стамбуле появился переводчик латинского и греческого Алексей Почайнов (Там же. 1709 г. Д. 1. Л. 37—37 об.). Потом туда направили и Петра Софонова, также владевшего латынью и греческим, проводившего в османской столице «с шесть лет» (Там же. 1719 г. Д. 10. Л. 2).

Проблему нехватки переводчиков греческого и итальянского П.А. Толстой попытался решить путем приема на русскую службу иностранных специалистов. Среди них был Иван Суда (Зуда), который впоследствии участвовал в переговорах П.П. Шафирова с великим везиром на р. Прут 10 июля 1711 г. После подписания Прутского мира И. Суду направили к генерал-фельдмаршалу Б.П. Шереметеву. Г.И. Головкин сообщил П.П. Шафирову: «для переписки тех писем и переводу турецких и греческих писем оставлены при нем переводчики Андрей Васильев да Иван Суда, и дана ему ваша цыфирь» (*Базарова Т.А. Русские дипломаты при османском дворе: Статейные списки П.П. Шафирова и М.Б. Шереметева 1711 и 1712 гг. (Исследование и тексты)*. СПб., 2016. С. 238). В делопроизводственных материалах Посольского приказа также упоминается переводчик латинского и итальянского Петр Ратка, служивший сначала у П.А. Толстого, а с 1713 г. у П.П. Шафирова (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1711 г. Д. 7. Л. 73).

По прибытии в Стамбул П.А. Толстой установил контакты с западноевропейскими коллегами и обратил внимание на то, что в иноземных посольствах были переводчики с турецкого. Ему же для перевода турецкого текста приходилось прибегать к услугам посредников, которым не всегда можно было полностью доверять. Так, в августе 1702 г. П.А. Толстой приказал некоему «гречанину» «переписать лист турецкой сераскеров» греческим языком, а «з греческого языку тот лист переводчик Моисей Арсеньев перевел на словенской язык» (Там же. 1702 г. Д. 1. Л. 72—72 об.).

В 1704 г. Петр Андреевич написал Ф.А. Головину в Москву: «великую, государь, имею нужду, что нет при мне переводчика турецкого языка, бес которого мне отнюдь быть не можно». Он просил разрешения, если «приищется какой человек к тому приличной», принять на службу и определить ему годовое жалованье (Там же. 1704 г. Д. 3. Л. 125 об.). Однако, даже получив согласие Ф.А. Голови-

на на привлечение к посольским делам «извесного и доброго человека», Петр Андреевич мучился сомнениями, можно ли будет доверять иностранному специалисту: «о переводчике... турецком, аще и зело трудно, мню, без него быть, а сыскать бы хотя и мощно, толко... боюсь в секретех странному поверить» (Там же. Л. 340, 374).

Турецкий язык немного освоил сын П.А. Толстого — Иван, который находился в Стамбуле в качестве дворянина посольства. В 1706 г., отпуская сына в Москву, посол отметил, что тот свободно говорит и «помалу» читает. Однако из-за сложности турецкого языка он не может ни читать, ни переводить официальные документы (Там же. 1706 г. Д. 3. Л. 59). Понимая, что усвоение арабского алфавита — процесс сложный и длительный, П.А. Толстой отказался от предложения Ф.А. Головина начать обучение одного из молодых подьячих: у них и так дел много, а «учение турецкой грамоты зело неспособно, и в скорости выучится невозможно» (Там же. 1704 г. Д. 3. Л. 374). Русский посол пришел к выводу, что легче выучить русскому языку иностранца, уже владеющего турецким. По-видимому, одним из первых его внимание привлек Николай Барка, племянник консула Рагузинской республики Луки Барки-старшего (ум. 1708) и родной брат Луки Барки-младшего, тоже консула и переводчика английского посольства.

31 июля 1706 г. Петр Андреевич сообщил Ф.А. Головину: «отпущен к Москве Луки Барки племянник Николай Кирияков». В цифрном письме русский посол уточнил: «прежде сего времени изволил милость твоя писать ко мне, чтоб здесь промыслить человека, которой бы мог служить в делах великого государя за переводчика турецкого языка, и ныне, государь, взял я у господина Луки Барки родного его племянника Николая, которой изрядно знает язык турецкой, и писать, и читать может по-турецки изрядно, к тому ж знает язык латинской, греческой и по-словенски знает немного». П.А. Толстой выражал уверенность, что в Москве Николай Барка вскоре в совершенстве освоит русский язык («в малые недели изучится, понеже молодец зело изряден и поятен») и вернется в его посольство переводчиком (Там же. 1706 г. Д. 3. Л. 287—288).

Уже в 1709 г. Петр Андреевич просил прислать Николая Барку назад. Однако только через два года рагузинец снова оказался в османской столице. Он сопровождал русскую армию в Прутском походе и в начале июля 1711 г. в качестве переводчика (вместе с И. Судой и А.И. Остерманом) участвовал в переговорах вице-канцлера с великим везирем. Для того чтобы османы не прознали про родство с Лукой Баркой, Николая стали называть Чернышовым. В конце июля в дипломатической пере-

писке он упоминается уже как секретарь. Вместе с полномочными министрами П.П. Шафировым и М.Б. Шереметевым, которые должны были оставаться в Османской империи до выполнения Россией условий Прутского мирного договора, Н. Барка прибыл в Стамбул, где участвовал в переговорах с османами («непрестанно в посылках к Порте и в переводах турецких имеет дело») (*Базарова Т.А.* Русские дипломаты при османском дворе... С. 444). 7 октября 1712 г. Н. Барка скончался.

В 1709 г. на русской службе появился «изрядный переводчик» Гаспар Тест (Теста), которого П.А. Толстой «перезвал от посла галанского». П.А. Толстой написал о нем в Москву: «И человек во своем деле достойный, знает языки турецкой, италианской и греческой изрядно и может служить здесь по достоинству» (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1709 г. Д. 1. Л. 509). Внимание посла Г. Тест привлек не только знанием языков, но и своими связями и контактами внутри европейского дипломатического корпуса, позволявшими добывать важные для русских послов сведения. По достоинству оценил переводчика и П.П. Шафиров. В 1713 г. вице-канцлер сообщил Г.И. Головкину: «Наш переводчик Гаспер Тесто с нами страдал в Едикуле и служил нам в пересылке писем чрез брата своего, венецкого переводчика, верно, и человек умной, и в языках искусной» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 83 «Походная канцелярия А.Д. Меншикова». Оп. 3. Кн. 1. Л. 21 об.). Г. Теста в Москве рассматривали как возможного корреспондента при османском дворе после отъезда послов. Однако по мнению П.П. Шафирова «одному здесь остатся ему, ежели б нас Бог свободит, невозможно, ибо здешней подданной и уроженец» (Там же). В апреле 1713 г. после освобождения из Едикуле Г. Тест прибыл в Адрианополь, где П.П. Шафиров и М.Б. Шереметев (с конца марта при послах также был В. Курдевский) вели мирные переговоры с османским правительством. Г. Тест не выдержал напряженности враждебной обстановки, сопровождавшейся угрозами нового тюремного заключения. В мае 1713 г. «за болезнью, а паче от страха» он попросил отставки от русской службы (Там же. Л. 154).

Два тюремных заключения в Стамбуле разделил с П.А. Толстым уроженец Рагузы Флорио Беневени. Впоследствии он вспоминал: «В 1708-м году бывший в Константинополе полномочным послом граф Толстой принял меня в службу» (Цит. по: Посланник Петра I на Востоке: Посольство Флорио Беневени в Персию и Бухару в 1718—1725 годах. М., 1986. С. 12). Ф. Беневени писал, что после освобождения в 1712 г. из Едикуле «Толстой отдал меня к делам барону Шафирову, и служил я при нем за переводчика в тамошних делах

со всякою верностию и радением, не щадя живота своего в опасных случаях» (Там же). По-видимому, первоначально он был привлечен русским послом как переводчик итальянского, однако со временем освоил и турецкий. В 1718 г. в списке Посольского приказа он значился переводчиком итальянского и турецкого (РГАДА. Ф. 138 «Дела о Посольском в приказе и о служивших в нем». Оп. 1. Д. 45. Л. 5). Исследователи отмечали, что он также превосходно знал персидский и татарский языки (Посланник Петра I на Востоке... С. 12). В делопроизводственных материалах и переписке П.П. Шафирова он упоминается как Флорий Лазарев.

Итак, в начале 1710-х гг. численность русской дипломатической миссии в Стамбуле значительно возросла. В конце 1711 г. в окружение П.П. Шафирова и М.Б. Шереметева вошли переводчики греческого и латыни Андрей Ботвинкин (ранее сопровождал Е.И. Украинцева в поездке в османскую столицу) и немецкого языка Степан Волков. В 1712 г. в переписке П.П. Шафирова упоминается переводчик Антоний Мариний (Антон Марини), которого посылали вместе с капитаном Жидовиновым при османском салахоре в Польшу «для досмотру войск царского величества» (*Базарова Т.А.* Русские дипломаты при османском дворе... С. 613—514). После выполнения задания он остался на службе при генерале-фельдмаршале Б.П. Шереметеве. В Стамбул Антон Марини вернулся только в 1719 г. вместе с посланником А.И. Дашковым и провел долгие годы в русской дипломатической миссии под руководством резидента И.И. Неплюева.

В августе 1712 г. с ратификацией Константинопольского договора в Стамбул прибыл стольник А.Ф. Лопухин, которого сопровождал переводчик турецкого и татарского Муртаза Тевкелев (Тяфкелев), сын толмача Посольского приказа Рамазана Тевкелева (*Базарова Т.А.* «Чтоб с теми грамотами был послан нарочитой человек...»: Поездка А.Ф. Лопухина в Стамбул в 1712 г. // Петровское время в лицах—2018: К 20-летию конференции «Петровское время в лицах» (1998—2018): Материалы научной конференции. СПб., 2018. С. 42). В 1713 г. в свите стольника Д.А. Бестужева-Рюмина переводчика не было (в состав посольства включили толмача Кютлу Мамету Нагаева) (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1713 г. Д. 15. Л. 19).

Русские послы свою потребность в надежных переводчиках турецкого языка пытались удовлетворить и за счет организации подготовки специалистов в Стамбуле. Так, в 1712—1713 г. у учителя Ходжи-эфенди турецкий язык осваивали Флорий Лазарев, Езеп и паж Павел. Турецкому учителю платили сначала по пять, а потом десять левков в месяц

(Там же. 1711 г. Д. 7. Л. 104, 108, 111 и др.). «Персианин» Езеп (Юзеп) Абессаламиани был принят на службу переводчиком П.А. Толстым (с ежегодным жалованием в 150 левков). Поскольку он не являлся подданным царя, Езепу удалось избежать заключения в Едикуле. В апреле 1713 г. молодому переводчику выплатили остаток жалования и велели «доучиваться» в Стамбуле турецкому, персидскому и арабскому языкам. Однако уже в июле того же года «бывший при господах послах в службе переводчиком» Езеп был «отпущен из службы» (Там же. Л. 126 об., 263). Учитель Ходжа обучал и прибывшего в османскую столицу в 1714 г. вместе с дьяком Л. Протопоповым киевского подьячего Григория Иванова, которому «для того учения» за 45 левков приобрели книги «на турском, и арапском, и персицком языке», а также, лошеную бумагу, тростяные перья и чернильницу «турского дела» (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1714 г. Д. 8. Л. 173).

В Стамбуле осваивал турецкий язык переводчик греческого и итальянского Василий Курдевский (Курдземский). В августе 1713 г. ему «на поупку турецких пяти книг для учения его в турецком языке» выделили десять левков (Там же. 1711 г. Д. 7. Л. 264 об.). Совершенствовался в турецком и Муртаза Тевкелев. В 1714 г. П.П. Шафиров написал, направляя его к П.М. Апраксину на комиссию по разграничению земель: «по се число здесь учился по моему велению по-турски и арабски. И умеет тех языков ныне читать, говорить и переводит нарочито и лутче всех тех, которые в приказе есть» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 3. Кн. 8. Л. 218). Вице-канцлер также сообщил, что «доброй переводчик» Муртаза, хотя «и татарской породой и закона махOMETанского, однакож, сколко я мог его присмотреть, явился его царскому величеству верен. И отнюдь не похотел здесь остаться, хотя ево турки в то время, как мы были в Едикуле, принуждали принять свою службу. А по-турски он и по-татарски умеет изрядно говорить и переводит, толко русского языка в наречии красном не гараздо искусен, яко иноземец, по силу все может объяснить и с подьячим добрым изрядно переведет всякое писмо» (Там же. Л. 231). В комиссии по разграничению земель он работал вместе с Иваном Судой.

В декабре 1714 г. вместе с послами в Санкт-Петербург прибыли переводчики Флорий Лазарев, Петр Софонов, Петр Ратка и Степан Волков (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1711 г. Д. 7. Л. 272). Покинув Стамбул, П.П. Шафиров оставил В. Тейлсу «в надсмотрение» обучавшегося турецкому, итальянскому языкам и латыни киевского подьячего Григорья Иванова (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1714 г. Д. 8. Л. 173—174).

Таким образом, в 1700—1710-х гг. активизировавшиеся русско-турецкие отношения потребовали подготовки специалистов, которые могли бы не только переводить устную речь, но и читать и составлять договоры и письма. Переводчики требовались не только в Стамбуле и пограничных комиссиях, но также в Москве и Санкт-Петербурге, куда отправляла гонцов и посланников Высокая Порта. Пополнение штата русского посольства в Стамбуле шло как путем отправки туда специалистов из Москвы, так и за счет приема на службу иностранцев. Под руководством турецких учителей язык осваивали молодые переводчики и подьячие. Данная практика сохранялась до 1720-х гг., когда резидент И.И. Неплюев создал в Стамбуле школу, где переводчики русской дипломатической миссии обучали иностранным языкам присланных из Санкт-Петербурга молодых дворян и детей киевских рейтар.

Л.А. Беляев

Переводчики и книжники из Западной Европы в лапидарной эпиграфике России XVI—XVII вв.

Лапидарная эпиграфика Московии XVI—XVII вв. представлена в основном резными надписями на белокаменных надгробных плитах. Среди них выделяется группа текстов на иностранных языках — латыни, английском, голландском и старо-немецком (нижнее-рейнском).

Эти надписи сосредоточены в известной сводке (*Дрбоглав Д.А. Камни рассказывают... Эпиграфические латинские памятники. XV — первая половина XVII в. Москва, Серпухов, Астрахань. М., 1988*). Ее впоследствии существенно дополнили новые находки 1990—2010-х гг., причем часть чтений пришлось корректировать. Это расширило географию иноязычных надгробий — в нее включилась Тверь (см.: *Хухарев В.В. Немецкое надгробие из Твери: предварительная публикация // Вопросы эпиграфики. Вып. 9. С. 374—380*) и дополнило корпус плит Серпухова и Москвы. Обнаружились и новые эпитафии лиц, не чуждых занятий литературным трудом, переводивших наряду с другими обязанностями или исполнявших работу только переводчика. В целом группа иноязычных надгробных памятников Московской Руси невелика и производит впечатление пестрой, собравшейся случайно.

Выделение такой подгруппы среди общего корпуса персонажей, упомянутых в эпитафиях иноземцев, будет полезно для общего представления о составе переводчиков и «людей книги», для дополнительной оценки их социального положения в московском обществе, выделения особенностей в художественном оформлении их плит, отличий в структуре текстов эпитафий, и, конечно, для локации их погребений на московских кладбищах.

Важно отметить, что среди всех вообще надгробий иностранцев интересующие нас плиты составляют самую большую группу: остальные профессии представлены, как правило, не более чем одним упоминанием, а профессии и статус тех, чьи занятия не названы, установить трудно, если вообще возможно. В то время как переводчик упомянуты по крайней мере в двух случаях, а в еще девяти связь с этой профессией можно восстановить с привлечением других источников. Учитывая, что надгробий иноземцев к настоящему времени известно в Московии всего около 35, плиты переводчиков составят в корпусе около трети, а с учетом плохо читаемых текстов и упоминаний лиц с неопределимым социальным положением — до половины.

По-видимому, это отражает первостепенную важность переводчиков, их высокое положение в службе и сравнительную многочисленность. Если судить по надписям с надгробий, число переводчиков-иноземцев далеко превосходило все другие упоминаемые (торговля, ювелирное дело, работа по металлу, военная служба) занятия. Весьма существенно, что надписи об этой профессии упоминают непосредственно — это указание на то, что должность «толмача его Царского Величества» воспринималась как определенный социальный статус, а не только род занятий.

Хронологически такие плиты распределены между серединой XVI и концом XVII в. Древнейшая из них — плита Якоба Вильгельма, возможно, того самого, что назван в числе посольства Ульфельда 1578 года (предположение Д.А. Дрбоглава). Из более поздних плиты — надгробия Елизаветы, дочери переводчика Юргена Мейнертса, ставшей женой Юргена фон Алена, также переводчика (1581 г., Данилов монастырь); двух жен Арендта Клаусена Стелленгевере, переводчика и аптекаря, с их детьми (1593 г., Данилов монастырь; 1595 г. ул. Якиманка); часть семейной плиты толмача (Dolmatsch, верхне-нем.) из Данилова монастыря, XVII в. (см. исправленное чтение: *Беляев Л.А.* Русское средневековое надгробие. Белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII—XVII вв. М., 1996. С. 281 и фото 16). К ним следует добавить плиту Марии Герет-

сен (1648 г., Астрахань), маленькой дочери Ключеймса, поименованного в тексте как «Translaator van syn Tzar Mayestat» — голл.).

К этим шести более-менее очевидным случаям примыкают эпиграфии, упоминающие образованных иноземцев, несомненно, не раз служивших переводчиками в стране, долго не имевшей собственных кадров с европейским образованием. Среди них — известная с 1990-х гг. доска «советника по иностранным делам», чья жизнь обрастает с тех пор все новыми подробностями (см.: *Беляев Л.А.* Лицензиат при дворе Иоанна Грозного (надгробие Каспара фон Эльферфельдта на древнейшем кладбище иноземцев в Москве) // СА. 1997. № 1. С.140—150); две недавно найденные в районе Мытной улицы плиты семейства Келлерманов, хорошо известных участием в литературной жизни Москвы (см.: *Беляев Л.А.* Новые плиты иноземцев XVII века в Москве: предварительная публикация // КСИА. 2015. Вып. 240. С. 223—232) и давным-давно опубликованный камень Ильи, проповедника церкви св. Михаила в Лефортове (найден в Данилово монастыре).

На первый взгляд может показаться, что все эти плиты мало чем отличаются от типового для надгробных памятников Москвы образца, выработанного к середине XVI в. и в целом сохранявшегося до конца XVII в. Вместе со всей массой местных изделий они меняют декоративный облик, то есть вид и композицию орнамента; да и надписи в целом, с поправкой на другие языки, следуют московскому «формуляру», включая дату смерти, сведения о родстве и социальном статусе погребенного.

Однако более пристальное сравнение надгробий иноземцев позволяет обнаружить ряд особенностей. В декоративном отношении эти плиты, как правило, отличает более высокое качество исполнения и стремление добавить изобразительные элементы, уникальные в среде русских надгробий той эпохи, такие как «портрет» Каспара Эльферфельдта. Сюда следует отнести и саму длину текста, тщательное исполнение которого требует большой площади и приводит к выбору более крупных камней и/или частичному или полному отказу от орнамента. Можно допустить также, что плиты без орнамента и с плотно заполненной текстом лицевой гранью не укладывались на могилы а являлись частью более сложных надгробных форм (например, монтировались внутри часовен).

Еще более явные отличия дают тексты. Естественно, используется система летоисчисления от Рождества Христова (а не от Сотворения мира) и арабские цифры, принятые в Европе раннего Нового времени. Отметим, что среди надгробий иноземцев, в том числе

переводчиков, много «накопительных» надписей, включающих имя не одного покойного, а нескольких, особенно часто — матери с детьми. Такие надгробия не всегда можно было просто дописать — чаще приходилось нарезать новую плиту, на которую переносить несколько предшествующих эпитафий. В московской традиции известны оба варианта (а с недавнего времени — и простое обновление памятника путем замены его новой плитой, целиком повторяющей прежнюю эпитафию), но распространенными их назвать нельзя.

Еще более непривычны для древнерусского надгробия благопожелательные, молитвенные аккламации, типа «Господи, будь милостив и сострадателен к их душам! даруй им счастливое воскресение!», напоминания о дне Страшного суда, практически не встречающиеся в плитах Москвы. То же самое можно сказать о формулах вежливости и указаниях на благочестие (уважаемая, почтенный, благочестиво в Иисусе почил и т.п.), они многочисленны на плитах иноземцев, но отсутствуют в наших надписях. Очень многие плиты содержат, сверх информационного формуляра, собственно эпитафии, то есть краткие тексты, призванные, равным образом, смягчить горечь утраты, наставить живущих в правильном отношении к смерти — и продемонстрировать принадлежность покойного или его семьи к слою образованных людей — все эпитафии литературного свойства, чаще всего это крылатые выражения или цитаты.

Один из самых ярких примеров — обширная эпитафия с плиты младенца Томаса Келлермана (1653 г.), заключительное двуступище которой («Возжажди смерти // каждый день // И будешь ты // благословен!») воспроизводит перевод с латыни, сделанный пастором и проповедником города Райхенбах (Нижняя Силезия) Мартином Хиллером (1575—1651) в надгробном слове на смерть бургомистра Мельхиора Хорста (1625 г.), а выше использующее одну из классических зеркальных теологических конструкций: «eine selige Ewigkeit und ewige Seligkeit» (блаженная вечность и вечное блаженство), имеющей исток еще августиновскую формулировку: «по мнению платоников, высшим существам, богам, принадлежит или блаженная вечность, или вечное блаженство» (Аврелий Августин, О граде Божиим, кн. 9, гл. XIII). В том же тексте выражена жалость по отношению к прожившему всего два месяца ребенку и надежда на будущее воскресение.

Если просмотреть давно опубликованные надписи, то среди них обнаружатся и латинские приписки (как в английской надписи 1578 года из Данилова монастыря: «Зачем умирает человек, ведь целебное растет в саду? Нет в садах лекарства против силы смерти» (см. Др-

богав, 1988. С. 28—29) , и целиком написанные по-латыни тексты («Покрытый крепким мрамором, с Христом стоит он, воскресший», 1583 г., там же, С. 26—27), следы ламентаций, не дошедших до нас полностью (в надгробии жены мастера-металлиста 1584 года: «Когда бы сон даровал я...», см. там же, С. 46—47), и длинные эпитафии, подобные надписи для проповедника Ильи (там же, С. 41—43). Очевидно, что в среде литературно образованных иноземцев использование пространных, сочиненных эпитафий было скорее правилом, чем исключением.

Отметим и еще один встречающийся элемент эпитафий Европы, восходящий к древнегреческой традиции — указание на место погребения, в русских надписях очень редкое.

Топография находок надгробий переводчиков (и образованных европейцев вообще), позволяет определить район, где находился древнейший в Москве «западный компаунд» и, конечно, его кладбище. Район, где в наибольшем количестве встречаются плиты иноземцев, ограничен зоной от Якиманки до Данилова монастыря. Причем в этой полосе выделяются две точки сосредоточения таких плит: это сам монастырь и участок Конной площадки, Дубининской и Мытной улиц. Что касается монастыря, то в нем плиты находили исключительно во вторичном использовании, как *spolia* для строительства стен и частей храмов конца XVII — первой четверти XVIII вв. Но объяснить аналогичным образом находки плит на Мытной не получится, так все они встречены в свободном залегании, иногда вместе с большим количеством обломков и даже антропологическим материалом. Видимо, это место древнейшего иноземного кладбища, размещенного за линией будущего Земляного города, недалеко от легендарных Наливок — поселка военных наемников, известного со времен Василия III.

Попытка такой локации предпринята еще на рубеже 1980—1990-х гг. (см.: *Beljaev L.A. Der Grabstein Caspars von Elverfeld und der alteste Auslander Friedhof in Moskau // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Stuttgart, 1991. Bd. 39, Heft 4. S. 481—494*), и с тех пор новые находки только подтверждают вероятность гипотезы: в том же районе найдены плиты Келлерманов и другие немецкоязычные плиты.

Интересно, что переводчики с иных иностранных языков, например с польского, в надгробиях ни разу не упомянуты (возможно, в силу того, что переговоры могли вести на латыни как на международном языке), а наличие переводчиков с восточных языков (греческого, армянского) имплицитно отражают редкие надписи на соответствующих языках.

Подводя итоги обзора, необходимо отметить, что плиты переводчиков и образованных европейцев на московских кладбищах могли, несомненно, служить одним из источников знакомства горожан с изоцированной традицией «приручения смерти», насчитывавшей в Западной Европе уже более 2 000 лет и восходившей к классическим, античным представлениям об оформлении надгробных памятников. Особенно это касалось эпитафии — литературного жанра, который начал проникать и в книжную среду, и непосредственно на кладбища Москвы не ранее середины XVII в. Он пришел с приращением западно-православных земель Белой и Малой России (см. напр.: *Беляев Л.А.* Надгробия с эпитафиями в культуре Москвы конца XVII в. и «Эпитафион» Сильвестра Медведева в память Симеона Полоцкого // «Вертоград многоцветный». Сборник к 80-летию Бориса Николаевича Флори. М., 2018. С. 501—516) и в ходе ускорившегося обще-европейского трансфера. Однако это не было первым знакомством. Западная традиция в ее рафинированном (и потому труднее усваиваемом) варианте за предшествовавшее столетие уже образовала своего рода культурную грунтовку, одним из элементов которой стали кладбища инославных христиан в Москве. Ведущую роль в этом знакомстве с западной формой погребальной культуры смогли сыграть образованные иностранцы, прежде всего переводчики.

А.В. Беляков

Переводчик Посольского приказа Михаил Корнильев Сахарников¹

Во внутриприказных делах Посольского приказа сохранились документы, позволяющие проследить жизненный путь переводчика Михаила Корнильева сына Сахарникова. Отдельные эпизоды его жизни уже попадали в поле зрения исследователей (*Беляков А.В.* Служащие Посольского приказа 1645—1682 гг. СПб., 2017. С. 101, 105, 329; *Куненков Б.А.* Посольский приказ в 1613—1645 гг.: структура служащие, де-

¹ Работа выполнена в рамках проекта, поддержанного РФФИ 18-09-00511 А «Переводчики Посольского приказа XVII в. Словарь-справочник».

лопроизводство. Дисс. канд. ист. наук. Брянск, 2007. С. 482), но более или менее полной его биографии до настоящего времени не создано.

Из челобитной Михаила Сахарникова мы узнаем, что его отец Корнил выехал в Россию еще при царе Иване Васильевиче «как Дивей мурза под Москвою был». По-видимому, речь идет о событиях 1572 г., когда в битве при Молодях были разбиты крымские войска и пленен крымский мангытский бей Дивей. В московское разорение Корнил был «убит от литовских людей» (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1651 г. Д. 2. Л. 1).

Михаил начал службу рядовым в полках иноземного строя в начале 1620-х гг. По-видимому, это была рота Петра Гамолтова. По крайней мере именно там в 1625—1630 гг. служил рядовым его родной брат Иван Корнильев Сахарников. Нам известна его жена — дочь государева серебряного мастера Петра Денисова Фанбора (Фанбурха) Анна. Ивану отошла вотчина тестя в Романовском уезде (Осадный список 1618 г. // Памятники истории Восточной Европы. Т. VIII. М.; Варшава, 2009. С. 190; Записные вотчинные книги Поместного приказа 1626—1657 гг. М., 2010. № 5976-12. С. 173). Его поместный оклад составлял 350 четей, годовое денежное жалование — 22 рубля. Иван отмечен как романовский помещик. В 1630 г. в роту зачисляют еще одного возможного их родственника — вологодского помещика рядового Еремея Еремеева сына Сахарникова (оклад 350 четей, 25 рублей). В роте несли службу «немцы старого выезду» — выехавшие еще до Смутного времени. В этом подразделении числились исключительно поместные иноземцы (*Скобелкин О.В.* Рота Петра Гамолтова 1625—1630 годах // Вестник Воронежского университета. 2015. № 2. С. 113—120). В это же время в роте Григория Врославского отмечен еще один Сахарников, Михаил Данилов (оклад 300 четей, 15 рублей) (*Скобелкин О.В.* Служилые «немцы» смешанных рот 1625—1630 годах // Вестник Воронежского университета. 2015. № 3. С. 50—59).

Московского кормового немчина Михаила Сахарникова взяли в Посольский приказ толмачом немецкого языка на место И. Рехтерева переводом из Иноземного (Панского) приказа, где он служил до этого семь лет, в июне 1629 г. После сдачи экзамена на знание языка ему назначили 300 четей поместного оклада, 15 рублей годового денежного жалования и поденного корма на 5 рублей в год (?) (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1628 г. Д. 1. Л. 18, 20). Но в 1630/31 г. его оклад составлял 12 рублей, поденный корм 8 денег на день (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1643 г. Д. 2. Л. 78). Точное время его зачисления в переводчики неизвестно, по-видимому это произошло довольно скоро. В 1628/29

г. он ездил с Л. Лопухиным под Азов принимать венгерских послов Ш. Талейрана и Я. Русселя. Для этого ему дополнительно дали 5 рублей (РГАДА. Ф. 141. Оп.1. 1631 г. Д.61. Л. 7. 8). На следующий год он провожал этих послов, отправившихся в Швецию (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1651 г. Д. 2. Л. 1). По-видимому, при этом он на время покинул территорию Русского государства. В сентябре 1630 г. его ждали на Лавуйской заставе под Новгородом, куда он должен был прибыть из Нотебурга (Орешка). Данный факт позволил некоторым исследователям сделать ошибочное предположение о том, что уже тогда Сахарников служил в Новгороде (*Селин А.* Русско-Шведская граница (1617—1700 гг.). Формирование, функционирование. Исторический очерк. СПб., 2016. С. 530). В 1631/32 г. Сахарников провожал до Архангельска голландского посла К. Бурга и оставался там до 1636/37 г., а затем был переведен в Новгород. В Архангельск на его место отправили Ивана Англера. Поденный корм Михаила до 1642/43 г. составлял 10 денег, затем 2 алтына и 3 денги. В январе 1644 г. он направлен во Псков с князем Ю.А. Сицким «для принятия датского королевича» Вольдемара, жениха царевны Ирины Михайловны, и сопровождал царевича до Москвы. В марте 1644 г. Михаилу Сахарникову назначили денежный оклад 15 рублей и поденный корм в 3 алтына и 2 денги (*Куненков*, 2007. С. 482; РГАДА. Ф. 138. Оп.1. 1643 г. Д. 2. Л. 80—84). Из его челобитной, поданной в 1651 г. узнаем, что он по-прежнему служил в Новгороде, причем «сам девятый». По этому сообщению трудно судить о составе его семьи, мы можем говорить только об общей численности домочадцев. Во время новгородского мятежа 1650 г. восставшие «приходили к его двору». В первый день ему удалось выдержать осаду в своем доме, отстреливаясь с женой от осаждавших из пищали. Но nasledующий день его все же схватили и отвели в земскую избу к Ивану Жеглову. Сначала Сахарникова хотели убить, но, со слов толмача Нечая Дрябина, Жеглов не дал этого сделать, так как «он человек надобный, без него де немецких писем переводить будет некому». После этого под страхом пытки переводчика заставили продолжить службу в земской избе. За долгую службу в 1651 г. ему увеличили годовое жалование до 20 рублей, а поденный корм до 4 алтын. На пример взяли оклад псковского переводчика Ефима Фентурова (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1651 г. Д. 2. Л. 2—5). При этом в челобитной особо подчеркивается факт службы на восставших по принуждению. Дело в том, что из-за этих переводов его во время подавления восстания вначале арестовывали и отпустили только после вскрывшихся подробностей (*Селин*, 2016,

С. 530; «Мятежное время». Следственное дело о новгородском восстании 1650 года. СПб.; Кишинев, 2001. С. 114; 342—347). Судя по всему, деньги на жалование шли из новгородских доходов.

В феврале 1658 г. Михаила Сахарникова обвинили в измене. Якобы переводчик ранее (судя по контексту — в 1656 г.) писал некоему «немчину» «канецкому державцу» Карлу Меркеру о готовящемся русском походе в Швецию. Через две недели после этого поход действительно состоялся. Об этом сообщил крестьянин Ореховского уезда Спасского погоста деревни Мореи Мишка Федоров, вышедший из-за рубежа в 1655/56 г., а до этого живший у того «немчина». Ему же об этом говорил сам Карл Меркер «перед войною за 2 дни до Троицина дни». Извет об этом М. Федоров подал стольнику и воеводе Славуйской заставы Федору Лодыженскому. Переводчик сказал, что он не знает К. Меркера и писем ему не писал. После этого Михаила Сахарникова до царского указа отдали за пристава, а 12 марта велели устроить очную ставку Сахарникову и Федорову. При запирательстве велено было прибегнуть к пытке. На очной ставке переводчик сказал, что знает крестьянина: ранее тот приезжал с табаком, и Михаил извещал на него. На пытке было сказано то же самое (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1657 г. Д. 5. Л. 70—79). Конец дела не сохранился, но, по-видимому, Михаила оправдали. Уже на следующий год его имя вновь встречается в документах.

Во время новгородской службы в функции Михаила Сахарникова входил не только перевод грамот и речей, но и некоторые иные, специфические формы деятельности. Так, в 1659 г. переводчик имел беседу со шведским посланником А. Меллером. Зная о том, что переводчик обязан донести начальству о содержании разговора и, видимо, не имея возможности обратиться к новгородским властям напрямую, Меллер довольно откровенно высказал суть шведских претензий к московской стороне. Речь шла о невозвращении шведских полоняников и об их повторном крещении в православную веру (*Селин*, 2016, С. 334, 637). Новгородским переводчикам поручался также контроль над выезжающими из страны иноземцами. Их следовало допрашивать и следить, чтобы с ними не отъехали русские подданные (*Селин*, 2016, С. 169). Приходилось им бороться и со шпионажем (*Якубов К.И.* Россия и Швеция в первой половине XVII века. М., 1907. С. 396).

Умер Михаил Сахарников в Новгороде 6 октября 1661 г. «в ночи» «скорою смертью». Из-за опасности эпидемии двор тут же поставили на карантин. Рядом с домом разместили караул стрельцов. Жену расспросили через забор о причинах смерти и симптомах болезни.

Она сообщила, что ее муж «был болен чахоткою и чахотную болезнью». Дворовым его людям было велено временно захоронить тело «у нево ж во дворе». До 14 октября мертвых и больных на дворе не обнаружилось, однако по указу из Москвы сторожей велено было держать у двора еще шесть недель (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1661 г. Д. 6. Л. 36—37). Только после этого его смогли похоронить на кладбище. В 1646 г. переводчик проживал на Дубошине улице на оброчном дворе: «За переводчиком за Михаилом Сахарниковым место Кондрашка Сапожника, место Васьки Прасола, оброку и пошлин 2 алт. 2 д.» (Писцовые и переписные книги Новгорода Великого XVII — начала XVIII вв. СПб., 2003. С. 108). Вскоре после этого из Посольского приказа прислали нового переводчика, Лазаря Цымермана (Цымерманова) (*Беляков А.В. Посольство И.И. Чемоданова в Венецию 1656 г. // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. М., 2017. С. 34—35; Беляков, 2017, С. 339*).

Остается открытым вопрос о том, какими языками владел Михаил Сахарников. Во всех документах он называется немецким переводчиком. В июле 1658 г., во время Валиесарских переговоров, стрелецкий голова Иван Колобов доставил новгородским властям четыре грамоты. Сахарников определил, что две из них писаны «цесарским» языком, одна на французском, и одна на шведском. При этом переводчик смог перевести только одну из двух цесарских грамот, «а трех листов переводчик перевесть не умел». Пришлось обращаться за помощью переводчиков Ефима Фентурова и Ивана Адамова, служивших при посольстве боярина князя И.С. Прозоровского. При этом ранее Сахарников назывался переводчиком со шведского языка (*Селин, 2016. С. 530; Якубов, 1897. С. 97, 145*).

На этом история Михаила Сахарникова завершилась. Он прослужил в Посольском приказе в общей сложности 32 года. Его жизнь была наполнена яркими событиями. Нам удалось осветить только некоторые из них. При этом его судьбу следует признать не уникальной, а скорее типичной для своего времени.

В 1638, 1640 и 1649 гг. в Новгороде отмечается помимо Михаила Сахарникова переводчик Андрей Иванов (*Селин, 2016, С. 169; Якубов, 1897. С. 396*), в 1650 г. — Михаил Корнильев (*Селин, 2016, С. 530*). Последний, однако, идентичен Михаилу Корнильеву сыну Сахарникову. Об Андрее Иванове у нас имеется информация почерпнутая из его челобитной от 1661 г. Он утверждает, что служил переводчиком в Пскове и Новгороде 45 лет. В таком случае его карьера началась около 1616 г. В 1658/59 г. «устарел и занемог, в при-

казную избу по все дни ходить не мог. А как надо шведские и датские грамоты переводить — перевожу». Но жалование за это не получал. Помимо этого у него сгорел двор. Указом 14 сентября 1661 г. из Посольского приказа в Новгород поденный корм велено ему давать по прежнему. Также предписывалось выдать жалование и поденный корм переводчика на прошлые 1659/60 и 1660/61 гг. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1661 г. Д. 6. Л. 30—31). Переводчиком Посольского приказа Иванов, по-видимому, все же не был. Можно сделать осторожное предположение, что в крупных торговых городах, в Новгороде в частности, одномоментно могло находиться сразу несколько переводчиков. При этом Посольскому приказу из них подчинялся только один. Но в таком случае переводчик, назначаемый из Москвы, в любом случае был старшим в городе.

Н.А. Болдырева

Исайя, «сотрудник Епифания Славинецкого», и «Британия» Уильяма Кемдена (о некоторых особенностях перевода «Космографии Блау» для патриарха Никона)

В данной работе будет рассмотрен перевод историко-топографического трактата английского антиквара Уильяма Кемдена «Британия», выполненный для патриарха Никона старцем Исайей в конце 1650-х — 1661 гг. в составе «Нового атласа» Блау. Наша цель — осветить некоторые особенности данного перевода, учитывая специфику первоисточника и подхода к данному виду работы малороссийского монаха, представителя переводческой школы Епифания Славинецкого.

Труду Исайи посвящено очень немного научной литературы. Первой стала статья Н.А. Казаковой (*Казакова Н.А.* Русский перевод XVII в. труда Блау «Theatrum orbis terrarum sive atlas novus» // Вспомогательные исторические дисциплины. Л. 1985. С. 161—178). Из современных исследований нужно отметить публикации Н.В. Николенковой, особенно одну из ее последних (*Николенкова Н.В.* Переводческая деятельность в московском Чудовом монастыре: новые данные о кружке Епифания Славинецкого // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. № 6. 2018. С. 77—92). Однако оба автора анализировали перевод глав об Италии. «Британский материал» к сравнению не привлекался. Между тем его использование

позволило нам, с одной стороны, дополнить ряд сделанных ранее выводов, с другой — опровергнуть некоторые из них.

Уильям Кемден (1551—1623) по праву считается одним из самых авторитетных представителей антикварного движения. Основатель английского Общества антиквариев, официальный королевский историограф, декан Вестминстерского колледжа, один из гербовых королей (Clarencieux king of arms) Английского королевства, он оказал большое влияние на развитие исторической науки в Европе. Созданный по совету Абрахама Ортелиа знаменитый историко-топографический трактат Кемдена «Британия» («*Britannia, sive Florentissimorum Regnorum Angliae, Scotiae, Hiberiae, et Insularum adjacentium ex intima antiquitate Chorographica Descriptio*», 1586) стал вершиной развития тюдоровской и ранней стюартовской историографической антикварной традиции (*McKissack M. Medieval history in the Tudor age. Oxford, 1971. P. 152*). Являясь самым подробным описанием Британии, этот труд включал в себя данные нескольких новых для того времени исторических дисциплин: топонимики, ономастики, геральдики, археологии, эпиграфики и нумизматики.

При жизни автора «Британия» была издана шесть раз в Лондоне и один во Франкфурте, после его смерти — еще минимум десять в одной только Англии. В добавление к этому в 1617 и 1639 гг. ее сокращенный текст 1607 г. был напечатан типографами Блау в Амстердаме, а отрывки из издания 1600 г. легли в основу описания карт Англии и Ирландии в Атласе Меркатора-Хондия (впервые они появились в издании 1606 г. См.: Болдырева Н.А. «Британия» Уильяма Кемдена в Атласе Меркатора-Хондия (1613) // *Средние века. 2018. № 79(2). С. 107—130*). В 1645 г. Блау включили трактат Кемдена (издание 1607 г.) в свой «Новый атлас», в 1646 г. это сделал Ян Янссоний. Данные атласы были необычайно популярны, неоднократно переиздавались, дополнялись новыми картами и пояснениями, переводились с латинского на французский, голландский, немецкий, испанский, английский и русский языки. Благодаря этому труд Уильяма Кемдена стал известен во многих европейских странах, в том числе и в Московском государстве.

Русские правители XVII в. были весьма заинтересованы в получении последних сведений о западных странах. Закупка книг считалась делом государственной важности, посольствам вручались списки сочинений, которые необходимо было приобрести в Европе. Появление в Москве значительного количества зарубежной литературы и создание переводов способствовали активному распространению новых сведений в кругах интеллектуальной и управленческой

элиты Московии. А.И. Соболевский считал, что отбор книг для перевода делался государем или патриархом с помощью рекомендаций «служилых иноземцев» (*Соболевский А.И.* Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв. СПб. 1903. С. 45) и отмечал особое внимание русских читателей именно к географии.

Перевод четырех томов «Нового атласа» Блау под заглавием «Позорища всея вселенная, или Атлас новый в нем же начертания и описания всех стран издана суть» был выполнен тремя книжниками — Епифанием Славинецким (первый и частично второй том), Арсением Сатановским (вторая часть второго тома) и Исайей (третий и четвертый тома).

Полный текст «Британии» стал основой четвертого тома «Нового атласа» Блау, за исключением описаний Ирландии и Шотландии, которые, будучи значительно сокращенными, могли публиковаться как в третьем, так и в четвертом томе. Тексты переводов в четырех томах с вкладной патриарха Никона хранятся в Отделе рукописей Государственного исторического музея, в собрании бывшей Синодальной библиотеки (1 т.: Син. 779 — черновой список, Син. 19 — чистовой, собственноручная вкладная патриарха Никона 1661 г.; 2 т.: Син. 781 — черновой список, Син. 112 — чистовой, собственноручная вкладная Никона 1661 г.; 3 т. — Син. 780 — черновой список, Син. 204 — чистовой список, вкладная Никона 1666 г.; 4 т. — Син. 41, вкладная Никона 1661 г.), хотя известны и другие списки, в частности, вступительной главы первой части (именно в этих вступительных главах в России впервые было опубликовано гелиоцентрическое учение Н. Коперника. Подробнее См.: *Райнов Т.И.* Наука в России XI—XVII вв. М., 1940; *Райков Б.Е.* Очерки по истории гелиоцентрического мировоззрения в России. М.; Л., 1947).

«Вританния» (Син. 41) представляет собой 624 листа южнорусской скорописи на бумаге с водяными знаками типа «голова шута с семью зубцами» в переплете XVII века (доски в коже с золотым тиснением; См.: Протасьева Т.Н. Описание рукописей Синодального собрания. Ч. I. М., 1970—1973. Описание № 735). На листах 6—13 — вкладная патриарха Никона в Новоиерусалимский монастырь. Помимо основного почерка самого Исайи, нам встретилось еще два (также скоропись): небольшой фрагмент на Л. 12 об., и отрывок еще меньшего объема — на Л. 480. Черновик третьего тома (Син. 780), содержащий главы о Шотландии и Ирландии, меньше по размеру — в четверть листа, состоит из 650 листов юго-западной скорописи. Картонный переплет датируется XVIII в. (*Протасьева Т.Н.* Указ.

соч. Ч. I. Описание № 731). На первом листе — киноварная помета: «Превод Исаяи товарища Епифаниева». Описания Шотландии и Ирландии занимают последние листы (Л. 631—647 об.). Согласно нашим наблюдениям, Исайя пользовался оригиналом атласа 1648—1650 гг., что подтверждается сопоставлением латинского текста и церковно-славянского перевода третьего и четвертого томов.

Сведения о жизненном пути «товарища Епифаниева» практически отсутствуют. К.В. Харлампович предполагал, что тот являлся старцем Межигорского Спасо-Преображенского монастыря, прибывшим в Москву по приглашению русского правительства в сентябре 1651 г. среди других выходцев из разных малороссийских обителей для участия в книжной справе и в дальнейшем принявшим участие в переводе атласа Блау совместно с Епифанием Славинецким: «Об этом заключаем из языка перевода, характеризующегося полонизмами и южно-руссизмами» (*Харлампович К.В.* Малороссийское влияние на великорусскую культурную жизнь. Казань, 1914. С. 141). Вначале Исайя был помещен в Андреевский Преображенский монастырь в Пленницах, а затем, возможно, проживал в Чудовом монастыре в Кремле (Т.Н. Протасьева называет Исайю «Чудовским», вероятно, полагая, что «сотрудник Епифания Славинецкого» жил вместе с ним в Кремле).

В ходе этой непростой работы Исайя проявил себя ответственным и вдумчивым интерпретатором, способным комплексно подойти к выполнению поставленной задачи. Он полностью воспроизвел деление «Британии» на главы, как вводные, обобщающего характера («Вритания», «Вритании имя», «Нравы вритянов», «Римляне в Британии», «На вританския пенязи непщевания», «Знамения на римския пенязи», «Разорение Вритании», «Вританяне Арморитетии» и т.д.), так и хорографические. В описании Англии и Уэльса он также придерживался структуры подачи материала, выбранной Кемденом — от обозначения территории расселения кельтских племен к графствам («Белгыне»: «Сомерсет-спире», «Вилсгире», «Векта остров. Исле Офь Виггтъ». Син. 41. Л. 194—236). Отдельно была переведена «Хроника королей Мэна» («Хроникон царей Мании». Син. 41. Л. 609—614 об.) — уникальные анналы этого острова XI—XIV вв. Большое внимание уделено цифрам и «статистическим» данным (количество населенных пунктов, церквей и т.д.), которые английский антикварий приводил в своем труде. Это имело особое значение, ведь в русском переводе атласа Блау карты — самое ценное, что в нем было для его современников и потомков — отсутствуют.

В латинском оригинале читателю помогали ориентироваться глоссы. Если они никак не были связаны с основным текстом, а

лишь указывали на источник той или иной цитаты, обозначали тему подраздела и т.д., Исаяя их опускал. В случае, когда без ремарки на полях понимание основного текста было невозможно, старец включал ее в перевод (так, поясняется слово «гайда», расшифровывается римская эпиграфика и т.д.)

Иным типом информации, который активно использовался в «Британии», являлись иллюстрации. Их Исаяя перенес на страницы перевода частично (например, изображение камня короля Дониерта опущено, зато крест короля Артура скопирован полностью, включая перевод надписи; алтарь Гая Корнелия Перегриня в Кумбрии зарисован схематично, посвящение было переведено частично и т.д.). Складывается впечатление, что ближе к концу рукописи Исаяя проникся мыслью о том, что иллюстративный материал — неотъемлемая часть текста Кемдена, и все чаще включал его в перевод.

Многочисленные поэтические вставки, столь интересные для антиквария, переведены практически все, за редким исключением. Графически Исаяя их выделял редко, но существуют немногочисленные примеры того, что он пытался следовать правилам оформления стихотворных строк (Син. 41. Л. 15—15 об.).

Язык перевода Исаяи ученый церковно-славянский и уже в силу этого тяжелый. Он включает полонизмы и южноруссизмы (*Соборлевский А.И.* Указ. соч. С. 62), которые естественны для выходцев из Киева. Перевод пословный. Знание латыни у старца было самого высокого уровня, мы нашли незначительное количество его собственных исправлений. Знал он и греческий. «Британия» содержит в достаточном объеме цитаты из сочинений Дионисия Периегета, Аристиды, Аполония Родосского, Диодора Сицилийского, Страбона, Прокопия Кесарийского и т.д. на языке оригинала. Исаяя вариативно либо копировал греческий текст, либо переводил его. Он понял значение слов «пентархия» и «гептархия» («пятоначалие» и «седмоначалие». Син. 41. Л. 134—134 об.), в выборе слова для перевода зачастую выбирал греческий корень («senates» — «синклит» (Син. 41. Л. 143), хотя в Лексиконе Епифания Славинецкого предлагался также вариант «совет» и т.д.). Божества античного пантеона старец переименовывал с римского образца на греческий лад (Ceres — «Димитра», Diana — «Артемида»).

С европейскими языками Исаяя знаком не был: на Л. 148 об. и 347 об. (Син. 41) мы встретили оставленные им незаполненными части листа на месте английских стихотворений, в частности, поэта Чосера (у Исаяи он значится как «Хавцер»). Английские и француз-

ские слова и онимы старец транслитерирует по латинскому образцу (например, девиз Ордена Подвязки в его интерпретации звучит как «ГОНИ СОИТ КВИ МАЛ И ПЕНСЕ» («Honi soit qui mal u pense»; Л. 243 об.). Тем интереснее становятся для нас попытки Исайи проникнуть в особенности англосаксонского языка, в чем ему помогал алфавит, приведенный Кемденом и перепечатанный Блау.

Содержание «Британии» Исайя передал самым подробным образом, включая такой материал, ранее недоступный русскому читателю в столь значительном объеме или неизвестный вовсе, как, например, описание кельтских и римских нумизматических коллекций (изображения монет в переводе отсутствуют) или римская и средневековая эпиграфика. Наибольшие сложности у переводчика возникли именно с античными надписями, имеющими свои законы оформления и расшифровки. Но многие сокращения он распознал правильно.

В заключение мы хотели бы выразить согласие с мнением Н.В. Николенковой о русском переводе атласа Блау в целом: «Фундаментальность работы, объем и характер заключенных в нем сведений требует признать этот перевод едва ли не первым серьезным естественно-научным сочинением в области географии, переведенным в допетровское время» (*Николенкова Н.В.* Стратегии формирования церковнославянского языка как языка науки в XVII в. (на примере перевода Атласа Blaeu) // *Славянское языкознание. XV Международный съезд славистов. Минск, 21—27 августа 2013 г. Доклады российской делегации.* М., 2013. С. 592). Вместе с этим считаем необходимым подчеркнуть, что задача, стоявшая перед Исайей, была на порядок сложнее, чем у Епифания Славинецкого или Арсения Сатановского. Старцу пришлось иметь дело не просто с краткими компилятивными текстами, сопровождавшими карты. Он осмыслил и переводил научную монографию в практически современном значении этого слова: с углубленным изучением связанных между собой тем, выдвижением новых гипотез, аргументацией позиции автора, анализом литературы, разветвленной системой цитирования, причем на разных языках, с использованием абсолютно разных источников информации, вплоть до иллюстративного материала. Несмотря на недостаточное количество знаний в некоторых вспомогательных дисциплинах, Исайя, проявив себя настоящим профессионалом, справился с данной задачей на самом высоком уровне, благодаря чему в церковнославянском тексте особенности антикварного подхода Кемдена к историописанию были сохранены в максимальном объеме.

Переводчики Посольского приказа Степан и Вельямин Степановы в дипломатии Бориса Федоровича Годунова

Из всех многочисленных переводчиков Посольского приказа эпохи правления Бориса Федоровича Годунова и в качестве «государева шурина и слуги», и после занятия им царского престола, братья Степан и Вельямин Степановы занимали особое положение, на что неоднократно обращали внимание исследователи внешней политики Московского царства этого периода (*Беляков А.В.* Чингисиды в России XV—XVII веков. Просопографическое исследование. Рязань, 2011 С. 174, 286; *Беляков А.В., Виноградов А.В.* Мурад-Гирей: служилый Чингисид в России или претендент на Крымский престол? // Тюркологический сборник 2011—2012: Политическая и этнокультурная история тюркских народов и государств. М., 2013 С. 28, 31, 48; *Виноградов А.В.* Русско-крымские отношения 1591—1593 годов: от конфронтации к поискам мирных решений // Средневековые тюрко-татарские государства. № 6. Казань, 2014. С. 22, 46; *Магилина И.В.* Россия и проект антиосманской лиги в конце XVI — начале XVII вв. Волгоград, 2012. С. 106).

Особая роль Степана Степанова как переводчика впервые фиксируется со времени его пребывания в Астрахани при «царевиче» Мурад-Гирее с октября 1586 г. по весну 1591 г. Отправление в Астрахань Мурад-Гирея, второго сына свергнутого Портой с престола хана Мухаммед-Гирея II, было одной из самых смелых, хотя и не до конца продуманных внешнеполитических комбинаций Бориса Федоровича. Одновременно предполагалась решить несколько задач: упрочение политического контроля над Большой Ногайской Ордой, усиление влияния на Кавказе, дестабилизация Крымского ханства вплоть до водворения брата Мурад-Гирея Сеадет-Гирея либо самого Мурад-Гирея на бахчисарайском престоле, пресечение планов Порты организовать повторный поход на Астрахань (*Беннигсен А., Лемерсье-Келькеже Ш.* Московия, Османская империя и кризис наследования ханской власти в Крыму в 1577—1588 гг. // Восточная Европа Средневековья и раннего Нового времени глазами французских исследователей. Казань, 2009. С. 233—242; *Виноградов А.В.* Мурад-Гирей в «Астрохани». К истории политики России на Нижней Волге и на Кавказе в 1586—1591 гг. // История народов России в ис-

следованиях и документах. Вып. 5. М., 2011. С. 142—187; *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI—XVII вв. М., 1963. С. 263—265; *Новосельский А.А.* Борьба Московского государства с татарами в XVII веке. М., 1948. С. 35—36; *Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды. М., 2001. С. 334—338).

До конца была выполнена только последняя задача. Само пребывание «царевича» в Астрахани изобиловало почти непрерывными сношениями с ногайскими мурзами, представителями крымской знати, эмиссарами кавказских правителей. Через Астрахань в Москву следовали дипломатические миссии Сефевидов. В этих условиях роль переводчика, приставленного к «царевичу», значительно выходила за рамки функций простого толмача, что наглядно иллюстрируется сохранившейся в составе 123 (сношения России с Крымом) и 127 (сношения России с Ногайской ордой) фондов РГАДА документацией, относящейся к различным аспектам пребывания Мурад-Гирея в Астрахани.

С «царевичем» в Астрахань помимо С. Степанова послали думного дворянина и воеводу Романа Михайловича Пивова, воеводу Михаила Ивановича Бурцева, стрелецкого голову Ивана Палемина, из приказа Большого дворца с кормом сытника Федора Мисюрева (РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1586 г. Д. 13. Л. 25—30). Интересно, что в ряде документов в качестве посланных с царевичем в Астрахань лиц называются только Р.М. Пивов, М.И. Бурцев и «татарский переводчик» С. Степанов (Там же. Л. 85). Воеводы являлись опытными административными и военными деятелями эпохи правления Ивана Грозного. Р.М. Пивов имел также дипломатический опыт. Приставленные к «царевичу» лица действовали в Астрахани в тесном контакте с местными воеводами во главе с князем Федором Михайловичем Лобановым-Ростовским.

За действиями Мурад-Гирея осуществлялся неусыпный контроль, в том числе и посредством приставленного к нему переводчика С. Степанова. Как докладывали в Москву астраханские воеводы «переводчик, государь, Степан по твоему государеву наказу у царевича живет неотступно в день и в ночь и дело бережет» (Там же. Ф. 123. Оп. 1. 1586 г. Д. 1. Л. 117). Сам Мурад-Гирей рассказывал астраханским воеводам и приставленным к нему Р.М. Пивову и М.И. Бурцеву, что именно С. Степанов хранил все получаемые «царевичем» из Москвы послания: «и яз де грамоты вычев, отдал грамоты переводчику Степану, чтоб тех вестей и люди мои не ведали» (Там же. Л. 52). С. Степанов присутствовал при приеме «царевичем»

ногайских мурз и посланцев кавказских правителей. В конце 1586 г. — начале 1587 г. он сопровождал Мурад-Гирея в поездку к шамхалу. Выезд представителя династии Гиреев с территории Русского государства в сопровождении стрельцов «с огненным боем» было знаковым событием и показывало особую роль «царевича» во внешнеполитических планах Б.Ф. Годунова.

После водворения весной 1588 г. на крымском престоле хана Гази-Гирея II С. Степанов призван был контролировать и «ссылки» нового хана с Мурад-Гиреем. Гази-Гирей II вел сложную дипломатическую игру с Борисом Годуновым, добиваясь возвращения Мурад-Гирея, его семьи и приближенных к нему представителей крымской знати. Фактически С. Степанов был в курсе всех обстоятельств пребывания Мурад-Гирея в Астрахани и стал свидетелем его кончины весной 1591 г. Гибель Мурад-Гирея, с большой долей вероятности отравленного ногайскими мурзами, явилась формальным поводом для знаменитого похода хана Гази-Гирея II на Москву летом 1591 г. (*Зайцев И.В.* Астраханское ханство. М., 2004. С. 191).

После провала похода хан счел необходимым урегулировать отношения с Москвой, куда были отправлены гонцы во главе с Ибрагимом Ази. Их сопровождал Ямгурчей аталык — доверенное лицо Мурад-Гирея, воспитатель детей и пасынков умершего «царевича». Ямгурчей аталык был отправлен из Астрахани в Крым астраханскими воеводами и главой присланной из Москвы комиссии для расследования убийства Мурад-Гирея О.М. Пушкиным для информирования хана Гази-Гирея II о произошедших событиях, но уже не застал хана в Крыму. По возвращении из неудачного похода Гази-Гирей II вполне объяснимо выбрал именно аталыка для прояснения ситуации, связанной с убийством Мурад-Гирея. Крымские гонцы первоначально не были допущены в Москву и задержаны в Болхове. Б.Ф. Годунов, прекрасно зная о роли Ямгурчей аталыка в Астрахани, 30 октября отправил для предварительного «расспроса» навстречу крымским гонцам вместе с приставом И. Всеволожским Степана Степанова (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 19. Л. 86 об.).

4 ноября московские должностные лица прибыли в Болхов и 5 ноября состоялся «расспрос» ими Ибрагима Ази и Ямгурчей аталыка (Там же. Л. 114). Сначала были «расспрошены» все гонцы во главе с Ибрагим Ази, затем «в ночи» состоялись переговоры с Ямгурчеем аталыком, во время которых главную роль играл С. Степанов. Ямгурчей аталык признал непричастность Москвы к смерти Мурад-Гирея и заявил, что ему поручено лично ханом передать «тайные

речи» Б.Ф. Годунову (Там же. Л. 127 об.—131). 8 ноября Всеволожский и Степанов возвратились из Болхова в Москву и предоставили в Посольский приказ «расспросное дело». Однако Годунов Ямгурчей аталыка тогда принимать не захотел. Переговоры было поручено провести Посольскому дьяку А.Я. Щелкалову. Тем не менее миссия в Болхов осенью 1591 г. явилась для С. Степанова первым «особым поручением», полученным от Б.Ф. Годунова, хотя формально все распоряжения от получал от посольского дьяка А.Я. Щелкалова

Важной вехой в служебной карьере Степана Степанова стал 1593 г., когда он был привлечен для личных переговоров Бориса Годунова с эмиссарами шаха Ирана, крымского хана и Османской Порты. Борис Федорович стремился осуществить сложную дипломатическую комбинацию: одновременно осуществить зондаж для присоединения Москвы к антиосманской коалиции, для чего предполагалось провести трехсторонние переговоры с иранским и габсбургским посольствами и, одновременно, урегулировать отношения с Крымом. При этом Стамбул должен быть заранее извещен о дипломатических контактах Москвы с Сефевидами и Габсбургами в качестве жеста сохранения «дружбы» с султаном, для чего туда отправлялось посольство Г. Нащокина. В целом Годунову удалось осуществить эту комбинацию. С. Степанов первоначально был привлечен к переговорам Б.Ф. Годунова с иранским послом Хаджи Хосровом. Уже аудиенция Хаджи Хосрова у Б.Ф. Годунова в начале августа 1593 г. показала особую роль С. Степанова. В ходе аудиенции он исполнял обязанности переводчика в присутствии дворян и «приказных людей», находившихся в распоряжении самого Годунова. После того как иранский посол заявил, что у него имеются и «иные речи, велел шахово величество известить тебе наедине» (ПДТСМРГ. Т. 1. С. 240), были высланы все лица, участвующие в аудиенции, кроме С. Степанова. Во время переговоров иранский посол сообщил, что шах рассматривает Годунова как ключевую фигуру в определении внешнеполитического курса Москвы, который «единою рукою держит землю Русскую».

И.В. Магилина подчеркивает, что Хосров, будучи по происхождению «литвином», сам свободно владел русским языком и в свое время являлся переводчиком шаха, и «таким образом роль переводчика Степана Степанова во время разговора Годунова с Хосровом была формальной, для соблюдения протокола» (Магилина И.В. Указ. соч. С. 106). Это, конечно, не так. Во-первых, по посольским обычаям переводчики Посольского приказа часто присутствовали при переговорах иностранных послов. Вместе с тем в данном случае речь шла

о переговорах посла не с комиссией думных чинов, а только с Борисом Федоровичем. Выбор им в качестве переводчика С. Степанова объяснялся, помимо личного доверия, тем, что Степанов владел информацией о «ссылках» с Сефевидами, находясь в Астрахани при Мурад-Гирее. Именно он при проезде через Астрахань персидских дипломатов обеспечивал их «сопровождение».

Затем Степанов был привлечен к приему Годуновым Ямгурчей аталыка, который на сей раз прибыл в Москву в качестве официального ханского посланника. 28 августа ханский эмиссар получил аудиенцию у «государева слуги и конюшого», и после краткой «церемониальной части» последовали переговоры Ямгурчей аталыка и Б.Ф. Годунова (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 20. Л. 54). Они опять шли в присутствии только переводчика Степана Степанова, что ясно показывало доверие, которое оказывал ему Борис Федорович. Как и при приеме иранского посла, перед началом переговоров все прочие «приказные люди» должны были «выйти вон» (Там же. Л. 56). Во время переговоров Годунова с Ямгурчеем аталыком были оговорены не только организация посольского съезда и размена под Ливнами и условия русско-крымского «докончания», но и возможность перехода хана Гази-Гирея II «под руку» московского государя в случае его смещения с престола Портой. Особое место на переговорах занимал вопрос о возвращении в Крым вдовы Мурад-Гирея «царицы» Ертуган.

Степан Степанов принял участие осенью 1593 г. в подготовке проекта договора с Крымом, который должно было доставить в Крым посольство князя Меркурия Александровича Щербатова и дьяка Афанасия Демьянова. Крымский противень договора — т.н. «шертной грамоты» — был переведен им на язык официального крымского делопроизводства (в посольской книге по традиции был помещен кириллический текст). На это указывает концовка противня: «А написана такова грамота татарским письмом и послана, подклея, под рукою». Далее следует писарская запись: «А писал переводчик Степан Степанов» (Там же. Л. 421—421 об.) Это был первый случай фиксации в русской посольской документации по связям с Крымом участия переводчика Посольского приказа в составлении «шертной грамоты».

С 1592 г. начинается карьера брата Степана Степанова — Вельямина. Д.В. Лисейцев отмечает, что Вельямин с 1592 г. упоминается в связи с приездами в Москву персидских послов (*Лисейцев Д.В. Посольский приказ в эпоху Смуты*. М., 2003. С. 369). Однако главным в это время для Вельямина было «крымское направление», где он работал в тесной «связке» с братом. По итогам переговоров Б.Ф. Го-

дунова с Ямгурчеем аталыком было решено отпустить в Крым вдову Мурад-Гирея Ертуган с частью лиц из состава «двора» «царевича». Организация переезда «царицы» из Нижнего Новгорода в Москву 20 сентября 1593 г. была возложена на Вельямина Степанова. В составе 20-й крымской посольской книги имеется объемное дело об «отпуске «царицы», включающее в себя «наказную память» Вельямину Степанову и грамоту Ертуган от имени государя Федора Ивановича (РГА-ДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 20. Л. 77—83 об.). Вельямину Степанову дали обширные полномочия, хотя вся «деловая часть» переезда Ертуган была возложена на пристава Григория Волынского. Успешно выполнив свое поручение, Вельямин Степанов должен был далее сопровождать «царицу», ее «людей» и часть отпускаемых приближенных Мурад-Гирея к месту посольского съезда и размена под Ливнами. Фактически он являлся третьим по значению среди лиц, ответственных за посольский размен после «разменных» послов князя Федора Ивановича Хворостинина и Богдана Яковлевича Бельского. Вельямин Степанов помимо того, что он был «приставлен» к «царице» с ее большим обозом, также принимал участие в качестве переводчика во всех переговорах с крымскими «разменными послами» во главе с Ахмед-пашой Яшлавским. Пришлось Вельямину активно общаться и с отпускаемым в Крым Ямгурчеем аталыком. Уже после того как посольский размен был совершен, и отпускаемые крымские дипломаты во главе с Ямгурчеем аталыком и «царица» Ертуган переправились через реку Сосну, Вельямин в течение двух дней (12 и 13 ноября) ездил в крымский лагерь на другой берег реки для организации заключительных переговоров русских «разменных послов» с крымскими. Кроме того, Вельямин организовал переговоры Хворостинина и Бельского с эмиссаром хана Ислам-огланом, посланным специально для контроля над отпуском приближенных Мурад-Гирея. Так как значительная часть из них осталась «на Москве», ханский эмиссар выразил жесткие претензии. Конфликт уладили с большим трудом при активном участии Вельямина Степанова (*Виноградов А.В.* Русско-крымский посольский съезд под Ливнами осенью 1593 г. // Средневековые тюрко-татарские государства. Казань, 2015. Т. 7. С. 71—75).

Степана Степанова в это время Борис Федорович держал в Москве. Ему предстояло очередное ответственное дело: участие в приеме эмиссара Порты Резвана чауша, посланного в Москву вместе с возвращающимся послом Г. Нашокиным. Годунов намеренно затягивал приезд чауша в Москву до отъезда иранских дипломатов и завершения посольского размена с крымцами.

Аудиенция Резвана чавуша у Годунова 25 ноября 1593 г. была обставлена весьма торжественно — «при Борисе Федоровиче в полате стояли дворяне в золотом платье». Церемониальную часть аудиенции вел А.Я. Щелкалов, принимавший послания великого везиря Коджи Синан-паши к Годунову (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 3 Л. 268 об.). Приветственную «речь» чавуша переводил С. Степанов. После этого все опять были выпровожены вон, и переговоры с эмиссаром Годунов был намерен вести только в присутствии А.Я. Щелкалова и С. Степанова (Там же. Л. 269). Однако после того как Степан Степанов задал вопрос, имеются ли у чавуша полномочия для переговоров, Резван ответил, что у него «никакого приказа нет». Было ясно, что Порта направила своего эмиссара главным образом для сбора информации.

Степан Степанов был востребован в личных дипломатических переговорах Б.Ф. Годунова и в 1594 г. Аудиенция ханского гонца Казан-аги и гонца калги (наследника престола) Фетх-Гирея Османа у Б.Ф. Годунова состоялась 13 августа 1594 г. (Там же. Ф. 123. Оп. 1. Д. 21. Л. 360 об.). Это был первый после 1588 г. официальный прием крымских дипломатов у Бориса Федоровича (переговоры с Ямгурчеем аталыком летом 1593 г. носили «полуофициальный характер»). Аудиенция была выдержана в соответствии с нормами приемов крымцев московскими государями. Встречал их сын боярский Петр Юренев. «Являл» гонцов приказной человек Курбат Хвостов, «речи» переводил С. Степанов. После приветствия крымцев и отдачи ими послания хана к «государеву шурину и слуге» Борис Федорович спросил про здоровье «царя» и позвал обеих крымцев корошеваться. Далее гонцам было предложено сесть, «а люди все из избы вышли вон». Остался только С. Степанов. Начались переговоры, которые происходили в традиционной форме обмена вопросами и ответными «речами». Крымцы устами Казан-аги пространно рассказали о заключении «докончания» — принесении шерти ханом перед послами. Далее Казан ага сообщил о приказе к нему Гази-Гирея непременно «после аудиенции у государя «видеть очи» Годунова. Годунов в ответе подчеркнул, что аудиенцию он им дает только по приказу государя. Крымцев это не смутило. Казан-ага передал пожелание «Казы Гирея царя» видеть Бориса Федоровича «нам омиатом». Это была не простая любезность, а признание особой роли Годунова как гаранта сохранения «добраго дела» с Крымом. Дальнейший обмен «речами» носил жесткий и деловой характер. И Казан-ага, и гонец калги поставили ввод в действие заключенного в Бахчисарае «докончания» (договора) в зависимость от выплаты «казны», включавшей в себя помимо традиционных «по-

минок» и «жалования» крымской знати также и т.н. «запросные деньги». Гонец калги выразил также недовольство незначительным количеством «поминок» (Там же. Л. 360 об.—365).

Далее крымцы по существу потребовали гарантий присылки от московского государя «сей осени» «послов своих, и казны, и запросов к украиному своему городу к Ливнам». Переговоры определили дальнейшую тактику Годунова в отношении Крыма: затягивание посольского размена с выплатой «казны» до прояснения ситуации, связанной с пребыванием хана Гази-Гирея II на театре военных действий в Центральной Европе, где полным ходом шла война Порты с антиосманской коалицией.

В дальнейшем Степан Степанов в источниках не упоминается. Карьера Вельямина Степанова успешно продолжалась и после занятия Б.Ф. Годуновым царского престола. На «крымском направлении» внешней политики Москвы в царствование Бориса Федоровича последним заметным участием В. Степанова в переговорах с крымскими дипломатами стал март 1605 г., когда тот выступил в качестве переводчика при переговорах бояр Степана Васильевича Годунова и Семена Никитича Годунова с крымскими гонцами во главе с Джан Ахмедом Челеби. Эта была неудачная попытка действовавших по поручению царя его родственников и немногих оставшихся к тому времени лиц, пользовавшихся его доверием из состава думных чинов, склонить Крым к выступлению против самозванца. Предполагалась также совместное выступление против Речи Посолитой («литовский поход»). Посольский дьяк А. Власьев в переговорах не участвовал, только приняв гонцов в «Посольской палате». Сами переговоры шли в «казенной палате». В составе дела есть характерная запись: «А что бояре говорили с крымскими гонцы, и то записывал Вельямин (Там же. Ф. 123. Оп. 1. 1604 г. Д. 2. Л. 155; Акты времени Лжедмитрия I (1603—1606 г.) // Смутное время Московского государства (1603—1606 гг.). Материалы, изданные Императорским обществом истории и древностей российских при Московском университете. М., 1918. С. 183). Ранее В. Степанов ходил на подворье к крымским гонцам. После воцарения Лжедмитрия I с карьерой В. Степанова было покончено. Вряд ли оставшийся во главе Посольского приказа и пользовавшийся доверием самозванца А. Власьев оставил в числе толмачей лицо, информированное о многих сторонах внешней политики Бориса Годунова. Как отметил Д.В. Лисейцев, из дальнейшей документации известно, что В. Степанов служил в Посольском приказе до «Московского разорения» и имел под Москвой 100 четей поместья (*Лисейцев*

Д.В. Посольский приказ в эпоху Смуты С. 370). При этом *Д.В. Лисейцев* полагает, что *В. Степанов*, возможно, служил в Посольском приказе в царствование *Василия Шуйского* (Там же. С. 152). Документальных подтверждений этому нет. Возможно, что *В. Степанов* был жив к моменту воцарения *Михаила Федоровича Романова*. Косвенным подтверждением этому является приводимая *Д.В. Лисейцевым* справка о подмосковных поместных окладах татарских толмачей за 1614 г., в которой тот упоминается (Там же. С. 163—164).

Фигуры братьев *Степановых* несомненно выделяются из всей многочисленной корпорации переводчиков Посольского приказа. Они привлекались к переговорам, которые велись либо самим *Б.Ф. Годуновым*, либо его доверенными лицами без участия главы Посольского приказа. В «ссылках» с Крымом они играли особую роль: направлялись для участия в предварительных «расспросах» прибывающих гонцов и для участия в «посольских съездах». Несомненно, что факт их особого положения среди переводчиков Посольского приказа будет подкрепляться при введении в научный оборот материалов уцелевшей посольской документации по связям с Крымским ханством, Ногайской ордой, Сефевидским Ираном и другими государствами Востока.

Е.Н. Горбатов

Переводчики в боярских списках 1620—1670-х гг.

Боярские списки являются важным источником по истории государева двора. Благодаря им становится известной его структура, личный состав и служебная деятельность дворовых чинов (Подробнее об этом см. *Станиславский А.Л.* Труды по истории государева двора в России XVI—XVII веков. М., 2004; *Павлов А.П.* Боярские списки 30—40-х гг. XVII века // Россия XV—XVIII столетий: Сб. научных статей. Волгоград, СПб., 2001. С. 136—185; *Белоусов М.Р.* Боярские списки 1645—1667 гг. как исторический источник. Казань, 2008. Т. 1—2). За время с 1624 по 1676 гг. сохранилось большое количество боярских списков, практически за каждый год. Главная цель составления и ведения этих документов заключалась в осуществлении контроля за личным составом двора. За указанный период существовало два вида боярских списков — «подлинные» и «наличные». «Подлинные» боярские спи-

ски составлялись ежегодно и действовали в течении всего года. В них вносились все изменения в составе двора, переходы в другой чин, пометы о службе, отпуске, состоянии здоровья, отставке, опале и смерти. В «подлинных» боярских списках отражен весь состав двора за исключением жильцов, для которых существовали жилецкие списки. Целью составления и ведения этих списков был контроль за всем составом двора в течении года. «Наличные» боярские списки составлялись гораздо чаще и действовали в течение нескольких месяцев. В них также заносились пометы о службе, состоянии здоровья, реже о смерти и переводе в другой чин. В отличие от «подлинных», «наличные» боярские списки отражают не полный состав двора, а только ту часть, которая находилась во время составления списка в Москве, т.е. «на лицо» (отсюда и название). Соответственно, пометы о службе касались только тех, кто находился в столице. Структура боярских списков за указанный период оставалась практически неизменной. Начинался список с заголовка с указанием чинов и даты составления, а также его вид — «подлинный» или «на лицо». Далее следовали перечни думных чинов — бояр и окольничих, затем шли высшие придворные чины — кравчий, постельничий, казначей, печатник, стряпчий с ключом, московский ловчий и ясельничий. Между ними не всегда в одной и той же последовательности помещались думные дворяне и думные дьяки. Далее следовали перечни придворных чинов — стольники и стряпчие с платьем. Во время патриаршества Филарета (1619—1633) между ними помещался перечень патриарших стольников. После стряпчих следовали московские дворяне, перечень которых замыкался именами иноземцев, служащих по московскому списку, далее следовали дьяки, выборные дворяне, жильцы у крюка и шатерничие. Со временем исчезли из боярских списков перечни патриарших стольников с упразднением чина в 1633 г. Еще ранее — в 1630 г. — перестали вносить в списки перечни выборных дворян.

Боярские списки изначально составлялись в столбцовой форме. Размер листа соответствовал стандартной форме и составлял в длину 37—38 см, а в ширину 14—15 см. Однако в течение времени использования списка некоторые листы изымались, а на их место подклеивались листы с внесенными в них изменениями. Это обнаруживается при сличении почерков и цвета чернил. Также следы редактирования списков видны из наличия листов нестандартной длины, которые в два и три раза меньше основных. Из этого следует, что список в течение года мог быть сильно изменен. С 1667/68 г. боярские списки стали составляться в книжной форме.

Служебные пометы, которые являются основным источником сведений о службе московских чинов, тем не менее, не вполне ее отражают. Пока не выяснена общая цель внесения в списки помет о службе. Высказывались мнения о том, что пометы служили для приказных напоминанием о местонахождении чинов двора. Однако при сравнении с другими источниками о служебной деятельности московских чинов — разрядными книгами выясняется, что в списки заносились далеко не все служебные назначения.

Основная часть помет о службе относится к воеводским, встречаются также пометы об участии в посольствах, службе на «засечной» черте, участии в составлении писцовых описаний, а также различных служебных посылок и др. Наряду с этим стоят пометы о службах в приказах. Кроме должности судьи приказа, московские чины назначались и для исправления службы по нуждам приказа. До сих пор еще нет исследования на тему характера службы в приказах московских чинов.

В боярских списках до 1664 г. отсутствуют пометы о службе московских чинов в переводчиках. Между тем, известно, что Прокопий Иванович Вражский, служивший в московских дворянах в 1635—1645 гг., являлся переводчиком с татарского языка (Приходо-расходные книги московских приказов. 1619—1621 г. М., 1983. С. 144). В переводчиках он начал числиться не позднее 1618 г. (Осадный список 1618 г. Памятники истории Восточной Европы. Источники XV—XVII вв. Сост. Ю.В. Анхимюк, А.П. Павлов. М., 2009. С. 97). В боярских списках он известен с 1635 г. (РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 111. Ч. 3. Л. 108). Согласно боярской книге 1629 г., он был написан в московские дворяне именно в 1634/35 г. с окладом в 1 000 четей и 150 рублей (РГАДА. Ф. 210. Оп. 1. Д. 2. Л. 369). Имя его находилось в конце пятой — начале шестой сотни. Во всех списках рядом с его именем стоит помета «в Посольском». В списке 1644/45 г. имя его зачеркнуто, а рядом записано «153-го году умре» (РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 184. Л. 69).

Кроме него еще ряд московских дворян имеет помету о службе в Посольском приказе. Однако проверить род деятельности этих лиц в приказе пока не удастся. В одном случае в помете прямо сообщается, что должностное лицо исполняет в Посольском приказе обязанности тюремщика, охраняя колодника. Все имена дворян с пометой «в Посольском» были выявлены, однако из них никто не упоминается в переводчиках.

Кроме П.И. Вражского в переводчиках служил Михаил Аполикострицкий (Поликострицкий). Он был, согласно боярской книге 1629

г., написан в московский список 12 января 1640 г. (РГАДА. Ф. 210. Оп. 1. Д. 2. Л. 338 об.). К сожалению, размер поместного оклада узнать пока не удастся, так как запись сильно затерта, и текст в этом месте угас. Однако размер денежного оклада известен — 13 рублей. При этом он получал кормовые деньги по три алтына на день. Любопытно, что имя его было написано не в действующую боярскую книгу 1639 г., где оно отсутствует, а в книгу 1629 г. В боярских списках его имя также написано только один раз в списке 1642/43 г. (РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 182. Ч. 2. Л. 157). При этом рядом с его именем стоит помета «за вину, что в 150-м году с Тулы збежал, велено служить с иноземцы». Согласно данным А.В. Белякова, М. Аполикострицкий был толмачом греческого языка в 1643/44—1651/52 гг. (*Беляков А.В. Служащие Посольского приказа 1645—1682 гг.* СПб., 2017. С. 324). Соответственно, служить в переводчиках он стал после исключения его из двора.

Венисар Михайлович Едреновский (Ендровский, Яндровский) был записан в перечень иноземцев по московскому списку 26 февраля 1629 г. («Подлинные» боярские списки 1626—1633 годов. Сборник документов / Сост. Е. Н. Горбатов. М., 2015. С. 307). Согласно боярской книге 1629 г., оклад его составлял 450 четей 23 рубля (РГАДА. Ф. 210. Оп. 1. Д. 2. Л. 340 об.). Помет о службе рядом с его именем практически нет, за исключением обязательной для всех службы на засечной черте в 1641 г. (РГАДА. Ф. 210. Оп. 17. Д. 45. Л. 225). Последний раз в боярских списках его имя упоминается в 1658/59 г. с пометой «в Посолском приказе в переводчикех» (*Белоусов М.Р.* Указ. соч. Т. 2. С. 112). Согласно данным А.В. Белякова, В.М. Едреновский был в греческих переводчиках в 1659/60—1676/77 гг. (*Беляков А.В.* Указ. соч. С. 300). Из этого следует, что переход в переводчики означал выход его из состава двора.

С пометой «переводчик» в боярских списках впервые встречается в 1663/64 г. Михаил Степанович Кошаев, служивший в московских дворянах (*Белоусов М.Р.* Указ. соч. Т. 2. С. 198). Согласно данным боярской книги 1658 г., он был написан по московскому списку 1 ноября 1659 г. по памяти из Посольского приказа, будучи уже тогда переводчиком турецкого и татарского языка (Боярская книга 1658 г. М., 2004. С. 212). Оклад его составлял 800 четей и 100 рублей. В боярских списках 1660/61 и 1661/62 гг. его имя написано с пометой «у дела», а в списке 1662/63 г. рядом с его именем помечено «в Посолском приказе». В списках положение его имени с каждым годом повышалось и в 1672/73 г. он находился на 179-й позиции (РГАДА. Ф. 210. Оп. 2. Д. 11. Л. 79). Согласно данным А.В. Белякова М.С. Ко-

шаев числился в переводчиках с 1630 г. (*Беляков А.В.* Указ. соч. С. 308—309).

В 1668/69 г. в чин иноземцев по московскому списку был пожалован Константин Христофоров (РГАДА. Ф. 210. Оп. 2. Д. 3. Л. 98). В списках рядом с его именем также имеется помета «переводчик». Согласно другой помете он получал 2 гривны, по-видимому, в день (РГАДА. Ф. 210. Оп. 2. Д. 8. Л. 121 об.). По данным А.В. Белякова, он являлся переводчиком греческого и волошского языков и был взят на эту должность из Аптеки именно в 1668/69 г. (*Беляков А.В.* Указ. соч. С. 339).

Наконец, 10 января 1672 г. в тот же чин иноземцев по московскому списку был пожалован Василий Александрович Даудов (РГАДА. Ф. 210. Оп. 2. Д. 10. Л. 127). Согласно боярским спискам, его дневное жалование составляло четыре алтына четыре деньги. В боярских списках 1671/72 и 1672/73 г. рядом с его именем стоит помета «отослан в турки» (РГАДА. Ф. 210. Оп. 2. Д. 11. Л. 125 об.). С пометой «переводчик» его имя написано с 1672/73 г. По данным А.В. Белякова, В.А. Даудов был толмачом турецкого, персидского и татарского языка не позднее, чем с 1655/56 г. и находился в турецкой посылке в 1671—1673 гг. (*Беляков А.В.* Указ. соч. С. 297). Дата окончания посольства согласуется также с данными боярского списка 1672/73 г., в котором помета «отослан в турки» зачеркнута, что означает завершение служебной командировки.

Из вышеуказанного следует, что пометы о службе в переводчиках московских чинов в боярских списках появились во второй половине XVII в. Помета об этой службе была необходима, так как она определяла объем занятости человека и освобождала от привлечения к другим службам. Находясь на службе в составе двора, переводчик продолжал заниматься своим профессиональным делом. В то же время следует заметить, что служба в переводчиках, несмотря на большой оклад, не являлась целью московских чинов. Из шести переводчиков, служивших по московскому списку, четверо были в чине иноземцев и двое — в чине московских дворян. При этом четверо переводчиков были пожалованы в список, находясь на службе в Посольском приказе, а двое были приняты в Посольский приказ, но вышли из московского списка. Из этого следует, что пожалование по московскому списку переводчиков было сделано в качестве поощрения за их заслуги. В дальнейшем следует выяснить, что именно стало причиной повышения указанных здесь переводчиков.

Новые данные о переводчике Посольского приказа Леонтии Гроссе

Казалось бы, о переводчиках Посольского приказа XVII в., а особенно о таких известных личностях как Леонтий Гросс, найти новую информацию после работы А.В. Лаврентьева и статьи в «Словаре книжников и книжности Древней Руси» нелегко. (*Лаврентьев А.В.* Люди и вещи. Памятники русской истории и культуры XVI—XVIII вв., их создатели и владельцы. М., 1997. С. 37—50; *Лаврентьев А.В., Матвеева Е.Н.* Гросс Леонтий // СККДР. Вып. 3. Ч. 1. СПб., 1992. С. 241—244). Но поскольку данные, как архивные, так и историографические, порой противоречат друг другу, мы решили обратиться еще раз к первичным архивным документам.

В Россию Гросс попал в качестве пленного: его взяли в плен в августе 1656 г., когда российские войска заняли шведскую крепость Кокенгаузен. Гросс был не солдатом, а, как кажется, кем-то вроде путешественника. Доподлинно неизвестно, сколько ему было лет; по-видимому, случилось это после окончания гимназии, но, возможно, еще до поступления в какое-либо высшее учебное заведение. К этому предположению нас приводят главным образом два факта. Во-первых, Гросс дожил до 1694 г., из чего вытекает, что в 1656 г. ему вряд ли могло быть за 20. Во-вторых, маловероятно, чтобы немец из баварского города Регенсбурга смог так хорошо выучить русский язык и через некоторое время стать одним из наиболее уважаемых переводчиков Посольского приказа, если бы он приехал в Россию в зрелом возрасте. Кроме того, он к этому моменту не был женат. Поскольку он был, по-видимому, очень одаренным молодым человеком, за одиннадцать лет, проведенных на положении зависимого человека во владениях пленившего его боярина Б.И. Морозова (а после смерти боярина — его вдовы), он смог выучить русский язык без обучения в школе или университете. В любом случае, в нижегородском владении Морозовых, селе Лысково, Гросс ни на каком другом языке, кроме русского, ни с кем разговаривать не мог. В своей «сказке» он писал, что в это время был занят изучением русского языка, и, по-видимому, достиг в этом хороших результатов. Тот факт, что в 1659 г. он принял православие и в том же году женился на русской из села Лысково, наверное, тоже способствовал интеграции молодого немца в русское общество (*Лаврентьев А.В.* Указ. соч. С. 39—41).

Согласно записям шведского ученого и дипломата Иоганна Габриэля Спарвенфельда, Морозов позволил Гроссу жениться на служанке собственной жены (J.G. Sparwenfeld's Diary of a Journey to Russia / Ed. and tr. Birgegård U. Stockholm, 2002. P. 164, 165, 300). Вполне возможно, что Гросс не обучал своих детей немецкому языку; в селе Лысково они все равно не могли бы ни с кем, кроме отца, на этом языке общаться. Отсутствие у его двух сыновей (Леонтия и Петра) практики приказной службы косвенно подтверждает данное предположение. Первый — тезка своего отца — числился стряпчим на полковой службе до 1705 г., побывав в 1699—1701 гг. воеводой в Белозерске (Захаров А.В. Информационно-поисковая полнотекстовая система «Боярские списки XVIII века» [Электр. ресурс]. URL: <http://zaharov.csu.ru/bspisok.pl> (дата обращения: 29.03.2019 г.); Лаврентьев А.В. Указ. соч. С. 49). Правда, в мае 1682 г. он все же посещал Посольский приказ с целью получения жалования отца из-за его болезни (РГАДА. Ф. 137. Оп. 1 (Посольский приказ). Ед. хр. ба. Л. 222). Сведения о втором сыне ограничиваются кратким упоминанием о нем как о «недоросле» (Лаврентьев А.В. Указ. соч.).

В 1667 г., когда после смерти вдовы Морозова Гросс стал свободным человеком, он сам обратился в Посольский приказ и предложил свои услуги переводчика. 4 марта 1668 г. его зачислили в приказ как специалиста по немецкому языку и латыни (РГАДА. Ф. 138. Оп. 2. Кн. 14. Л. 16). В 1679—1680 гг. к языкам, которыми владел переводчик, добавился нидерландский (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1680 г. Ед. хр. 1. Л. 2). В Священной Римской империи занимались вопросом о возвращении Гросса из России. Сам император Леопольд I в 1668 г. прислал грамоту к царю с просьбой о разрешении бывшему пленному вернуться на родину, но Гросс отказался и лишь воспользовался этим случаем как аргументом для повышения своего оклада (Лаврентьев А.В. Указ. соч. С. 45). Тем не менее письмо императора сообщает о некоторых немаловажных деталях из жизни «Юрья Годфрида Гроса». Например, что его отец был «державцем» города Регенсбурга, расположенного на юге Германии, и «за многие... к Святому Римскому государству и нашего аустрийского дому высоких ради служб зело любим есть» (РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. Ед. хр. 70. Л. 6). К сожалению, письмо сохранилось только в русском переводе, но мы думаем, как до нас и А.В. Лаврентьев, что под «державцем» следует понимать, скорее всего, бургомистра. Побывавший в России в 1670—1672 гг. Я. Рейтенфельс также упоминает Регенсбург как родину переводчика (Рейтенфельс Я. Сказания о Московии // Утверж-

дение династии. М., 1997. С. 309). В собственной родословной, представленной 11 ноября 1686 г. в Разряд, Л. Гросс прямо указывает: «Родом я Цесарские земли Пфальцкие области от прапрадеда моего дворянской сын, и отец мой нынешняго Леопольдуса цесаря Римского государственного града его Регензбурха высоких ради служеб к его цесарскому величеству и к государству, и к его аустрийскому дому державец» (РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. Ед. хр. 70. Л. 1).

За время работы Л. Гросс приобрел значительный вес в приказе, к тому же получил 20 ноября 1674 г. право числиться дворянином «по московскому списку» (РГАДА. Ф. 210. Оп. 2. Ед. хр. 13. Л. 123). В отдельные годы жизни он даже имел статус неофициального руководителя группы переводчиков Посольского приказа, занимая среди них первое место в отсутствие Николая Спафария. Данная ситуация зафиксирована в 1677 и 1681 гг. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 2. Кн. 19. Л. 123 об.). Именно от лица «первого» переводчика «с товарищи» подавались коллективные челобитные с различными просьбами. Например, каждый месяц переводчики, толмачи и золотописцы должны были подавать прошение о выдаче кормовых денег. Аналогичное происходило с выплатой годового оклада и т.п. Причина столь высокого положения Л. Гросса, на наш взгляд, заключалась не в его уровне «образования», как полагал А.В. Лаврентьев (*Лаврентьев А.В.* Указ. соч. С. 43), а в полученном дворянском чине и размере оклада. Чем больше был оклад, тем более высокое место во внутренней иерархии занимал переводчик.

Финансовое положение Гросса за годы службы значительно улучшилось. Начав с 35 руб. годового оклада и 24 коп. поденного корма (на год — 122 руб. 60 коп.; РГАДА. Ф. 138. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 53 об.), в июне 1679 г. он достиг 100-рублевого оклада и 46 коп. «кормовых» (на год — 267 руб. 90 коп.; РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1680 г. Ед. хр. 1. Л. 1), которые сохранялись до конца его жизни. К общей сумме дохода следует прибавить еще 24 руб. 75 коп. выплаты «за хлеб», получаемые им как минимум с 1683 г. (Ф. 138. Оп. 1. 1683 г. Ед. хр. 5. Л. 4).

Известно, что Гросс входил в группу переводчиков, занимавшихся переводом иностранных газет, в частности, для чтения вслух царю и боярам. В новейшем издании «Вестей-Курантов» впервые опубликованы переводы (за 1671 г.), в которых Гросс эксплицитно указан как переводчик: «Переводил Леонтеи Грос» (см. *Вести-Куранты 1671—1672 гг.* М., 2017. С. 204, 211). Информация об авторстве перевода какого-то определенного текста в «курантах» дается в редчайших случаях, и мы уверены, что Гросс переводил немец-

кие газеты и до того момента, когда впервые упомянута его фамилия на переводе из газеты 1671 г. Сравнение найденных иностранных источников (оригиналов) некоторых газетных сообщений (из разных выпусков гамбургских газет) и переводов Гросса показывает высочайшую квалификацию переводчика и точность проделанной работы (Там же. С. 202—203, 208—211, 451—455). Если объем работы превышал определенную норму, то за перевод «курантов» полагалась доплата. Леонтий с июня 1679 г. получал такую надбавку — в размере 10 коп. в день (РГАДА. Ф. 138. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 171). Впрочем, не только Гросс, но практически все переводчики-иноземцы Посольского приказа, работавшие с иностранными газетами, переводили так, что их переводы по языку очень трудно отличить от работ авторов, родившихся и выросших в России. Так, например, изучение синтаксиса (точнее, глагольного управления) в «Вестях-Курантах» позволяет констатировать, что переводчики почти без исключения выбирали такие синтаксические конструкции, которые удалось документировать также и в других, оригинальных текстах, то есть какой-либо «иностранный акцент» в этой области грамматики не наблюдается (см., например, *Maier I. Verbalrektion in den «Vesti-Kuranty» (1600—1660). Eine historisch-philologische Untersuchung zur mittlerrussischen Syntax. Uppsala, 1997*).

Можно возразить, что Гросс и его коллеги, большинство из которых тоже были «иностранцами» (хотя некоторые из них либо родились в России от иностранных родителей, либо приехали в раннем детстве и выросли в русскоговорящей среде, как, например, А.А. Виниус), возможно, готовили черновые переводы, которые потом редактировались коренными русскими специалистами. Без черновых переводов они, конечно, не обходились, но, что касается наших «курантов», все сохранившиеся черновые списки анонимные. Поэтому мы можем только сказать в общих чертах (и относительно более ранних переводов, так как за 1671—1672 гг. таких черновики у нас нет), что в тех случаях, когда в нашем распоряжении имеются и черновики, и беловики одних и тех же текстов, различия между ними совсем незначительны: в основном они касаются употребления разных графических вариантов, количества выносных букв (их больше в черновиках) и т.д.

О черновых неанонимных переводах нам пока неизвестно. Их не удалось обнаружить не только среди «курантов», но и среди других переводов. Однако существуют черновики, которые можно атрибутировать как принадлежащие определенному переводчику по другим критериям. Например, если имеются исторические документы о том,

кому был поручен определенный перевод, или на основе почерка, если доступен документ с текстом-автографом переводчика. Что касается Гросса, то мы располагаем несколькими фрагментами делопроизводственной документации, написанными его рукой (1682 г.: Ф. 137. Оп. 1 (Посольский приказ). Ед. хр. 6а. Л. 238 об., 252; 1683 г.: Ф. 138. Оп. 1. 1683 г. Ед. хр. 1. Л. 13; 1688 г.: Ф. 138. Оп. 1. 1688 г. Ед. хр. 2. Л. 11—12). В историографии хорошо известен опубликованный фрагмент ведомости на выплату «кормовых» денег, состоящий из делопроизводственной записи о сумме выплаты Л. Гроссу в первых четырех строках и его расписки-автографа — в последних трех (см. *Белоброва О.А.* Об автографах Николая Спафария // ТОДРЛ. 1981. Т. 36. С. 260).

В результате трудоемкой архивной работы с переводческими черновиками Б.Н. Морозову еще в 1980-х гг. удалось выявить в ряде томов фонда 181 в РГАДА многочисленные фрагменты черновых переводов, сделанных в Посольском приказе группой переводчиков, в том числе Леонтием Гроссом (*Морозов Б.Н.* Из истории русской переводной научной и технической книги в последней четверти XVII—XVIII вв. (Архив переводчиков Посольского приказа) // Современные проблемы книговедения, книжной торговли и пропаганды книги. Междуведомственный сборник научных работ. Вып. 2. М., 1983. С. 107—124). В данном случае речь идет в основном о переводе книг научно-технического характера. Работать с этими документами крайне затруднительно, поскольку рассмотренные Морозовым тома содержат различные фрагменты, листы которых перепутаны как между собой, так и друг с другом. Именно по этой причине, как можно предположить, мало кому из исследователей приходила на ум идея изучать эти фрагменты.

В рамках настоящей статьи мы рассмотрели дело № 259е, где помимо черновых переводов Тяжкогорского (Л. 6—33) сохранилось несколько листов, относящихся к Л. Гроссу (Л. 1—5). Эти черновики мы изучили особенно тщательно. Листы, написанные Гроссом, относятся к переводу книги Казимира Семеновича «Совершенное пушкарское огнеметалное и пищалонаставное художество...» и представляют собой фрагменты из предисловия и главной части книги. Последующий анализ белой «подносной» (т.е. «поднесенной» царю) рукописи показал, что всего в работе участвовали три переводчика: Л. Гросс, И. Тяжкогорский и П. Шафиров (перевели 56, 198 и 182 листа соответственно). Пометы об окончании их фрагментов расположены на лл. 56 об. (Гр.), 117 об. (Шаф.), 319 об. (Тяж.), 436 об. (Шаф.) рукописи. Примерное время работы — 1693—1695 гг. (РГАДА. Ф. 181. Оп. 3.

Ед. хр. 254). Т.е. можно предположить, что наш герой только успел начать работу над рукописью, а затем из-за болезни (и последующей смерти) отошел от дел. Перевод его фрагмента, судя по пометам, завершил П. Шафиров, обозначивший время работы над частью «огнестрельной книги» как 203 (т.е. 1694/95) г. Возможно, в работе участвовал еще и переводчик немецкого языка Петр Вульф, взятый на службу в Посольский приказ в ноябре 1694 г. на место скончавшегося Л. Гросса, хотя по источникам пока не удается это подтвердить.

Первое издание книги К. Семеновича появилось в 1650 г. в Амстердаме на латыни. С латинской версии нет русского перевода; последний был сделан с немецкого издания, напечатанного во Франкфурте-на-Майне в 1676 г. Об этом сказано на титульном листе чистовика, сохранившегося в том же фонде 181 (РГАДА. Ф. 181. Оп. 3. Ед. хр. 254. Л. 1; в черновике этот лист отсутствует). Для сравнения с русским текстом мы использовали то же франкфуртское издание 1676 г., что и имелось в наличии в Посольском приказе, — «Vollkommene Geschütz- Feuerwerck- Und Büchsenmeisterey-Kunst...». Рукой Гросса написаны только первые пять листов, причем, как показывает сравнение с оригиналом, это не один фрагмент, а разные (РГАДА. Ф. 181. Оп. 3. Ед. хр. 259е. Л. 1—5). Начало текста отсутствует: длинное название книги (с указанием фамилий переводчика, издателя, печатника, места и города печати и т. д.), а также посвящение франкфуртского артиллериста Даниэля Эльриха — автора нового дополнения к данному изданию — городским правителям и вельможам (не исключено, что посвящение не было переведено вообще, так как оно отсутствует также в чистовике). На первом сохранившемся листе черновика внизу проставлены буквы «Г. З.»; очевидно, первую букву следует читать как кириллическое числительное, а вторую — как арабское, т. е. указано два раза, что это третий лист. Хотя не совсем понятно, какой текст, в таком случае, находился на втором листе. Или все же в черновом переводе было посвящение Эльриха? Подобная нумерация имеется также на следующих четырех листах: л. 2 об. — «9»; л. 3 — «4»; л. 4 — «25»; л. 5 — «26». Нумерация листов у Гросса абсолютно ясна, и очень жаль, что при составлении листов архивариус не обратил на нее внимания; правильный порядок листов такой: 1, 3, 2 (причем следует читать сначала л. 2 об., потом — 2 лиц.). Мы исходили из сравнения с немецким оригиналом, но все это также вытекает из нумерации Гросса. Сравнение с оригиналом свидетельствует о том, что лл. 1, 3 и 2 (в этой последовательности) относятся к предисловию к читателю,

причем в этой части отсутствуют четыре листа первоначального текста (Л. 5—8, согласно нумерации Гросса). Наши современные л. 4—5 (Л. 25 и 26 у Гросса) относятся к главной части книги.

Почерк Гросса никак не похож на профессиональный подьяческий почерк, и приходится согласиться с Б.Н. Морозовым в том, что представленные в этих черновых переводах почерки «очень индивидуальные, резко отличны от основных типов почерков “подьячих-переписчиков”» (*Морозов Б.Н.* Указ. соч. С. 111). Но можно еще добавить, что почерк Гросса (а также и Тяжкогорского) отличается не только от почерка «подьячих-переписчиков» (что естественно, так как мы имеем дело в данном случае с черновиками, а не с беловыми списками), но и от почерков русских переводчиков, как они отражены в их черновиках. Из черт, которые могли бы прямо выдавать иностранца, можно назвать следующие: небольшая вариация в написании букв; четкое выносное «л», напоминающее печатный вариант; мало выносных вообще; однотипное написание союзов «и, или» как «j, jли»; однотипный вид буквы «с»; необычное начертание буквы «а», которая у Гросса порою напоминает современную печатную букву, и т.п.

С лексической и грамматической точек зрения мы в редких доступных нам черновиках, атрибутированных Гроссу, не наблюдали никаких особенностей, т.е. нет ничего такого, что нельзя было бы встретить также и у писца — носителя русского языка. Что касается фонетико-фонологической стороны языка, которую мы можем изучить только опосредованно через орфографию, то в черновиках Гросса все-таки встречаются написания, крайним образом нетипичные для коренного русского автора, причем такие орфографические «ошибки» не редки. Так, сразу на первой странице чернового перевода книги Семеновича, в предисловии «К читателю» (РГАДА. Ф. 181. Оп. 3. Ед. хр. 259е. Л. 1; в дальнейшем будем указывать только номер листа), нам встретилась фраза «ни когда не известно было». Написание первого слога главного слова через букву «с» (вместо «з») сразу вызывает подозрение, что в родном языке писца не различаются с фонологической точки зрения [з] и [с], как это делается в русском языке (и в других славянских языках), например, в словах типа «коза/коса». Примерно половина носителей немецкого языка в принципе различает эти звуки (например, произносят разные согласные в середине слов «Rose/Rosse»), однако смысл между этими словами различает длина гласного, а вовсе не звонкость/глухость согласного. В диалектах той части немецкоговорящей территории, откуда родом был Гросс (южной части Германии), просто не

существует [з]; произносить этот звук носителю южной разновидности немецкого языка трудно. И хотя мы не беремся утверждать, что Гросс никогда не различал в своей русской речи эти два звука, все же написание типа «известно» свидетельствует о том, что окказионально в его произношении проскальзывал привычный для родного языка [с] вместо правильного русского звонкого звука.

Помимо не совсем последовательного различения у Гросса [з]/[с] мы наблюдали проблемы с употреблением палатализованных и непалатализованных (т.е., мягких и твердых) согласных. По-видимому, у него возникали трудности преимущественно при использовании окончаний прилагательных (например, в словах «странный» / «соседний»), а также существительных. Так, например, на л. 1 мы находим написание «запаси» (в оригинале: Vorrath); на л. 1 об. о трудности различать согласные по критерию мягкости / твердости свидетельствуют сразу три написания: «животи, стрѣли, огнеметалния (хитрости)». Что касается написания буквы «л» вместо «ль» или «л выносной», то оно здесь ни о чем не говорит, так как в таких случаях перед согласной мягкость обозначалась несистематически; ср., например, слово «огнеметалное» в чистовике (Там же. Ед. хр. 254. Л. 1). Другие примеры: в протч^{ья} части вселеннии; перпендикулярных; круглихъ; различнихъ; стволи; первия части; всемогущ^{ый} бгъ; вымышлатися; махини (в оригинале: Machinas); послѣд^{ное} время; мног^{ые} вещи; которими; пред иними; похвалати; обретателя; человеческихъ; богины (Göttinnen), остроумния махины (sinnreichen Machinae); никакие же каменные стѣни (Там же. Ед. хр. 259е. Л. 1—3). Список далеко не полный, при желании его можно удлинить. Все процитированные написания свидетельствуют об отсутствии у Гросса систематического различения согласных по признаку «твердость/мягкость». Возможно, проблема наиболее остро обнаруживается при парах [н]/[н'] и [л]/[л'], но не только; Гросс ошибается также при паре [к]/[к'] (никакие, мног^{ые}). Недостаточно последовательное различение твердых и мягких согласных не выдает Гросса именно как немца, так как и немцы, и большинство других носителей иностранных языков (кроме некоторых славянских) в своем родном языке не имеют такого фонологического различия (ср., например, лексические пары «угол/уголь, рад/ряд» в русском языке). Неразличение этих звуков на слух и в собственном произношении приводит к большому количеству ошибок в орфографии. Точно такие же ошибки мы наблюдаем у И. Тяжкогорского (см. статью И. Майер в настоящем издании). К сожалению, у нас очень мало неанонимных черновиков или черновики, которые можно с большой долей вероятности

приписать определенному переводчику. Впрочем, далеко не у всех из них мы ожидали бы подобных трудностей. Например, вряд ли мы столкнемся с такими написаниями, если будем изучать с лингвистической точки зрения черновики А.А. Винуса.

К концу жизни Гросс также перевел книгу о фейерверках английского автора Бабингтона (John Babington). Конечно, не с английского оригинала, а с голландского перевода (*Maier I., Waugh D.C. (to appear) Cross-cultural communication in Muscovite Russia: foreign news in context*). Сам Гросс после окончания этой работы написал в челобитье царю, насколько этот перевод был сложен для него, старого человека, — перевести с языка, который ему «не природной» (РГАДА. Ф. 159. Ед. хр. 747. Л. 1).

В «зарплатной» ведомости (выплата поденного корма) Л. Гросс последний раз упоминается 3 августа 1694 г. (РГАДА. Ф. 137. Оп. 1 (Новгород). Ед. хр. 139. л. 90 об.—91). В аналогичной документации за октябрь (и далее) 1694 г. его имя уже отсутствует (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1694 г. Ед. хр. 2. Л. 9—10). Вероятно, он скончался в первой половине сентября 1694 г. Согласно данным «Счетного списка... денежной казне... 203» (1694/95) г. на его погребение указом от 18.09.1694 г. было выделено 20 рублей (Цит. по: *Кудрявцев И.М.* «Издательская» деятельность Посольского приказа (К истории русской рукописной книги во второй половине XVII в.) // Книга. Исследования и материалы. Сб. 8. М., 1963. С. 236).

И. Майер благодарит за финансовую поддержку Юбилейный фонд Шведского государственного банка (Riksbankens jubileumsfond; номер проекта — RFP12-0055:1). Авторы также выражают благодарность Глебу Казакову, Олегу Русаковскому, Олене Янссон, Степану Шамину и Андрею Белякову за разностороннюю помощь и ценные замечания.

Е.И. Кислова

Династия Постниковых: знатоки иностранных языков и переводчики конца XVII — XVIII в.

Интереснейшим примером семьи, в которой минимум четыре поколения были тесно связаны с разнообразной работой с иностранными языками, является династия Постниковых. Наиболее известным представителем династии был Петр Постников — «первый русский доктор медицины».

Дед Петра — Тимофей Постников — был старшим подъячим Аптекарского приказа (*Цветаев Д.* Медики в Московской России и первый русский доктор. Варшава, 1896. С. 23). Неизвестно, владел ли он какими-то иностранными языками, но по долгу службы в той или иной степени он мог иметь контакты с иностранными докторами, работавшими в Аптекарском приказе в первой половине XVII в. Сын Тимофея Постникова Василий уже без всякого сомнения должен был на каком-то уровне знать какой-то иностранный язык, как минимум латынь: он был дьяком Посольского приказа и неоднократно участвовал в различных посольствах, выступал с дипломатическими поручениями в разных странах Европы. Он бывал, в частности, в Константинополе, Флоренции, Англии, Голландии и Бранденбурге (Там же. С. 22). Позже его подпись регулярно встречается в делах, связанных с приездом иностранных учителей и устройством иностранных школ в начале XVIII в.: это разнообразные справки и выписки по поводу школ Швимера, Бюхнера, Глюка (*Зерцалов А.Н., Белокуров С.А.* О немецких школах в Москве в первой четверти XVIII в. (1701—1715 гг.) // ЧОИДР. Кн. 1. М., 1907. С. 36, 41, 42, 49 и др.).

Следующее поколение Постниковых получило образование за границей. Старший сын Василия Петр учился в Славяно-Греко-Латинской академии в самые первые годы ее создания. Н.Н. Запольская и О.В. Страхова предполагают, что начальное знание греческого Петр приобрел еще до поступления в школу Лихудов, вероятно, частным образом, т.к. его имени нет среди учеников Тимофея Грека (*Запольская Н.Н., Страхова О.В.* Забытое имя: Петр Постников (из истории русской культуры конца XVII — начала XVIII веков) // *Palaeoslavica*. Бостон, 1993. № 1. С. 113). Как один из лучших учеников, он в 1686 и 1687 гг. участвовал в поздравлении патриарха на Рождество и/или Пасху и получал за эти поздравления существенные денежные подарки — до 3 золотых (*Рамазанова Д.Н.* Братья Лихуды и начальный этап истории Славяно-Греко-Латинской академии. Диссертация... кандидата исторических наук. М., 2003. С. 183, 185, 200). К 1691 г. Петр Постников хорошо владел греческим: предполагается, что именно он переписал ряд рукописных учебников, использовавшихся в школе Лихудов. Он также участвовал в коллективных переводах с греческого, выполненных лучшими учениками Лихудов. Можно предположить, что в школе Лихудов Петр Постников мог получить и знание латыни: риторика, логика и физика преподавались Лихудами не только на греческом, но и на латыни (Там же. С. 116).

Весной 1692 г. Постников, уже имевший чин стряпчего, по указу Петра был отправлен в Падуанский университет для обучения медицине, причем предполагается, что какие-то базовые знания он получил еще в Москве, предположительно под руководством доктора Пелярино (интерес к медицине выглядит совершенно естественным в контексте семейных связей Постниковых с Аптекарским приказом). Уже в августе 1694 г. Петр Постников был признан доктором медицины и философии. Это также говорит в пользу предположения о начальной подготовке по латыни и медицине в Москве.

Видимо, во время учебы он изучил также итальянский и французский языки: уже в 1698 г. он участвует в дипломатических переговорах в качестве секретаря и переводчика П. Возницына, который отмечает в своем письме Постникову: «того ради ты к тому делу присовокуплен, что сверх иного можешь с ним [греком Маврокордатом] говорить по-еллинску, и по-италианску, и по-французску, и по-латине, а он те все языки знает» (*Шмурло Е. П. В. Постников. Несколько данных для его биографии. Юрьев, 1894. С. 105. Гузевич Д., Гузевич И. Великое посольство. Рубеж эпох, или Начало пути. 1697—1698. СПб., 2008. С. 130—134*). После Карловецкого конгресса Постников отправился в Амстердам, затем в Лондон, а в 1701 г. — в Россию, причем по возвращении его зачислили в Аптекарский приказ, но с обязанностью переводить тексты для Посольского приказа с латыни, французского и итальянского языков. В конце 1701 г. Постников отправлен во Францию, с лета 1702 до марта 1703 г. он вновь живет в России, затем — во Франции, в 1704—1705 гг. — в Голландии и затем опять в Париже. В 1710 г. «по неизвестной причине» Постников возвращается в Москву, возможно, из-за смерти отца (*Шмурло Е. Указ. соч. С. 164, сн. 2*).

Младший брат Петра Постникова также носил имя Петр и тоже обучался за границей, что долгое время вносило путаницу в биографию первого русского доктора. Как следует из прошения Василия Постникова государю, его «второрожденный» сын Петр обучался «в царствующем величьем вашем граде Москве латинского и французского языков во училище несколько лет». 6 ноября 1702 г. отец просил разрешения отослать младшего сына в Европу «ради свободных наук окончания», а также выделить «на пропитание ево от своей государевой казны по своему государеву милосердному осмотрению». Уже 12 января 1703 г. было получено разрешение на отъезд младшего Петра Постникова в Европу «для совершения свободного учения немецкого, латинского и французского языков и наук» (*Зерцалов А. Н., Белокуров С. А. Указ. соч. С. 242*).

В каком именно училище младший Петр Постников изучал латынь и французский, сказать сложно. Есть предположение, что он обучался в немецкой школе Швимера (1701—1703) (*Запольская Н.Н., Страхова О.Б.* Указ. соч. С. 131, сн. 10; *Запольская Н.Н.* Культурно-языковой статус личности и текста в петровскую эпоху (опыт прогнозирующего анализа) // *Славянская языковая и этноязыковая системы в контакте с неславянским окружением.* М., 2002. С. 435). В обоих случаях авторы отсылают к публикации Белокурова и Зерцалова, но без указания страниц. Однако в первоисточнике среди шести учеников этой школы имя Петра Постникова отсутствует. К тому же в школе Швимера учили латыни и немецкому языкам (*Зерцалов А.Н., Белокуров С.А.* Указ. соч. С. 35—38). Возможно, эта версия возникла из-за наличия в документах на выплаты ученикам этой школы подписи отца — дьяка Посольского приказа Василия Постникова. Нет французского и среди языков, названных в сказке 10 января 1702 г. Иоганном Вернером Баусом («и он Яган ныне приехал по его посылке для учения школьнаго греческаго, латинскаго, немецкаго, еврейскаго языков к Москве» (*Зерцалов А.Н., Белокуров С.А.* Указ. соч. С. 38). Известно, что Петр Постников учился в Итальянской школе Лихудов (1697—1700 г.) (*Рамазанова Д.Н.* Первая итальянская школа в России (1697—1700) по документам Российского государственного архива древних актов // *Проблемы италянистики.* Вып. 5: Итальянские архивы в России — Российские архивы в Италии. М., 2013. С. 203), однако в ней не обучали французскому. Если латыни до 1702 г. младший Петр Постников мог обучаться в разных учебных заведениях Москвы, то с французским вариантов было намного меньше. Остается предполагать, что либо младший Петр Постников изучал его в одной из иезуитских школ или частным образом, либо отец Петра сознательно ввел государя в заблуждение, указав вместо итальянского языка французский, чтобы младший брат отправился к старшему во Францию.

Обучение младшего Петра Постникова продолжилось в Париже под руководством профессора Лионьера (*De Lionniere*) в течение семи лет: он изучал латынь, французский язык и разные науки: «с'est de moi seul qu'il a appris les langues latine et françoise, le style epistolaire, la sphère, la géographie, la rhétorique» (*Шмуцло Е.* Указ. соч. С. 231). Младший брат вернулся из-за границы только в 1712 г. Его дальнейшая судьба и семейный статус неизвестны.

Последние достоверные сведения об одном из Петров Постниковых датированы 3 января 1713 г. — он переводит с французского языка на

пособие для дипломатов Абрахама де Викфора «Посол и его дела» (не опубликовано). П.В. Густерин предполагает, что младшему Петру (дипломату) принадлежит неизданный перевод книги А. дю Рие «Alkoran de Mahomet...» (РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Ч. 1. Ед. хр. 148/217), а старшему Петру (доктору) — авторство печатного перевода, намного менее точного: «Алкоран о Магомете или Закон турецкий» А. дю Рие (СПб., декабрь 1716 г.) (*Густерин П.В.* К вопросу о первенстве в переводе Корана на русский язык // Вопросы истории. 2013. № 12. С. 159—163).

Можно предположить, что с одним из Петров связан Тарасий Петрович Постников. 17 февраля 1717 г. этот ученик класса риторики Славяно-греко-латинской академии был выбран Мусиным-Пушкиным для отправки в Париж для дальнейшего обучения наукам (*Пекарский П.* Наука и литература в России при Петре Великом. Т. I. СПб., 1862. С. 238—239; Описание документов и дел, хранящихся в архиве... Синода. Т. II. Вторая часть. (1722 г.). СПб., 1878. С. 318—319). Дата рождения Тарасия неизвестна, но его определение в Академию для обучения состоялось в 1710 г. (РГИА. Ф. 796. Оп. 16. Д. 287 Л. 14), что совпадает и с датой возвращения старшего Петра Постникова из Франции в Россию, и с предположительной датой смерти деда — Василия Постникова. Класа риторики Тарасий достиг примерно за семь лет (*Смирнова А.С.* Академический переводчик Иван Семенович Горлецкий // Филологическое наследие М.В. Ломоносова. СПб., 2013. С. 237).

В Париже Тарасий Постников учился в Сорбонне до января 1722 г.: он выучил французский язык, прослушал курс философии и часть курса богословия. В сентябре 1722 г. парижские студенты (Горлецкий, Постников и Каргопольский) вернулись в Россию и, пока не был определен их статус, получали жалованье от Синода. К началу осени 1723 г. Постников и Каргопольский были отправлены для определения «к какому надлежит к книжному переводу» к архимандриту Чудова монастыря Феофилу (Описание документов и дел... Т. II. Вторая часть. (1722 г.). С. 321), хотя они оба были светскими персонами. В 1724 г. им выплатили 33 рубля 33 и 1/4 копейки за некие переводы с латыни на славянский (Описание документов и дел... Т. VI (1726 г.). СПб., 1883. С. ССХVIII). Судя по документам, они вместе переводили книги Кирилла Александрийского (Там же. Т. VIII (1728 г.). СПб., 1891. С. 336), затем — труды Кирилла Иерусалимского (Там же. Т. VII (1727 г.). СПб., 1885. С. 281), с октября 1724 г. — книгу блаженного Феодорита «О промысле Божиим» (Там же). Однако ничего из их переводов не было издано и нахождение рукописей неизвестно.

18 ноября 1727 г. Каргопольский получил от Синода «свободный абшит» для преподавания латинского и французского языков (Там же). Постников с ноября 1724 г. оставался в ведении Синода в качестве учителя латыни в начальных классах Московской славяно-греко-латинской академии (и при этом подрабатывал, преподавая частным образом французский; переводами он более не занимался). Он оставался в светском статусе, что вызывало определенные проблемы: предполагалось, что в академии преподают либо монахи, либо те, кто собирается принять монашество. Первые конфликты с руководством академии на этой почве возникли в 1728—1729 гг., однако решение Синода было в пользу Постникова; более того, в 1731 г. Постников по поручению Синода лично ездил в Рязань по поводу книжного имущества умершего Гавриила Бужинского: в июле 1731 г. ему было поручено найти в книгах Бужинского тот латинский экземпляр Пуффендорфа, с которого делался перевод, а также сам оригинал перевода (Описание документов и дел... Т. XI. (1731 г.). СПб., 1903. С. 299), причем это было «высочайшее повеление». В ноябре 1731 г. его вновь отправили в Рязань «за книгами», письмами и «казаньями» (Там же. С. 231). Постников также составил каталог книг Бужинского, причем ему были даны ключи и печати, которыми были закрыты комнаты епископа Гавриила. Очевидно, он был выбран для поездки не только как «знающий латинский язык» специалист, который мог найти, с какого именно печатного экземпляра был сделан перевод, но и как человек, который пользовался доверием Синода.

В 1735 г. конфликт с новым ректором академии вынудил Тарасия Постникова искать справедливости в Синоде и лично у Феофана Прокоповича. Стефан Калиновский посчитал Постникова недостаточно образованным для занятия позиции в старших классах; Постников обвинил Калиновского в том, что он выбирает учителей среди своих учеников «малороссиян» и выживает из академии «Великия России сына». Постников предлагал организовать в Академии преподавание французского языка, который он, видимо, частным образом уже преподавал. В результате разбирательства Постников был в 1736 г. возвращен в академию в прежнем статусе (Описание документов и дел... Т. XV (1735 г.). СПб., 1907. С. 378—383). Но уже 3 декабря 1738 г. его назначили директором Московской типографии (Там же. Т. XVIII (1738 г.). Пг., 1915. С. 772). В 1741 г. Синод назначил проверку состояния и дел Типографии, которая показала «нерачительство типографских управителей». В октябре 1741 г. Тарасия Постникова лишили чина директора, в 1742 г. эту должность занял

Иван Беляев (Там же. Т. XXI (1741 г.). СПб., 1913. С. 184—186), а дальнейшая судьба Тарасия Постникова неизвестна.

Таким образом, семья Постниковых — это минимум четыре поколения, чья деятельность так или иначе была связана с иностранными языками. Но собственно переводческой деятельностью занимались только старший Петр, младший Петр и Тарасий, и во всех случаях перевод был дополнением к их основной деятельности (медицинской, дипломатической или преподавательской). Семья Постниковых хорошо показывает ту среду, в которой на рубеже XVII—XVIII вв. формировались специалисты, способные к созданию переводов с иностранных языков.

О.Е. Кошелева

Богдан Лыков (кон. XVI в. — 1648 г.) — переводчик Посольского приказа. Реконструкция биографии

Биографии людей XVII в. трудно создавать, ибо документы обычно находятся в разных местах хранения. Реконструкция биографии Б.И. Лыкова получилась в результате привлечения трудов нескольких исследователей, работавших в разных направлениях. Демонстрируя процесс этой реконструкции, я сознательно нарушаю хронологический ряд биографии.

Богдан Лыков — переводчик. Имя Лыкова впервые возникло в историографии в связи с переводом Космографии Меркатора. Митрополит Евгений опубликовал текст из рукописи: «В 1637 г. Богдан Лыков с товарищем его Иваном Дорном перевел с латинского языка славную в 16 веке книгу Космография Герарда Меркатора» (Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина. Т. 2. М. 1845. С. 37). Более о Лыкове ничего не было известно, пока его имя не вошла в научный оборот в 1949 г. С.М. Глушкина (*Глушкина С.М.* «Космография» Богдана Лыкова 1637 года: Дисс. на соискание звания канд. филол. наук. Рукопись. Л., 1949). Она показала, что у Лыкова и Дорна было скромное знание латинского, из-за чего получилась весьма своеобразная версия Меркатора. Они по большей части правильно узнавали в тексте слова, но, плохо понимая фразы, самостоятельно связывали их в одно целое. Однако «несмотря на пропуски и множество непонятных и непереуведенных мест, перевод представляет собой

логически развернутый рассказ со множеством занимательных эпизодов и интересных описаний, которым часто нет соответствий в подлиннике» (Там же. С. 255). Такой перевод получился удачным, видимо, за счет талантливости и хорошего чувства русского языка Лыкова. О самом Лыкове Глускина почти ничего не знала, но, опираясь на его переводческую работу, она дала высокую оценку его интеллекту.

Лыков — работник Посольского приказа. Первые сведения о Лыкове появились благодаря И.М. Кудрявцеву (*Кудрявцев И.М. «Издательская» деятельность Посольского приказа // Книга. Исследования и материалы. Сборник 8. М., 1963*). Он нашел челобитные Лыкова с просьбами о пожалованиях, в которых содержались и биографические сведения.

Отец Богдана служил дворянином по г. Мещовску. Сам он «был взят в полон в Литву», где провел 16 лет и выучил там польский язык «и отчасти» латинский. По выходе из плена был пожалован в «жилецы», но без содержания. В марте 1637 г. Лыков обратился с просьбой о пожаловании в связи с работой в Посольском приказе, за которой он «сидит беспрестанно». Это была работа над Космографией. Поденный корм в размере двух алтын дан Лыкову 29 марта. Через несколько дней он просил пожаловать его в переводчики, чтоб ему «без поместейца и без вотчины, не у дела будучи, волочась меж двор, вконец не погинуть» (Там же. С. 240). Обоснована просьба тем, что «образец того перевода в Посольской приказ уже принесен». Просьбу удовлетворили немедленно — через 7 дней. Видимо, была сделана положительная оценка перевода, и Лыкову дали в пожалованье годовой оклад переводчика.

Одна из челобитных сообщает о том, что переводчики работали вместе у Дорна на Новгородском подворье на Ильинке, неподалеку от Посольского приказа. Сам Лыков жил за Тверскими воротами и пешком ходил на работу. «И мне, — писал Богдан, ... к тому Ивану Дорну ... бродить рано и поздно далеко и пристрашно», и просил дать ему «дворик» неподалеку, «чтоб твоему государеву делу в моей дальней бродни мешкоты не было» (Там же). И эта просьба была тут же удовлетворена: «государь ... велел ему для того дела дать ... в Китае-городе подворье». По быстроте, с которой исполнялись все требования переводчиков, ясно, что их работе придавали важное значение. Перевод Космографии был завершен в том же 1637 г., и именно он впоследствии прославил имя Лыкова.

Богдан Лыков — дворянин, жилец, казначей. В трудах двух исследователей, никак не связанных с переводом Космографии, недавно были раскрыты факты из его жизни до и после 1637 г. Е.Н. Горбатов изучал

жилицкие списки, и имя Лыкова в них привлекло его внимание. Эти списки опровергали гипотезу И.М. Кудрявцева о том, что Лыков попал в плен в 1621 г. и вышел из него накануне 1637 г.: в них он уже в 1623 г. значится верстанным с городом по Мещовску при окладе в 350 четей и 11 руб. В 1624 г. его пожаловали в жильцы (РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стлб. Моск. стола. Д. 814. Л. 219). Таким образом, учитывая 16 лет жизни в плену, Лыков попал в него не позднее 1607 г., когда, видимо, по малолетству еще не был поверстан в службу. Однако, документы о Лыкове, обнаруженные А.В. Маловым, занимающимся служилыми городами Калужского края, говорят о том, что в 1617 и 1618 гг. Лыков был дважды награжден за поимку языков (РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 203. Л. 91 об., 115—115 об.). Если это не однофамилец Лыкова, то в плен он был взят в самом начале XVII в. О его жизни в Речи Посполитой известно только то, что он приобрел знание иностранных языков. На родине Богдан не имел собственности и доходов. В 1627 г. для него нашлось место казначея при суздальском архиепископе Иосифе Куршевиче, занявшим в московском епископате неординарное место (*Горбатов Е.Н.* Новые материалы по делу архиепископа Иосифа (Куршевича) 1634 г. // Вестник церковной истории. 2011. № 1 (21/22). С. 235 и др.). Он был литвином из рода Гедиминовичей. Втянутый в сложные польско-украинско-московские церковные отношения, в 1625 г. Иосиф был вынужден выехать в Россию по инициативе патриарха Филарета. Его поставили архиепископом в Суздаль, что далеко не обрадовало местное население. По смерти Филарета на Иосифа было заведено судное дело, в марте 1634 г. его осудили и сослали. Лыков, прослуживший на архиепископском дворе около 8-ми лет, был арестован вместе с Иосифом. Горбатов обнаружил опись вещей Лыкова, сделанную при аресте (*Горбатов Е.Н.* Опись имущества жильца Б.И. Лыкова (1634 г.) (в печати). *Благодарю за предоставленную мне рукопись*). Она позволяет представить бытовую сторону жизни Лыкова на епископском дворе, его достаток, облик, вкусы.

Текст описи составлен дворянином Н. Паниным, арестовавшим Иосифа. Из нее узнаем, что Лыков жил один, в келье с чуланом. Перечень начинается с денег и документов из ларца: 25 руб. 30 алтын, фунт серебра и 16 кабал на общую сумму 603 руб. с небольшим. Деньги поступали Лыкову как казначею для хозяйственных закупок (Там же. Док. 3). Подписавшие кабалы 17 человек были ремесленниками и торговцами из разных городов. Очевидно, что это договорные документы на поставки или работы для архиерейского дома. Видимо, им выдавались авансы, за что и писали кабалу. Этим занимался Лыков, как казначей. Опись перечисляет личные вещи. Са-

мым престижным для дворянина было оружие. В военном арсенале Лыкова имелось 4 разных пистолета, 4 лука, саадак на поясе и в нем 25 стрел, мощна с двумя фунтами свинцовых пуль и 2 оправленные украшениями лядунки, 2 литовские сабли на шелковых поясах.

У Лыкова имелись книги: Часовник и 3 книги на польском языке — 2 печатные и рукописная. Их содержание Панин определить не смог. Очевидно, что Лыков не только говорил по-польски, но и читал. Вероятно, делал переводы. В «шкатульном ящике» имелось много бумаги (80 листов) и 4 «скляницы». Был и ножичек, он назван Паниным «ножичек-бритовка, наконешник обложен серебром». Возможно, нож использовался для бритья, а не для чинки гусиных перьев.

Одежды у Лыкова имелось немало. Из серого английского сукна была пошита верхняя одежда (армяк и кафтан на лисьем меху), нарядность которым придавали нашивки и пуговицы. Нарядный легкий кафтан — из восточной шелковой ткани темно-красного цвета. Он оказался изрядно заношенным, видимо — любимым. В чулане хранились кафтан-однорядка темно-синий из английского сукна с позолоченными пуговицами и кафтан вишневый с шелковыми пуговицами. Был и полукафтан на беличем меху, с ним Лыков, видимо, носил саблю, которой не мешали длинные полы. К кафтанам прилагалось ожерелье (накладной воротник). Вишневая шапка на мерлушке и 2 пары рукавиц. Имел Лыков и недорогую ферязь. Ко всем кафтанам обязательно полагался пояс. Богдан носил нарядный кушак из разноцветного шелка. Это было не только щегольство, но и заявление о своем социальном статусе. Палец украшал позолоченный перстень с сердоликом, который мог служить и печаткой.

Столовый обиход у Лыкова тоже имелся, хотя в архиерейском доме прием пищи был общим в трапезной. Но у себя он мог перекусить или посидеть за столом с гостем. Стол застилался скатертью. Имелись пряности. Посуды было немного, вся — оловянная.

Опись, видимо, неполная: отсутствуют иконы, нет никакой обуви. Тем не менее по личным вещам очевидно, что Лыков у архиерея не бедствовал. Пребывание Богдана в плену наложило отпечаток на его привычки — он читал «литовские» книги, носил «литовские» сабли и, вероятно, был брит.

В августе Лыкова освободили и вновь он оказался безземельным, без определенной службы, с подмоченной арестом репутацией. Богдан устроился в Посольский приказ, где был «у перевода полских грамот и латынских речей» (РГАДА. Ф. 138. 1637 г. Д. 3), а затем приступил к переводу Космографии.

Лыков — дипломат и переводчик в посольских миссиях. По окончании работы над Космографией Лыков продолжал работать в Посольском приказе, но уже в дипломатических миссиях. Этот период его жизни раскрыт С. Фаизовым (*Фаизов С.* Богдан Лыков. Дипломат и писатель. Эскиз биографии. Sagitfaizov Просмотр 06.03.2019).

Лыков оказался в центре острейшего политического конфликта 40-х гг. XVII в., вызванного захватом казаками турецкой крепости Азов. Москва казаков тайно поддерживала, но к войне с Османской империей была не готова. Лыкова отправили в Стамбул гонцом, уполномоченным вести переговоры, с толмачом А. Букаловым. Им предстояло узнать о настроениях турок в отношении Азова. Тут знание Лыковым языков не играло роли — требовались хорошие дипломатические способности, и они, видимо, у него были. В Стамбуле Богданом остались довольны.

Тем временем в Москве в 1642 г. был созван Земский собор по вопросу Азова. Срочно ждали возвращения московских дипломатов из Стамбула. Лыков возвращался в Москву в сопровождении турецких представителей, гонцов из Крыма и купцов. При переправе 29 января через р. Северский Донец на его отряд в 77 человек было совершено нападение. Турецкий посланник Магамет-ага и 6 человек свиты оказались застрелены. Одна из пуль попала в голову коня Лыкова. Когда опасность миновала, спутники стали его обвинять: «ваши де русские люди ... так над нами учинили». Богдан это отрицал, но ситуация для него складывалась смертельно опасной. Все же он сумел из нее выбраться (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Ч. 2. 1640 г. Д. 1. Л. 309—310). Лыков примчался в Москву 18 февраля, 19-ого «у государевой руки был» (Там же. Л. 12). Оба — Лыков и Букалов — за свою миссию получили награду «не в образец другим». Описание Богданом эпизода на Северском Донце С. Фаизов счел необычным по своему художественному уровню: «Только Б. Лыкову удалось зафиксировать происшествие так, как будто оно происходит «здесь и сейчас» (*Фаизов С.* Там же).

В 1644 г. Лыков был отправлен в Польшу переводчиком при посольстве боярина А. Львова. Дорогою собирали различную информацию политического свойства. Посол велел переводчикам пригласить к себе польского «шафера», его «потчевать и разговорами проведать у него всяких вестей» (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 66. Л. 361 об.). Прием прошел успешно, «вести», которые представил Лыков, касались всех главных новостей европейской политики. Посольство вернулось в Москву осенью 1644 г., работа Богдана была хорошо оплачена (Там же. Л. 18).

Лыков на строительстве засечной черты. В 1645 г. Лыков за что-то нам неизвестное «в государевом деле сидел за приставом» (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1647 г. Д. 5. Л. 2) и не получал оклада и корма. По освобождении в 1646 г. он был послан в Белгород к боярину кн. Н.И. Одоевскому «для польского перевода» (Там же. Л. 1, 3). Там, на засечной черте, стояло три полка, над которыми кн. Одоевский являлся главным воеводой. В связи с участвовавшими набегами татар здесь было решено произвести строительство укреплений. Одоевский организовал дело иначе, чем это было ранее под Тулой. Он поручил строить вал по образцу «горододельцев-немцев», но дворяне «от тово образца ужаснулись, что делать было тяжело» (РГАДА. Ф. 159. Оп. 1. Д. 869. Л. 29, 52). Вероятно, Лыкова послали к Одоевскому в связи со строительством по «немецкому» образцу, при котором были иноземные специалисты или использовались польские книги. Служилые люди писали на воеводу жалобы в Москву и приходили к нему в шатер «шумно». Таким образом, Лыков снова попал в «горячую точку». За эту службу он получил уменьшенное годовое жалованье в размере 30 руб. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1647 г. Д. 5. Л. 5). В 1647 г. Лыков был снова отправлен в Стамбул в качестве гонца, где и умер. (Фаизов С. Указ. соч.). Подробности этой внезапной смерти остаются неизвестны.

Итак, Богдан Лыков занял определенное место в исследованиях М.И. Кудрявцева, С.М. Глускиной, Е.Н. Горбатова, А.В. Малова и С.Ф. Фаизова, но каждый из них знал лишь один или два эпизода из его жизни. Моя роль заключалась в том, чтобы собрать все сведения вместе, просмотреть все источники своими глазами, добавить известные мне самой факты и объединить их в одну историю жизни обычного, но далеко незаурядного человека.

Д.В. Лузейцев

«Свой среди чужих, чужой среди своих»: переводчики Посольского приказа на службе в Великом Новгороде во втором и третьем десятилетиях XVII в.¹

Новгород Великий в силу особенностей своего расположения у северо-западного рубежа Московского государства, а также под

¹ Работа выполнена в рамках проекта, поддержанного РФФИ, № 18-09-00511 А «Переводчики Посольского приказа XVII в. Словарь-справочник».

влиянием веками складывавшихся торговых отношений со странами Северной Европы представлял собой в XVII в. особенный регион. В стране было не так много городов, где столь часто на улицах слышалась иностранная речь — похожая ситуация в допетровской Руси имела место разве что в Пскове и Архангельске. В силу этого новгородцы не относились к числу лиц, удивлявшихся появлению на улице человека, одетого в непривычную глазу одежду и говорящего на иностранном языке. Именно большое количество иностранцев, прибывавших в XVII в. в Великий Новгород с политическими или коммерческими целями, заставляло московское правительство постоянно держать в этом городе профессиональных переводчиков, владевших наиболее часто встречающимися на севере Европы языками — немецким и шведским. К сожалению, мы не знаем, как обстояло дело в первые годы XVII в. — возможно, местные власти сами нанимали на службу человека, свободно говорящего на одном из этих языков, или же, что более вероятно, как и в более поздние годы сюда направляли переводчика, состоящего на службе в Посольском приказе. Первые сведения о переводчиках, находящихся в подчинении у новгородской городской администрации, относятся к периоду шведской оккупации Новгородской земли. Статус этих переводчиков в Новгороде был двусмысленным — в недалеком прошлом подданные Московского государства, они лишь относительно недавно перешли на шведскую службу. Ни шведы, ни русские в полной мере не могли считать этих людей ни «своими», ни однозначно «чужими».

Не до конца понятный статус переводчиков в Новгороде Великом наиболее ярко проявил себя в стенографированной перебранке, случившейся в городе в апреле 1615 г. между представителями шведской оккупационной администрации и архимандритом Хутынского монастыря Киприаном. Значительная часть гнева и желчи русского церковнослужителя при этом излилась на переводчика Ханса (Анцу) Бракилева. Поводом к тому стали неосторожные слова переводчика, обвинившего архимандрита в том, что тот подбивает население города к бунту, и под конец даже выдавшего своего рода каламбур: «смуту всю чинишь во граде, всяк говорит на тебя, что вор говор». В ответ Киприан разразился гневной отповедью, начав с обвинения собеседника в полном непрофессионализме («не умеешь ты сам, и не знаешь, что делаешь»), следствием которого становится конфликт между Россией и Швецией («кровь бошую пролить хочешь напрасно... смутил два государства... бесчестишь государство Свейское, да ссариваешь, да и короля вяжешь»). Но более всего архимандрита в переводчике возму-

щало то, что он «забыл... свою природу, где родился... и хлеб и соль московскую... забыл..., а топерече перевернулся на иную сторону». Под конец своей тирады Киприан, противореча самому себе, стал в присутствии шведов доказывать готовность Бракилева вновь перевернуться на русскую сторону, причем единственным его аргументом стало то, что переводчик продолжал носить одежду русского покроя: «Да и потому тебя знать мочно, что тебе хочетца опять любо на Руси быть, что ты ходишь в русском платье, а прямишь в правду ль, или не в правду королю, хто тебя знает. А будет и в правду, только устать тебе забывать русское добро, да и не забытьи, много тебе о том плакать». Бракилев возражал: «платьем меня не укоряй, платье вот — ныне на мне неметцкое... и тому что за вина? ...А опять и литовское надену, а ты мне не указчик: что захочю, то вздену». Ответная реплика архимандрита, кажется, отражает все его (и, наверное, не только его) отношение к «гардеробному интернационализму» переводчика: «И то бывает же у вашей братьи: туды не удалось, и ты, выждав строку, да туды и михнешь» (РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 9 (1615 г.). Л. 203—206).

В целом в словах архимандрита Киприана не обнаруживается ничего неожиданного — представители русского православного духовенства вообще крайне нервно относились к случаям, когда иноземцы надевали русское платье. Адам Олеарий, в частности, отмечает, что в самом начале управления Русской православной церковью патриарх Никон категорически запретил немцам носить русскую одежду, поскольку, благословляя русских православных, священник мог по оплошности случайно благословить и немца, приняв его за русского из-за его туземной одежды (*Олеарий А.* Описание путешествия в Московию. Смоленск, 2003. С. 297). Запрет этот был достаточно строгим, и по донесению жившего в Москве во второй половине XVII в. шведского резидента Эберса, «все немцы должны ходить в немецком платье, кто явится в русском, подвергнется наказанию. Когда встречают немца, одетого по-русски, его тащат в приказ и там наказывают кнутом» (цит. по: *Орленко С.П.* Выходцы из Западной Европы в России XVII века (правовой статус и реальное положение). М., 2004. С. 70). Благодаря перебранке между хутыньским архимандритом и шведским переводчиком мы можем предполагать, что нетерпимое отношение к ношению иноземцами русского платья в среде православного духовенства возникло не вдруг. Уже в начале XVII в. оно давало о себе знать, но в форму официального запрета вылилось только к середине столетия.

Любопытно, что шведы предпочитали пользоваться в оккупированном городе услугами людей, которые были им близки в этническом и религиозном плане, хотя и имели в своем распоряжении вполне русского переводчика — Игнатия Кучина, одного из «годуновских студентов», к тому моменту успевшего около четырех лет прослужить в Швеции коронным переводчиком (*Лисейцев Д.В. Посольский приказ в эпоху Смуты. М., 2003. С. 369*). Надо полагать, он вызывал бы у новгородцев меньше раздражения. Тем не менее, урожденному русскому действовать в оккупированном Новгороде от имени шведской администрации не доверили — он мог оказаться для русского населения города слишком «своим». Поэтому Игнатию Кучину приходилось работать в Стокгольме в среде, где он так или иначе был «инородным телом» и возможности завязать «изменнические» отношения со своими соотечественниками для него там были минимальными (что, впрочем, не помешало ему после ратификации Столбовского мирного договора договориться с русским посольством о возвращении на родину).

В самом же Новгороде шведская администрация предпочитала пользоваться услугами переводчиков-иностранцев, которые были чужими для новгородцев, что практически исключало вероятность их сближения с русским населением. Но при этом персонажи вроде Анцы Бракилева из-за своего недавнего российского подданства не могли пользоваться и абсолютным доверием со стороны самих шведов. Именно эту тему в присутствии представителя шведской оккупационной администрации Монса Мортенсона с особым упорством поднимал архимандрит Киприан, видевший в манере переводчика носить одежду разных социумов отражение его политической неблагонадежности, непостоянства и склонности к предательству («ино тебе тем и вершить, что последнее платье носить хошь») (РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 9 (1615 г.). Л. 206).

В 1617 г. шведские войска в соответствии с русско-шведским мирным договором, подписанным в Столбово, покинули Великий Новгород. Перейдя под контроль российской администрации, город вновь сделался одним из крупнейших русских торгово-экономических центров в порубежной зоне. Это, в свою очередь, заставляло московские власти задуматься о необходимости держать в Великом Новгороде на службе квалифицированного переводчика, который мог бы переводить поступающие из-за рубежа грамоты, обслуживать следующие в Москву посольства и регулировать неизбежные конфликты между русскими и «немецкими» торговыми людьми. На эту службу своих специалистов командировал в Новгород Посольский приказ.

Первым известным нам переводчиком, отправленным из Посольского приказа на службу в Новгород, стал Тимофей фон Немен. Носитель немецкого языка, он, кажется, не владел шведским, хотя и привлекался, несмотря на это, к обслуживанию русско-шведских переговоров. Впрочем, он был приставлен к голландским дипломатам, посредничавшим в Дедерино, и это позволяет предположить, что фон Немен владел нижненемецким диалектом. В Посольском приказе фон Немен начал служить уже в 1613 г., когда его отправили в составе посольства в империю Габсбургов. Активное участие в осуществлении приказом дипломатической деятельности за шесть лет позволило ему увеличить годовой денежный оклад с 14 до 35 рублей. Тимофей фон Немен был семейным человеком: в 1615/16 г. он определенно был женат и имел как минимум одного сына. Позднее, в 1622—1627/28 г. в Нижнем Новгороде на службе числился поместный немчин Денис Тимофеев сын Фанемен, имевший поместный оклад 350 четей и 16 рублей годового жалования — «собою средней, поместье... за ним худо... Поместья в дачах сказал дватцать две чети» (РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Новгород. Кн. 16. Ч. 2. Л. 10 об.; Материалы по истории Нижегородского края конца XVI — первой четверти XVII века. Ч. 1. М., 2015. С. 667; Ч. 2. М., 2015. С. 13, 115, 508—509, 754). На прокорм семьи беспоместному переводчику Тимофею фон Немену выделяли тогда по 10 коп. в день. 30 сентября 1619 г. Тимофея фон Немена послали «до государева указу» на службу переводчиком в Великий Новгород. Уже там в следующем 1620/21 г. при сохранении прежнего годового оклада в размере 35 рублей переводчик получил ощутимую — в полтора раза — прибавку к поденному корму, увеличившемуся до 15 копеек в день. Трудно сказать, с чем это было связано — с увеличением семейства или же с наймом на службу дополнительной челяди. В 1623 г. на некоторое время он покинул Великий Новгород, будучи отправлен сопровождать нанятых для поиска полезных ископаемых рудознатцев, но в 1623/24 г. мы вновь обнаруживаем фон Немена на прежнем месте службы. Впрочем, на этот раз он водворился в Новгороде ненадолго — в 1624 г. кормовые деньги там были выданы ему лишь с 1 октября по 31 декабря, чем наши сведения о Тимофее фон Немене и обрываются (*Лисейцев Д.В.* Указ. соч. С. 364; РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Новгород. Кн. 13-б. Л. 47—47 об.; Кн. 13 г. Л. 34).

В 1622/23 г., надо полагать, в связи с временным отъездом из Новгорода фон Немена, в Посольском приказе озаботились вопросом замены ему. Видимо, в связи с этим мы имеем эпизодические упоминания о службе в Новгороде немецкого переводчика Вилима Вилимова

(1622/23 г.), немецкого и голландского переводчика Еремея Еремеева и немецкого толмача Ивана Рехтерева (оба в 1623/24 г.) (*Лисейцев Д.В.* Указ. соч. С. 360—361, 368, 374—375). Впрочем, в 1623 г. этот кадровый вопрос в Великом Новгороде закрыли на несколько лет с отправлением туда на службу шведского переводчика Андрея Петрова. В России он к тому моменту жил около полутора десятилетия (приехал в Москву при Василии Шуйском, вероятно, в составе наемного корпуса генерала Делагарди), пересидел осаду 1611—1612 гг. в Москве, а после освобождения столицы попросился на службу в Посольский приказ в переводчики. При этом и после 10-ти лет проживания в России Андрей Петров русским языком практически не владел. После нескольких лет службы (в том числе ему пришлось в 1617—1619 гг. побывать в Швеции в составе посольства кн. Ф.П. Борятинского, затем в течение трех лет, в 1619—1622 гг., обеспечивать переводом размежевание новой русско-шведской границы), в 1623 г. его отправили на службу в Великий Новгород, который и стал последним известным нам местом его службы. Здесь он находился по 1629 г. Назначенный ему в Посольском приказе по итогам его прежней службы годовой денежный оклад за время пребывания в Новгороде не изменился, составляя все те же 33 рубля. Зато существенно сократился к концу его службы уплачиваемый поденный корм — если в 1627/28 г. ему причиталось еще по 10 копеек в день, то уже в следующем году этот вид жалования у Андрея Петрова заметно сократился — до 4 копеек. Вероятнее всего, связано это было с уменьшением состава семьи, возможно — с кончиной супруги или отказом от найма переводчиком в Новгороде слуг, которых следовало содержать за свой собственный счет. Сметный список Великого Новгорода зафиксировал общую сумму поденного корма, выданного переводчику в 1628/29 г. — 11 руб. 40 коп. Из расчета 4 копейки в день получается, что на службе в том году он находился 285 дней, т.е. до 12 июня 1629 г. включительно. Последняя дата, надо полагать, совпадает или близка к дате смерти переводчика Андрея Петрова (*Лисейцев Д.В.* Указ. соч. С. 366—367; *Куненков Б.А.* Посольский приказ в 1613—1645 гг.: структура, служащие, делопроизводство. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Брянск, 2007. С. 477; РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Новгород. Кн. 13-г. Л. 33 об.—34; Кн. 16. Л. 54; Кн. 18. Л. 57).

Таким образом, и после возвращения Великого Новгорода под власть Московского государства, как и ранее, при шведах, переводчиками в городе продолжали служить люди, волей судьбы оказавшиеся на стыке двух разноязычных миров. И Тимофей фон Немен,

и Андрей Петров не принадлежали к числу коренных уроженцев Московской державы, сохраняя, по-видимому, и приверженность неправославным формам христианского вероучения. При этом выбор подданства был ими осуществлен окончательно и бесповоротно самим фактом зачисления на службу в Посольский приказ. Вероятность побега для них тоже была весьма мала, поскольку в России оба они обзавелись семьями (сын фон Немена, в частности, нес службу в далеком Поволжье). Вряд ли поэтому единоплеменники могли воспринимать этих до конца не обрусевших людей как «своих». Вместе с тем, полностью «своими» они не воспринимались даже в Новгороде. Во всяком случае, уплачиваемые им год за годом в Новгороде денежные оклады и поденный корм неизменно проходили в приходо-расходной документации города по разряду «неокладных», т.е. случайных и нерегулярных, расходов. Любопытно, какое платье носили новгородские переводчики в первые годы по завершении Смуты?

И. Майер, О.В. Русаковский

«Книга лошадиного учения» Антуана де Плювинеля в русском переводе 1670 г.

Среди переводных книг, созданных в Посольском приказе в 1670-е гг., особое место как по своей тематике, так и по разнообразию и сложности языкового материала занимает перевод руководства по верховой езде «*Manège royal*» француза Антуана де Плювинеля. Это сочинение, впервые опубликованное на французском языке после смерти автора в Париже в 1623 г., получило широкое распространение в Европе (см. *Platte M. Die “Manège royal” des Antoine Pluvinel. Wiesbaden, 2000*). Известны две редакции перевода этой книги на русский язык, созданные в Посольском приказе (см. *Соболевский А.И. Переводная литература Московской Руси XIV—XV вв. СПб., 1903. С. 48*). К первой редакции относится подносная рукопись, озаглавленная «Книга лошадиного учения, переведена с французского писма на русский язык в нынешнем во 179-м году [1670] декабря в 20 день» (РНБ. ОСПК. Ф. XI. 1.); другой список этой же редакции — весьма близкий списку РНБ, если судить по опубликованным фрагментам, и с тем же названием — ныне находится в городской библиотеке г. Вестерос, Швеция (см. *Dahl S. Codex AD 10 der Västeråser*

Gymnasialbibliothek. Uppsala, 1949. S. 137—140; *Черепнин Л.В.* Материалы по истории русской культуры и русско-шведских культурных связей XVII в. в архивах Швеции // ТОДРЛ. Т. 17. 1961. С. 472). Основой для редакции 1670 г. послужило двуязычное французско-немецкое издание, вышедшее в Брауншвейге, о чем свидетельствует вклеенный в подносную рукопись титульный лист из печатной книги.

На этой вклейке читается год издания — 1653 (или 1656). Нам не удалось обнаружить упоминания о таком издании в крупнейших библиотечных базах данных, например, VD17 (немецкие издания XVII века) и Worldcat, и сравнение одной страницы с наборным текстом из доступного нам брауншвейгского издания 1626 г. с соответствующей страницей-вклейкой показало совершенно однозначно, что наши переводчики работали с тем же изданием, что и мы. Русская подносная рукопись также содержит много других листов из печатной книги, в том числе свыше 40 гравированных изображений, призванных служить наглядным пособием при овладении искусством верховой езды.

Проведенное нами сопоставление немецкого и французского текста брауншвейгского издания 1626 г. с «Книгой лошадиного учения» свидетельствует о том, что русский переводчик следовал немецкой версии, а не французской. На это указывает уже появление в переводе титульного листа книги фразы «Печатано в Бруншвейку городе 1653-го году за вспоможением Готфрида Миллера», отсутствующей во французском тексте. Убедительные доказательства дает сопоставление посвящения Людовику XIII, сделанного фламандским гравером Криспианом де Пасом (Crispian de Pas; на нидерландском Crispijn van de Passe), который изготовлял — уже после смерти Плювинеля — иллюстрации для этой книги. Позволим себе привести это посвящение (с небольшими сокращениями) на всех трех интересующих нас языках.

Пример № 1:

Французский: «AV ROY. SIRE, Feu Monsieur de Pluuiinel m'ayant fait l'honneur de me choisir parmi plusieurs excellens ouuriers, pour faire veoir dans des Tasleaux (sic! = Tableaux) aux yeux de vostre Majesté de toute la France & des Nations estrangeres, les Leçons que de vive voix il vous a voit si dignement enseignees, l'ay mis peine d'y apporter tout ce que l'art & mon industrie m'ont peu suggerer de necessaire pour les représenter auec perfection. [...] Je l'en supplie donc autant humblement, comme je prie Dieu de la combler de toutes sortes de prosperitez. Sire, De Vostre Majesté Le tres-humble & tres-obeissant seruiteur Crispian de Pas».

Немецкий: «An Königliche Majestet. GRoßmechtigster König / Demnach ich der Ehren gewürdigt/ daß Monsieur de Pluuinel selig. mich auß vielen fürtrefflichen Meistern/ zu verfertigung etlicher Kupfferstück/ erwehlen und gebrauchen wollen/ auff daß durch dieses Mittel/ zu foderst (sic! = forderst) Ewr Majestet der gantzen Kron Frankreich/ wie auch andern außlendischen Volckern die lectiones für Augen gestelt wurden/ worin er dieselbe höchstes Fleisses unnd mit lebendiger Stimme/ unterwiesen. [...] Worumb ich dann dieselben hiemit unterthänigst ersucht/ wie auch GOtt dem Allmechtigen/ zu allen Königlichen Wolstand/ empfolen haben will. Ewr Majestet unterthänigster und gehorsambster Diener. Crispian de Pas».

Русский: «Его королевскому величеству, вельможнейший королю, Понеже я чести почтен есмь, что господин Плувинеллус покойный меня изо многих избранных мастеров для совершения некоторых выпечатанных образцов избрати и употребляти изволил, чтоб чрез сей способ преже Ваше Величество всей короне Французской яко и иным иноземским народом чтение пред очи представлены были, в которых он великим труждением и живым гласом учил. [...] Чево ради я при сем подданнейший Вашему Величеству бьючи челом так и Всемогущаго Бога молю и ко всему королевскому Благопоставлению вручаю. Вашего величества подданственнейший и повольнейший слуга, Кришпиан Депас».

Русский перевод обнаруживает многочисленные лексические соответствия немецкому тексту там, где последний расходится с французским, например:

Sire — Großmechtigster König — вельможнейший королю;
vostre Majesté de toute la France — Ewr Majestet der gantzen **Kron** Frankreich — Ваше Величество всей **короне** французской.

Кроме того, синтаксис русского текста всюду следует немецкому, а не французскому варианту:

m'ayant fait l'honneur — ich... gewürdigt — почтен есмь (активная конструкция во французском столбце, пассивная в немецком и русском).

Наконец, написание имени автора посвящения, «Кришпиан Депас», показывает, что переводчику была ближе немецкая фонетика (ср., например, слово «Spitz», по-русски «шпиц»), причем скорее всего в ее южном варианте, где сходное имя, Christian, вполне могут произносить со звукосочетанием —шт, вместо -ст: сочетание согласных -sp- в середине имени он передал на южно-немецкий манер, как —шп.

Итак, книга Плювинеля в принципе была переведена с немецкого. С этой задачей переводчик справился очень хорошо — в приведенном нами примере не было обнаружено ни одного недоразумения. С других языков, французского и латинского, были переведены лишь два коротких фрагмента, для которых в доступном нам издании отсутствовал немецкий вариант. В настоящей статье мы подробно рассмотрим только перевод с французского. Речь идет о довольно безыскусном четверостишии, гравированном под портретом юного короля Людовика XIII; лист, о котором идет речь, вклеен в подносную русскую рукопись.

Пример № 2 (конец строки обозначается знаком «/»):

Французский: «C'est icy le parfait Image / Del'heritier de saint Louis / Qiu pase en l'Auril deson aage, / Martel, Charlemaigne et Glouis».

Русский: «Сия есть совершенная персона / наследника святого Лудовика./ которая пошла в розглашение / и о ее деле в Мартелу, Шарлемейну и Гловису».

Современный подстрочник: «Вот совершенное изображение/ Наследника Святого Людовика, / Который уже на заре своей жизни превосходит / Мартелла, Шарлеманя и Хлодвига».

Прежде чем приступить к анализу перевода, обратим внимание на то обстоятельство, что французский текст, находящийся внутри гравюры, тоже был гравирован — причем, по всей видимости, в Брауншвейге, так как гравер явно не был носителем французского языка. Это обстоятельство надо иметь в виду при обсуждении понимания французского текста переводчиком.

Первые две строки переведены совершенно точно, в то время как последние две поставили перед переводчиком неразрешимые проблемы, частично, возможно, вследствие ошибок, сделанных гравером во французском тексте (qiu, pase, Auril, deson, aage). Переводчик, очевидно, не узнал слово «Auril» (которое надо было понять как «avril», т.е. «апрель»); скорее всего, он не был знаком с фразеологизмом «l'avril de son âge» («заря жизни», т.е. юность). Возможно, что он понял слово «auril» через латинское «augula» (в частности, со значением «легкий звук, возглас»), а «aage» (вместо «âge») — через латинское «ago» (со значением «делать»). В последней строке переводчик не опознал имена франкских правителей Карла Мартелла, Карла Великого (Шарлеманя) и Хлодвига (Кловиса) и, вероятно, принял их за обстоятельства места (названия городов или областей). Вероятно, сложности, с которыми переводчик столкнулся при переводе этого четверостишия, по-

будили его отказаться от перевода еще пяти французских стихотворений, предваряющих основной текст книги Плювинеля (хотя листы с двумя из них были вклеены в русскую рукопись).

Единственный фрагмент из книги Плювинеля, переведенный с латинского языка — стихотворение выходца из Нидерландов Петра Валенса, преподавателя латинского и древнегреческого языков в королевском коллеже в Париже («*Petrus Valens Professor Regius*»). Это написанная элегическими дистихами эпиграмма под заглавием «*In laudem Lvdovici XIII. Iusti, Regis Christianissimis*» (так! вместо правильного «*Christianissimi*»). В русском варианте названия — «В славе Людовика 13 Святого Християнейшим королем. Надписание» — содержится досадная ошибка: «*iustus*» переведен здесь словом «святой» — впрочем, в самом стихотворении (строка 5) то же слово правильно передано как «праведный». Ошибка могла быть вызвана тем, что во французском четверостишии упомянут именно Людовик Святой (строка 2). Само же стихотворение, за исключением некоторых незначительных недочетов, переведено весьма близко к оригиналу и довольно точно воспроизводит его образный ряд. Уверенное владение переводчика латинским языком почти несомненно.

Попытаемся сделать некоторые выводы о том, кто же был переводчиком книги Плювинеля. К сожалению, в документации Посольского приказа указаний о переводчике не найдено, но нам представляется наиболее вероятным, что эту задачу поручили одному из тех переводчиков, кто знал большое количество языков — Ивану Тяжкогорскому. Во-первых, он считался специалистом по всем трем языкам, представленным в печатной книге (французский, немецкий, латынь); во-вторых, он был вообще единственным переводчиком приказа, знавшим французский язык, — ведь как-никак книга была написана на французском языке, даже если в конечном итоге, как мы показали, для перевода была использована в основном немецкая версия. Можно предположить, что руководство приказа исходило из предположения, что для перевода французской книги нужен знаток именно этого языка. На 1670 г. Тяжкогорский не только числился единственным в приказе переводчиком с французского, но уже имел определенный опыт по переводу газет с немецкого языка (см. статью И. Майер в настоящем издании). Очевидно, сам переводчик предпочел иметь дело с родным и намного более понятным для него немецким языком. В принципе нельзя исключать и возможность работы над книгой нескольких переводчиков. Но даже если в приказе считали, что перевод будет сделан с немецкого (что

нам представляется маловероятным), Тяжкогорский все-таки был бы хорошим кандидатом, особенно если руководители приказа обратили внимание на присутствие в книге латинского стихотворения. Что касается его уровня владения французским, то мы не решаемся на основании перевода краткого четверостишия делать какие-либо окончательные выводы. Для этой цели необходимо исследовать его перевод руководства по тригонометрии «Счислительные чертежи...» по сохранившимся в РГАДА черновикам Тяжкогорского в сравнении с французским оригиналом. (Черновики идентифицированы; см. *Морозов Б.Н.* Из истории русской переводной научной и технической книги в последней четверти XVII—XVIII вв. (Архив переводчиков Посольского приказа) // *Современные проблемы книговедения, книжной торговли и пропаганды книги. Междуведомственный сборник научных работ. Выпуск 2. М., 1983. С. 117.*)

В конце коснемся вкратце вопроса о более позднем переводе того же сочинения Плювиалея, выполненном в Посольском приказе в 1676—1677 гг. Подносная рукопись этого перевода находится в Погдинском собрании РНБ (см. также фотокопии некоторых листов: *Соболевский А.И.* Палеографические снимки с русских рукописей XII—XVII вв. СПб., 1901. Табл. XL и LXII). Причины, по которым более ранняя редакция не удовлетворила потребности русского двора, не вполне ясны. Вероятно, сыграл свою роль жгучий интерес молодого царя Федора Алексеевича к искусству верховой езды (см. *Седов П.В.* Детские годы царя Федора Алексеевича // *Средневековая Русь. Сборник научных статей к 65-летию со дня рождения профессора Р.Г. Скрынникова.* СПб., 1995. С. 77—93). Кроме того, в России появилось более свежее франкфуртское издание 1670 г., значительно расширенное по сравнению с предыдущим брауншвейгским изданием. Экземпляр франкфуртского издания был разделен на шесть частей между переводчиками приказа, причем основную работу над текстом выполнили Леонтий Гросс, Андрей Виниус и Ефим Мейснер, а вклад еще троих — Семена Лаврецкого, Ивана Тяжкогорского и Андрея Кривта — был по разным причинам признан незначительным (см.: *Лаврентьев А.В., Матвеева Е.Н.* Гросс, Леонтий // *СККДР. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 1.* СПб., 1992. С. 241—244). Насколько можно судить по доступным нам снимкам рукописи, и в этом случае перевод делался с немецкого текста. Вероятно, понимали это и в Посольском приказе, поскольку из перечисленных выше переводчиков французский знал только Тяжкогорский. Лаврецкого, переводчика с польского и латинского языков, могли привлечь для перевода лишь

небольших фрагментов или отдельных терминов. Вопрос о том, учитывался ли при составлении нового текста перевод 1670 г., требует отдельного исследования.

Подведем некоторые итоги. «Книга лошадиного учения» была переведена не с французского, как утверждалось в ее подносной рукописи, а главным образом с немецкого языка. Переведенные с французского и латинского языков фрагменты, незначительные по объему, тем не менее представляют определенный интерес как ранние примеры перевода стихотворных текстов с этих языков на русский. При работе над книгой русский переводчик (или переводчики) продемонстрировал высокий уровень владения немецким, а также довольно уверенное обращение с латинскими стихами. В то же время переводчик (мы полагаем, что это был Иван Тяжкогорский) не вполне справился с французским четверостишием. Роковыми для него оказались как ошибки в самом тексте, так и недостаточное знание французской фразеологии и, главное, истории. Открытым на настоящее время остается вопрос, один ли Тяжкогорский переводил все сочинение Плювинеля, или же работал совместно с другими переводчиками с немецкого и/или латыни. Остается нерешенным также и вопрос соотношения редакций 1670 и 1676/77 гг.

Авторы глубоко признательны Илье Игоревичу Аникьеву (МГУ им. М.В. Ломоносова) и Александре Андреевне Плетневой (Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН) за ценные советы и замечания.

И. Майер

Откуда был родом переводчик Иван Тяжкогорский? Историографические и лингвистические аргументы

Переводчик Посольского приказа (примерно с 1668 по 1704 год) Иван Тяжкогорский является весьма загадочной фигурой: до недавнего времени мы даже не знали, какой у него был родной язык и какой он был национальности. На эти вопросы, как нам представляется, у нас теперь появились весьма обоснованные ответы, в то время как другие вопросы — например, год и место его рождения, почему и каким образом он оказался в России — по-прежнему остаются открытыми.

Что касается места рождения Тяжкогорского, то, например, К.В. Харлампович считал, что он был выходцем из Украины, так же как

Семен Лаврецкий, Иван Гуданский и Степан Чижинский (*Харламович К.В.* Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Том 1. Казань, 1914. С. 430—432). Возможно, ученый полагал так, потому что среди «иностранных» языков Тяжкогорского порой фигурирует белорусский, или же потому, что он одно время служил в Малороссийском приказе (*Беляков А.В.* Служащие Посольского приказа 1645—1682 гг. СПб., 2017. С. 98—99). Авторы статьи в «Словаре книжников», не определяя его географического происхождения, пишут, что он был иностранцем католического вероисповедания (*Буланин Д.М., Романова А.А.* Тяжкогорский Иван Михайлов // СККДР. Вып. 3. Ч. 2. СПб., 1993. С. 52—53). Это несомненно так, и в архиве зафиксирована следующая информация: «Во 176-м [1667/68] году выехал из Цесарской земли венгер шляхтич Иван Тяшкогорской и после выезде своего был по 178 год [1669/70] в государственном Посольском приказе в переводчиках в римской вере. А во 178-м году он, Иван, крещен в православную христианскую веру» (РГАДА. Ф. 150. Ед. хр. 4. (1619 г.)), «Выписки о выездах иноземцев, сделанные в 1768—1772 гг.»; автор сердечно благодарит О. Русаковского за предоставление этих данных). В других документах в том же фонде имеется информация о том, что «выехал из Цесарской земли великого государя на имя Венгерской земли шляхтич Иван Тяшкогорский» (там же. 1668 г. Ед. хр. 22. Л. 120—120 об.). Кажущийся парадокс, что один и тот же человек выехал из «Цесарской земли», с одной стороны, и из Венгрии, с другой, можно объяснить тем, что жители Венгерского королевства, которое в формально-юридическом отношении не входило в Священную Римскую империю германской нации, были подданными того же императора («цесаря»), который там именовался королем Венгрии, и никаких границ между империей и Венгрией не было.

Следующий наш вопрос: какой у нашего «венгра» из «Цесарской земли» был родной язык? Римская империя была многонациональным государством; там, помимо немцев, жили и французы, итальянцы, поляки, чехи, словаки, словенцы, венгры и другие народы, а в Венгерском королевстве — как минимум венгры, немцы, поляки и словаки. Хотя в одном из процитированных архивных документов сказано, что Тяжкогорский был венгром, мы к этой информации относимся скептически и считаем, что она не относится к его этнической принадлежности, а лишь к стране, в которой он жил, а именно Венгрии.

Попытаемся подойти к вопросу о национальности нашего переводчика через знание иностранных языков: ведь обычно, когда нам

встречается, например, переводчик с французского или немецкого языка, можно почти наверняка сказать, что он родом из Франции или, соответственно, из Германии. Но с Тяжкогорским нам в этом отношении не очень везет, так как он, по крайней мере на бумаге, являлся одним из наиболее многоязычных специалистов, работавших в Посольском приказе в XVII в. Назовем здесь его языки просто в алфавитном порядке: белорусский, венгерский, латынь, немецкий, польский и французский. Напрямую на основе такого списка невозможно сделать вывод о родном языке, поэтому рассмотрим теперь вопрос, с каких языков переводил Тяжкогорский, и как он это делал.

Наиболее ранние переводы, заведомо выполненные Тяжкогорским, это новости из немецких газет, переведенные для царского двора 6 мая 1669 г. (См.: Вести-Куранты 1656 г., 1660—1662 гг., 1664—1670 гг. Ч. 1. Русские тексты. М., 2009. С. 354, прим. к л. 2; подробнее см. *Гуськов А. Г., Майер И.* Языки и переводчики: о жизни и деятельности крупнейшего полиглота Посольского приказа Ивана Тяжкогорского. В печати). Переводы из газет почти всегда анонимные, но мы предполагаем, что он принимал участие в этих переводах все время, пока работал в Посольском приказе. В 1670 г. он переводил — один или вместе с другим переводчиком — сочинение А. Плювинеля (русское название — «Книга лошадиного учения»). Нам удалось доказать, что перевод был сделан с немецкого языка, за исключением мелких фрагментов, переведенных с французского и латинского языков соответственно (см. *Майер И., Русаковский О. В.* «Книга лошадиного учения» Антуана де Плювинеля в русском переводе 1670 г. В настоящем сборнике). Из всех сравнений русских переводов Тяжкогорского с иностранными оригиналами следует, что немецкие тексты он переводил отлично, в то время как с латинскими и французскими текстами то и дело возникали проблемы. На сегодняшний день у нас нет данных о переводах с других языков, которые можно было бы атрибутировать Тяжкогорскому с некоторой долей вероятности: не обнаружено переводов с польского и, тем более, с белорусского и венгерского языков. Что касается белорусского языка, то этот вопрос обсуждается более подробно в другой работе (*Гуськов А. Г., Майер И.* Указ. соч.); здесь скажем только коротко: мы не сомневаемся, что Тяжкогорский бы справился с таким переводом, если бы в нем была надобность. Относительно венгерского языка у нас нет никаких аргументов, которые позволили бы судить, в какой степени он им владел, потому что мы не смогли обнаружить никаких документов или книг, переведенных с этого языка. Впрочем, у России и контактов с Венгрией не было, судя

по отсутствию документов с 1660 по 1690 гг. в ф. 40 РГАДА, «Сношения с Венгрией» (автор благодарит А.Г. Гуськова за эту информацию). Однако, поскольку известно, что Тяжкогорский выехал из Венгерского королевства, он несомненно мог в какой-то мере знать венгерский язык, хотя и не был этническим венгром, как мы покажем ниже.

Итак, до сих пор не обнаружено никаких переводов Тяжкогорского ни с белорусского, ни с венгерского, ни даже с польского. Тогда в списке остаются еще три языка, с которых действительно имеются переводы, — а именно латынь, немецкий и французский, в алфавитном порядке. Если же назвать их по значимости, по количеству (и, вероятно, качеству) переводов, то это в первую очередь немецкий (подавляющее большинство). Получается, что «иностранный» язык, который Тяжкогорский знал лучше всех, — это немецкий, хотя как раз этот язык не упомянут в одной архивной записи: «Цесарские земли французского и венгерского, полского и латинского языков переводчик Иван Тяшкогорской» (РГАДА. Ф. 138. 1682 г. Ед. хр. 20. Л. 110). Именно в этом документе главный язык Священной Римской империи германской нации, немецкий, эксплицитно не назван; возможно, полагали, что это излишняя информация применительно к человеку из «Цесарской земли», тем более в России, где немецкий язык очень часто назывался именно «цесарским» (см., например, издания «Вестей-Курантов», где этот термин встречается очень часто, особенно в последних двух выпусках), поскольку подавляющее большинство жителей империи несомненно были носителями именно «германского», или точнее немецкого, языка.

Тем не менее мы глубоко убеждены в том, что Тяжкогорский был именно *немцем*. Вероятно, что он происходил с территории, где, будучи немцем, в детстве мог также выучить венгерский, например, в районе Шопрона/Эденбурга (Sopron/Ödenburg), или он мог быть также оттуда, где ребенку можно было выучить сразу три языка — немецкий, венгерский и словацкий, а именно из нынешней Братиславы (в XVII в. Preßburg/Pozsony/Prešboro). Но если бы молодой Иоганн, будущий Иван, имел счастье родиться в регионе Спиш (Spiš/Szepes/Spisz), который только частично входил в Речь Посполитую, он в детстве мог бы выучить целых четыре языка — помимо немецкого, словацкого и венгерского еще и польский. Разумеется, ребенок-полиглот скорее всего не знал бы все эти языки в совершенстве, и не исключено, что он говорил бы на них с сильным немецким акцентом, но тем не менее в достаточной мере, чтобы в Посольском приказе включить в список иностранных языков польский и тем бо-

лее венгерский — все равно никто не мог бы проверить его знания по этому языку. Тяжкогорский в Москве в ответ на вопрос, откуда он родом, мог сказать: «из Цесарской земли», не объясняя все сложности юридического положения на его родине, или он мог сказать «из Венгрии», но уточняя в то же время, что он с детства прекрасно знает немецкий (так как у переводчика с венгерского в Посольском приказе было бы мало работы, или вовсе не было бы никакой). Наша гипотеза объясняет, как в Москву мог попасть человек со знанием пяти или шести иностранных языков; она объясняет, с одной стороны, знание Тяжкогорским польского (или словацкого, через который у него были бы хотя бы пассивные знания польского); с другой стороны, выучив — до какой-то степени — один славянский язык еще в детстве, он мог бы с большей легкостью во взрослом возрасте выучить еще один язык из этой же группы — русский.

Посмотрим также, как наша гипотеза сочетается с тем иностранным «акцентом», который мы смогли обнаружить в документах Посольского приказа, а именно в черновых переводах Тяжкогорского. Его почерк впервые идентифицировал Б.Н. Морозов (*Морозов Б.Н.* Из истории русской переводной научной и технической книги в посл. четв. XVII—XVIII вв. (Архив переводчиков Посольского приказа) // *Соврем. проблемы книговедения, книжной торговли и пропаганды книги. Междуведомств. сборник научных работ. Вып. 2.* М., 1983. С. 107—124), и в РГАДА сохранилось большое количество листов, написанных самим переводчиком (Ф. 181. Оп. 2. Ед. хр. 256, 259, 259а). Бросаются в глаза абсолютно не характерные для славянского писца написания типа «восмогут; росогнаны; восможно» (все из Ед. хр. 256. Л. 14 и 137 об.). Этот «акцент» мы видели также у коллеги Тяжкогорского, Леонтия Гросса, про которого хорошо известно, что он происходил из южной части Германии (см. подробнее в статье А.Г. Гуськова и И. Майер в настоящем издании). У обоих переводчиков наблюдается один и тот же «южнонемецкий» акцент, что прекрасно согласуется с «венгерским» происхождением Тяжкогорского, так как в прилегающих к Венгрии областях немцы говорили на баварско-австрийских вариантах немецкого языка. Другие написания, выявляющие в нем иностранца, — это случаи, где не различаются звуки [и]/[ы] — или, если эту проблему рассматривать с точки зрения фонологии русского языка, палатализованные («мягкие») согласные не отличаются от непалатализованных («твердых»), например: «Счислительние чертежи середины пречерчения дотикателнихъ отрезательнихъ чисель» (Ед. хр. 259. Л. 24); «на тяжелихъ лошедехъ; пушеч-

ни́и снаряд; с различн^имы господамы; за котор^имы шведи ухват[или]» (Ед. хр. 256. Л. 137 об.—138; список можно продлевать сколько угодно). В статье о Гроссе мы пишем о том, что данный «иностранный акцент» — впрочем, в отличие от неразличения /с/ и /з/ — не является типичным для носителя какого-то определенного языка; это очень распространенная ошибка у носителей многих иностранных языков, изучающих русский как иностранный (*Гуськов А.Г., Майер И.*, в настоящем издании). Вместе с тем она совершенно не типична для носителя польского, белорусского и венгерского языков. Специфическим является лишь неразличение звуков [з] и [с], что мы в данном случае характеризуем как «южнонемецкий» акцент.

Иностранный, совсем не славянский (и не венгерский!) «акцент» и тот факт, что Тяжкогорский в основном выполнял переводы с немецкого и только изредка с французского и с латыни, — не единственный аргумент в пользу того, что он был носителем немецкого языка. Другим доказательством является фамилия, Schwerenberg, под которой он не раз фигурирует, например, в латинской версии дневника Иоганна Георга Корба, «*Diarium Itineris In Moscoviam Perillustris ac Magnifici Domini Ignatii Christophori Nobilis Domini De Guarient, & Rall*», изданной в Вене предположительно в 1700 г. В этой книге его фамилию не переводили на латынь, и она три раза фигурирует в немецком облике: упоминается переводчик «Schwerenberg» (с. 41, 44, 53; например, «*D. Joānis Schwerenberg*», в родительном падеже, т.е. «господина Иоганна Шверенберга»). В то время как автор дневника в латинской версии систематически сохранял немецкую фамилию в исходной форме, в русском делопроизводстве обычно предпочитали пользоваться русифицированной фамилией. Думается, что опытный переводчик сам предложил вариант *Тяжкогорский* (нем. schwer — тяжелый, тяжкий; Berg — гора).

Можно возразить, что мы еще не доказали, что Schwerenberg и Тяжкогорский — один и тот же человек. Но может ли речь идти о двух разных переводчиках? Это исключено по нескольким причинам. Во-первых, мы бы встретили этого Шверенберга в документах приказа, и поскольку там такая фамилия вряд ли могла быть в употреблении, мы бы должны были искать его под какой-то другой, русифицированной, фамилией — однако такого человека нет в архивных документах. Во-вторых, совпадает не только фамилия, но и имя (Hans, или Johann(es) → Иван). В-третьих — и это самый сильный аргумент — в одном и том же документе, корреспонденции от 3/13 февраля 1699 г., бранденбургский посол Даниэль фон Принтц (Daniel

von Printz) упоминает Тяжкогорского как в русской, так и немецкой форме, причем русский вариант графически искажен, так как корреспондент, естественно, никогда не *видел* эту фамилию на письме, а просто воспроизвел ее на слух: он упоминает переводчика «Fiska Gorski oder Schwerenberg». Впрочем, с фонетической точки зрения он все же довольно удачно передал русскую фамилию; конечно, он мог воспринять «Фиска» как имя и «Горски» как фамилию. Принтц добавил, что это «седой, как лунь, старик» («einen alten eisgrauen Mann»; см.: *Dukmeyer F. Korbs Diarium itineris in Moscoviam und Quellen, die es ergänzen. Beiträge zur moskowitisch-russischen, österreichisch-kaiserlichen und brandenburgisch-preussischen Geschichte aus der Zeit Peters des Grossen. Band 1. Berlin, 1909. S. 163*). Здесь, помимо идентификации Тяжкогорского — Шверенберга, мы также что-то узнаем о его возрасте: в 1699 г. бранденбургский посол воспринимал его как очень старого человека. Через несколько лет после этой встречи — точнее, в 1704 г. — Тяжкогорский умер. Но вот когда он родился — до сих пор не установлено, хотя можно предположить, что в 1699 г., когда его описали как седого старика, ему было около 60 лет. В таком случае он родился где-то во второй половине 1630-х гг.

Как подданный Римской империи (или Венгерского королевства, которым управлял тот же император) молодой Шверенберг, будущий Тяжкогорский, имел все возможности приобрести хорошее гимназическое образование, особенно если он родился в богатой семье. По-видимому, Тяжкогорский в приказе сообщил, что относится к шляхте (ср. цитату в начале статьи из ф. 150). Правда, подтвердить эту информацию нам не удалось: никакой Schwerenberg в списках венгерской шляхты не фигурирует (см. *Nagy Iván. Magyarország családai czimerekkel és nemzékrendi táblákkal. 10. kötet. Pest, 1863*). Не исключено, конечно, что он сам немного «улучшил» свою генеалогию. Но даже не будучи шляхтичем, в немецкой гимназии он мог выучить латынь и греческий, а французский, скорее всего, у частного учителя.

Работа написана при поддержке Юбилейного фонда Шведского государственного банка (номер проекта — RFP12-0055:1). За консультации по немецко-венгеро-славянским лингвистическим вопросам в XVII в. мы сердечно благодарим венгерского коллегу-слависта Андраша Золтана, а за стилистическую редакцию русского текста — Вадима Борисовича Крысько.

Тенешевы-Бакшеевы: семья переводчиков и толмачей второй половины XVI в.

История отношений Московского государства с его восточными соседями — это не только история войны и дипломатических переговоров, но и не в последнюю очередь история переводческой деятельности. Москва представляла собой мир славянского языка и кириллической письменности, а татарские государства, Турция, Казахское ханство и туркестанские ханства — тюркское языковое пространство, объединенное арабской графикой. Арабографичные документы предъявляли к переводчикам особые требования, ведь арабская вязь могла скрывать не только арабскую или тюркскую, но и персидскую лексику. Поэтому, хотя специалистов по устному переводу (толмачей) с татарского языка было довольно много, переводчиков, переводящих письменные сообщения, было меньше, и те, что нам известны, были преимущественно носителями языка. Роль этих людей в формировании норм перевода и даже содержания и вида документации очевидно была значительной. Например, известный переводчик конца XV в. Абляз-Бакшей оказал глубокое влияние на формирование первой крымской посольской книги (*Бережков М.Н.* Древнейшая книга крымских посольских дел 1474—1505 гг. Симферополь, 1894. С. 15—16). Несомненно, что именно переводчики ответственны за создание особого терминологического аппарата русско-татарской посольской переписки. Историки уже давно обратили внимание на то, что послания содержат слова из золотоордынского обихода, уже утратившие прежнее значение, превращаясь в новые лексические единицы. Подобная метаморфоза произошла с термином «выход», который стал означать в конце XV в. не дань, а систему расходов на поддержание всех видов отношений с постордынскими тюрко-татарскими государствами и знатными мигрантами (*Хорошкевич А.Л.* Русь и Крым: От союза к противостоянию. Конец XV — начало XVI вв. М., 2001. С. 225—234). То же самое можно сказать и о термине «ярлык», обозначавшем уже не директивный документ, а просто письмо (*Бережков М.Н.* Крымские шерстные грамоты. Киев, 1894. С. 4). К «терминологическому словарю», созданному переводчиками, можно отнести понятия «юрт», «улус», «казак» и некоторые другие. Функционал переводчиков не ограничивался письменным переводом. Известно, что они назначались вместе с толмачами на базар, на кото-

ром ногаи продавали коней, могли выполнять функции приставов и встречали послов вместе с приставом (РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 8. Л. 30об., 31об.—32; РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1587 г. Д. 5. Л. 2). Известны случаи, когда переводчиков назначали послами. Например, Севастьян Авраамов в 1550 г. ездил с самостоятельной миссией в Астраханское ханство, Прокофий Вразский в Ногайскую Орду в 1608 г. (Акты времени правления царя Василия Шуйского. (1606 г. 19 мая — 17 июля 1610 г.). М., 1914. С. 188; *Комиссаренко А.И., Моисеев М.В.* Астраханское ханство по документам ногайской посольской книги за 1551—1556 гг. // Исторический архив. 2004. № 2. С. 199—209).

Все это позволяет считать роль переводчиков в структуре организации посольских контактов весьма значительной. Однако до середины XVI в. наши знания о переводчиках довольно отрывочные и редкие. Ситуация начинает меняться с 1550-х гг. в связи с усложнением структуры посольских книг, в которых стали регистрировать большее число документов, да и те, что вносились в книги традиционно, становились подробнее. Именно это обстоятельство позволяет нам проследить карьерные траектории переводчиков.

Одним из самых заметных и влиятельных переводчиков в русско-ногайских отношениях был Тениш (Джан-Мухаммед)-бакши (в источниках встречаются два написания имени Тениш и Тиниш, в работе везде, кроме цитирования источников, я буду использовать форму Тениш и производные от нее). Впервые мы его встречаем 13 декабря 1562 г., когда ногайские послы были в Москве на Казенном дворе и передали четыре грамоты боярам Д.Р. и В.М. Юрьевым. Те поручили перевод Тенишу, и он справился с ним весьма оперативно. Уже 15 декабря переведенные послания отправили царю Ивану IV в Можайск (РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 6. Л. 90—90об.). Очевидно, такая способность к быстрому переводу могла быть связана с большим опытом Тениш-бакши. Сплошной просмотр ногайских посольских книг позволил выявить упоминание некоего «Тениш Бакшея» в послании ногайского мирзы Касима от ноября 1548 г. Контекст послания позволяет определять этого человека как переводчика, а сами упоминаемые события относить к 1530-м гг. (Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1489—1549 гг. Махачкала, 1995. С. 249—250). Не исключено, что именно о нем писал в грамоте от октября 1537 г. Исмаил, когда требовал освободить своего человека, содержавшегося в селе у Тениша (Там же. С. 202). К сожалению, данных о нем за следующие годы мы не обнаруживаем, что может быть связано со спецификой посольских книг, для которых фиксация имен пе-

реводчиков все-таки не обязательна. Например, в крымской посольской книге за 1567—1572 гг. мы несколько раз сталкиваемся с такой фразой: «а грамоты крымские велел государь перевести», но имени переводчика, которому это поручили, нет, и лишь однажды указываются Кучюк Устакасимов и Булгак Шибачеев (Посольская книга по связям Московского государства с Крымом. 1567—1572 гг. М., 2016. С. 118, 182, 328). Именно поэтому для нашего исследования определенный интерес представляет сообщение крымской посольской книги за 1571—1577 гг. о том, что в феврале 1577 г. «посылан крымских послов подчивати с меды толмач Абдрахман Тенишев» (Посольская книга по связям Московского государства с Крымом. 1567—1572 гг. М., 2016. С. 269). Эти сведения позволяют предполагать родство между переводчиком 1562 г. Тениш-бакшеем и толмачом Абдрахманом Тенишевым 1577 г. Последнее упоминание Тениш-бакшея относится к 1564 г., и вновь оно связано с удержанием у себя ногай (женщины) (РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 6. Л. 212 об.). В ногайской посольской книге за 1577—1579 гг. упоминается переводчик и толмач Семен Тенишев, ездивший за ногайскими послами, вызванными на посольский двор. Вместе с братом Богданом Тенишевым он выступил в качестве переводчика и толмача на ногайском базаре в Москве (РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 8. Л. 30 об., 31 об.—32). Что еще интереснее, их троих на ногайском базаре фиксируют источники и ранее, в 1576 г. (Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой (1576 г.). М., 2003. С. 17). Итак, в 1576—1577 гг. источники фиксируют сразу трех Тенишевых, исполнявших переводческие обязанности. Известно, что Семен и Богдан переводили ногайские грамоты в 1577 г. (РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 8. Л. 33 об.). Установить их родственную связь нам позволяют данные писцовых книг, которые содержат информацию о том, что Абд ар-Рахман (Абдрахман), Семен и Богдан совместно владели помещением в волости Мещерка (Мещерская) Коломенского уезда, причем источник именует их братьями, детьми Тенишевыми детьми Бакшеева (Писцовые книги XVI века. Ч. 1. Отд. 1. СПб., 1872. С. 536—537). С одной стороны, возводить этих людей к Тениш-бакши кажется рискованным, но с другой сама форма их фамильного прозвания, зафиксированная писцовой документацией, позволяет это сделать. Подталкивает нас к констатации этого тождества и их профессиональная деятельность. Итак, можно предположить, что в 1562—1577 гг. в Посольском приказе письменным и устным переводом с татарского языка занималась семья Тенишевых (Тинишевых), причем в основном они специализировались на Ногайской Орде.

Служба братьев Тенишевых-Бакшеевых на поприще дипломатических отношений с ногаями продолжалась и позднее. 3 июня 1581 г. «толмач и переводчик» Семен Тенишев встречал ногайское посольство, а в конце июля (30-го числа) того же года другое ногайское посольство встречал его брат Богдан (РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 10. Л. 74, 103об.). Богдан Тенишев встречал ногайское посольство и позднее, 21 июля 1587 г. (РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1587 г. Д. 5. Л. 2). В этом документе еще упоминается некий толмач Душкеи Тенишев (РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1587 г. Д. 5. Л. 4), но наличие его родственных связей с нашими Тенишевыми не прослеживается. В 1587 г. мы вновь обнаруживаем Богдана среди приставов, встречавших ногайское посольство (РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1587 г. Д. 5. Л. 2, 7), и тогда же упоминается толмач Юрий Тенишев (РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1587 г. Д. 2. Л. 3), хотя наиболее раннее упоминание этого толмача относится к 1583 г. (РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1583 г. Д. 1. Л. 7(8)).

Итак, данные источников позволяют выстроить следующие связи. Тениш-Бакши занимается переводом 1530-е — 1560-е гг., затем мы обнаруживаем трех братьев — Абд ар-Рахмана, Семена и Богдана Тенишевых-Бакшеевых. При чем вместе они упоминаются в 1576—1577 гг. Далее источники упоминают их по отдельности. В 1581 г. в документах фигурирует только Семен и Богдан, а с 1587 г. — только Богдан. Но, в документах появляются два толмача Тенишевых: Юрий и Душкеи. Впрочем, надежно связать их с нашими Тенишевыми мы не можем, хотя эта связь и не исключена.

Анализ писцовых книг позволяет дополнить наши знания об этих переводчиках и толмачах. Поместье Тениша Бакшеева обнаруживается в Сурожском стане Московского уезда, где по наблюдениям И.В. Зайцева уже с конца XV в. испомещали великокняжеских служилых татар (*Зайцев И.В.* Великокняжеские служилые татары в XV — первой половине XVI в. и их землевладение в Московском крае. [Электронный ресурс] Адрес доступа: <http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/jcrees/2013Osaka/14Zaytsevs.pdf>). К моменту описания в 1583—1586 гг. это поместье уже давно запустело и представляло из себя четыре пустоши: Кишкино, Семеново Пулова, Молетино и Станково, две из которых были на оброке у крестьян Вериги-Бельского и Ф. Голохвастого. Общая площадь поместья насчитывала 82 чети в одном поле (Писцовые книги... С. 114, 118—119). И.В. Зайцев в работе, посвященной великокняжеским татарам, указал на поместья Тенишевых: Тениш Бакшея и трех братьев (*Зайцев И.В.* Великокняжеские служилые татары...), нас же интересует возможность их взаимного

родства. В писцовой книге Коломенского уезда есть указание, которое я склонен считать свидетельством факта их прямого родства. При описании их совместных владений отмечено, что владения эти «за Тенишевыми детьми Бакшеева» (Писцовые книги... С. 537). Увы, непонятно, что именно заставило их покинуть старое родовое гнездо, но в любом случае их совместное владение было весьма значительно по площади и насчитывало 511 чети в одном поле (*Моисеев М.В.* Землевладение служилых татар в Коломенском уезде в XVI в.: (предварительные замечания) // Вестник Университета Дмитрия Пожарского. 2017. № 2(6). С. 238). Анализ писцового описания их владений позволяет заметить, что все эти земли были получены или приобретены, и это понятно, так как их родовое владение находилось севернее в Сурожском стане. Этот значительный комплекс создавался из поместий Марка Богданова сына Мазоловского в бассейне реки Цны (сельцо Чернавино, деревни Полозовская Раменья, Лавровский починок, Радино (бывшее селище Кузнецово), Левнева, Федорково Денисово, Федорково и бывший починок Городишков) и Ивана Волынцова — все также по р. Цне с Люлечи с церковью Преображенье Спасово с деревнями и пустошами. Всего их землевладение насчитывало одно село, одно селище, девять деревень, один починок. В опутошении находилось деревня, три селища и пять пустошей (Писцовые книги... С. 536—538). Абд ар-Рахман Тенишев-Бакшеев имел еще и в своем единоличном пользовании поместье в Песочинском стане Коломенского уезда, некогда принадлежавшее сибирскому татарину Карамышу: 2/3 деревни, что была сельцо Колоколово, на речке Тре пашни средней земли — 31 четь, доброй — 25 четей, перелога — 89 четей, доброй землю — 71 четь, «обоего пашни и перелогу доброю землею с наддачею 96 четьи в поле, а в дву потомуже», сена по речке Тре и по Дрошьскому лугу 225 копен, лесу рощи — 3 десятины с третью, лесу кустарю — 4 десятины (Писцовые книги... С. 472). Приведенные данные позволяют получить определенное понимание положения Тенишевых-Бакшеевых. Мы видим вполне успешных деятелей, конвертирующих свои профессиональные успехи в обширные земельные владения. Стратегия, имеющая много общего с подобными активностями и русских детей боярских, однако, по какой-то причине они не сохраняют своего прежнего владения, а всецело вкладываются в наращивание землевладения в другом уезде, в юго-восточной части Московского края. Причины такого предпочтения нам при имеющихся сведениях неясны, и эта проблематика нуждается в дальнейшем изучении.

Посольские службы Пола Стерлинга

22 февраля 1616 г., завершая посредническую миссию на Дедеринских переговорах России и Швеции, послы Соединенных Провинций Рейнаут ван Бредероде, Дирк Басс и Альберт Иоакими выдали царскому переводчику Павлу Томасову Стерлингу (Pauwels Thomassz Sterling) похвальный лист, свидетельствующий, что он «вел себя честно, заслужив одобрение за все время пока при нас находился».

Отчет дипломатов уточнил биографию их знакомого. Происходя из семьи гданьских шотландцев, около 1590 г. он оказался захвачен в Лифляндии русскими войсками, освободившись с условием получения профессии переводчика. Гданьск XVI—XVII вв. являлся важным центром британского землячества, давшего название «Шотландия» («Szootland») одному из городских предместий. Среди его жителей 1591 г. фиксируется Джордж Стирлинг (Georg Stirling, в польском варианте Стерлин — Sterlin), вероятный родственник Томаса, отца пленника, косвенно подтверждая записанный нидерландцами рассказ (*Bajer P. Scots in Polish-Lithuanian Commonwealth 16th to 18th Centuries. Leiden, 2012. P. 120*). Сложно сказать, сколько ему понадобилось для усвоения русского языка. В источниках имя шотландца регулярно встречается с весны 1601 г., когда он исполнил обязанности толмача и пристава при датском гонце Нильсе Эриксоне (*Луцейцев Д.В. Посольский приказ в эпоху Смуты. Ч. 1—2. М., 2003. С. 360*).

Начавшаяся Смута вызвала рост слабо контролируемых властями контактов с иноземцами внутри страны и за ее пределами, обусловив востребованность полиглотов. Помимо шотландского, Пол Стерлинг или Павел Томасов московских документов, понимал русский, голландский, немецкий, шведский, английский языки. Служа сначала толмачом, а с 1615 г. переводчиком Посольского приказа, он участвовал в дипломатических переговорах, церемониальных приемах, опрашивал иноземцев, «излагал по-русски» свидетельства и подорожные грамоты. Общение с европейцами позволяло использовать его знания и опыт при наведении справок о прежних торговых делах, как это было в случае нидерландского купца, посетившего Москву около 1607 г.

В 1613 г. Томасов находился в Ярославле как «шкотцкий толмач» отряда иноземных наемников сэра Артура Астона и Джеймса Хилла, отозванный летом того же года в столицу. В 1615 г. шотландец оказался причастен к разрешению русско-шведских противоречий. Еще в январе он состоял при отряде Астона, в марте выехав с английским

послом Джоном Мерриком в Великий Новгород на шведские переговоры, а затем, едва вернувшись в Москву, вновь сопровождал туда секретаря английского посольства Томаса Смита. Достигнув волховских берегов 18 августа, Томасов уже 8 сентября доносил в Твери князю Даниле Мезецкому последние новости, включая собранные им свидетельства провала планов короля Густава II Адольфа взять Псков, а также гибели при штурме фельдмаршала Эверта Горна и полковника Роберта Мюра. Он же информировал правительство царя Михаила о действиях новгородских «начальных людей» архимандрита Киприана и Якова Боборыкина (*Замятин Г.А.* Посольство архимандрита Киприана, Я. Боборыкина и М. Муравьева из Новгорода в Москву в 1615 году // Новгородский исторический сборник. № 15 (25). 2015. С. 390—391).

4 декабря 1615 г. Пол Стерлинг отправился вместе с нидерландским гонцом Герритом ван дер Гейденом на русско-шведские переговоры, состоя переводчиком Бредероде и его товарищей во время Дедеринской медиации 1616 г., получив весьма лестную оценку своих способностей представителями Гааги (Отчет нидерландских посланников Рейноута Фан-Бредероде, Дидериха Басса и Альберта Иоакими об их посольстве в Швецию и Россию в 1615 и 1616 годах. СПб., 1878. С. 154—155, 299). 7 апреля 1616 г. Томасов встречал в Дмитрове едущего в Москву шведского гонца Хриштофа, а 12 декабря 1616 г. перевел грамоту «со свейского и немецкого письма».

Последние упоминания служебной деятельности Павла относятся к 1617 г., когда он присутствовал в Посольском приказе на выдаче жалования вдове шотландского капитана, а затем был включен переводчиком в посольство князя Федора Борятинского, отправившееся 1 июля из Москвы в Стокгольм. В этом же или начале следующего 1618 г. его не стало. Уже 19 марта 1618 г. вдова переводчика Посольского приказа Павла Томасова Марья «с внуком своим Юрьем Нафонаиловым» получила царскую грамоту, взыскивающую подати по новым дозорным книгам «с полуосьмины пашни».

Безвременье Смуты затронуло многих людей вне зависимости от происхождения. Шотландец в полной мере узнал почему фунт лиха, хотя его стерлингов порою не хватало даже для текущих дел. 28 ноября 1613 г., оформляя отказную грамоту «на прежнюю дачю» в Кашин по челобитью «немецкого переводчика Павловой жены Томасовой», Печатный приказ сделал специальную приписку: «Пошлин полуполтины для его бедности. Не взято» (Документы Печатного приказа (1613—1615 гг.). М., 1994. С. 329).

Как переводчику Посольского приказа Томасову полагалось жалование, достигшее в 1615 г. 30 рублей. Кроме того, ему принадлежала вотчина «деревня Хотены [Хотеинцова] да полдеревни Понеева» Койской волости Угличского уезда, унаследованная вдовой и внуком. Вместе с тем общее запустение мало способствовало процветанию владений: пашня оказалась частично заброшена, «сеяне разбрелись розно».

Будучи энергичным хозяином, Томасов стремился исправить положение, добившись 1 апреля 1617 г. царской грамоты, требовавшей возвращения крестьянина Марка с женою и детьми, которые укрывались приказчиками Нагих. В том же году угличскому воеводе Петру Дашкову правительство предписало провести строгий сыск относительно «старинных жильцов Павлова поместья» беглых Якимки и Ондрушки с их семьями, которых следовало отдать истцу, не считаясь с сопротивлением удерживавшего их дворянина Тимофея Качалова, который «учинился силен», игнорируя прежние вызовы в суд (*Липинский М.А.* Угличские акты XVII века // *Временник Демидовского Юридического лица.* Кн. 48. Ярославль, 1889. С. 15—16, 22—23).

Пол Стерлинг умер до Деулинского перемирия 1618 года, ставшего одним из последних аккордов Смуты. Но если польские дела оставляли желать лучшего, переводческая деятельность шотландца способствовала большему взаимопониманию на нидерландском и шведском направлениях внешней политики России.

З.Е. Оборнева

Приезд иерусалимского патриарха Паисия в Россию в 1649 г. Греческие переводчики и толмачи

В Османской империи восточные патриархи имели достаточно широкие полномочия. В рамках церковных контактов первоиерархи осуществляли и международные связи с другими государствами, выражая интересы немусульманского населения Порты. Визиты восточных патриархов в Россию являлись важным фактором международных отношений, а, следовательно, и дипломатии Русского государства середины XVII в. На церемониал приема восточных патриархов оказал влияние дипломатический протокол аудиенций иностранных послов (*Чеснокова Н.П.* *Христианский Восток и Россия. Политическое и культурное взаимодействие в середине XVII века.* М., 2011. С. 65, 88—89).

5 января 1649 г. в Россию приехал иерусалимский патриарх Паисий. В Калугу для его встречи были посланы в качестве пристава Федор Михайлович Мякинин, а также греческий переводчик Федор Черкасов, греческий толмач Иван Абрамов и подьячий. Для встречи патриарха в Москве был назначен князь Ефим Мышецкий, греческий переводчик Борис Богомольцев и тот же греческий толмач Иван Абрамов (РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1649 г. № 7. Ч. 1. Л. 31, 105). Патриарх сначала остановился в Чудовом монастыре, затем попросил сменить ему кельи на деревянные, и его перевели на Кириллово подворье, где ему отвели церковь для служения. Мелкие поручения по подготовке встречи первосвященника иерусалимской церкви выполняли греческие толмачи Дмитрий Михайлов и Афанасий Буков: с ними передавали распоряжения о починке посольского двора, о конском корме, о стрельцах и о патриаршем жаловании (Там же. Л. 44, 47, 50, 117, 139).

Перед царской аудиенцией был составлен список святынь, привезенных патриархом. Список перевел Борис Богомольцев: «Генваря въ 29 день припись переводчикъ Борис Богомолцов, а сказал писана святыня от патриарха и дана к государю, а писал патриарховъ архимарит», в конце перевода стоит помета «Переводил Борис Богомолцов» (Там же. Л. 140—148). На царскую аудиенцию, которая состоялась 4 февраля 1649 г., сопровождать патриарха было поручено князю Ефиму Федоровичу Мышецкому, приставу Федору Мякинину и переводчику Ивану Боярчикову, которые должны были ехать за патриархом в сани. Святыню, образы и мощи должен был подносить патриарх, а «толмачить» переводчик (Там же. Л. 171—181).

Царю были преподнесены следующие подарки (сохранена орфография оригинала): «μία εικόνα ιστορία τοῦ Εὐθυμίου πατριάρχῃ Ἀντιοχίας, ἓνα σταυρόν ξίλον με ἐορτὰς ὄλος, ἄγια λείψανα τοῦ ἁγίου μεγαλομάρτυρος Μερκουρίου καὶ ἁγίου μεγαλομάρτυρος Παντελεήμονος καὶ τῆς ἁγίας πρωτομάρτυρος Θέκλης, ἄγια χρώματα ἀπὸ τὴν ἁγίαν Βηθλεὲμ ἐκ τοῦ Ἰορδάνου ποταμοῦ, ἀπὸ τὸ Σαραντάριον ὄρος, ἀπὸ τὸν Γολγοθὰ, καὶ ἐκ τοῦ Ἁγίου Τάφου, ιστορία τῆς ἁγίας πόλεως Ἱερουσαλήμ με ὅλα τὰ ἅγια προσκυνήματα, κερία τοῦ ἁγίου φωτὸς, ἁγίαις ζώνες μέτρος τοῦ Ἁγίου Τάφου τρίς, ἁγίασμα τοῦ Ἰορδάνου, θυμίαμα μέρνα, κομπολόγια ἀπὸ τοὺς Ἁγίους Τόπους δύο ἀπὸ νεράνζια, ρωδόσταμον καὶ ἀνθονερον, ἓνας κατηφὲς σερασέρι, δύο μανδήλια συρματένια, ἓνα ὑποκάμησον λεπτὸν, ἓνα λουτρομάνδηλον, ἔλαιον τῆς Ἱερηοῦ ἱατρικὸν, σαπούνια, καὶ μοσχοσάπουνα, δύο κουτία κἀνδηον, δύο σκούλες τῆς Βενετίας».

Переводчик Борис Богомольцев убрал некоторые детали, например, что образ написан Евфимием, патриархом Антиохийским, и добавил подробное описание иконы (выделено полужирным): «Роспись святыни: **складни писано Спасов образ, а на другой стороне Богородица с превечнымъ младенцом, а позади Никола чудотворецъ на золоте**; крестъ резной древян со многими праздники; мощи святого Меркурия; мощи святого Пантелеимона; мощи святыя Феклы; из разныхъ местъ святая земля: *от* святого Вифлиема, где Христосъ родися, земля *от* Иердан реки, земля от горы, где постился Христосъ 40 дней, земля от святыя Голгофы, земля *от* святого гроба Господня; чертежъ святого града Ерусалима со *всеми* святыми месты; свечи святого огня схожде-ние; поясы мера святого гроба; святая вода из Ердан реки; ладонъ росной; чотки *от* святыхъ местъ *неранжевые*; водка свороборинная, водка *неранжевая*; бархат *веницейской* цветной серебряной; 2 полотенца шиты золотомъ волоченымъ; сорочка тонкая *турская*; полотенце банное; масло от Ерихона града лечебное; мыла *болшия*; мыла мскусныя; сахару леденцу 2 коробочки; 2 веничка *веницейскихъ*.

Святыню, образы и мощи, предназначенные для государя, принимал сам царь, благословлял, прикладывался к ним, а затем передавал дворецкому Алексею Михайловичу Львову, у которого ее принимали стольники, стряпчие и дьяки. Это был «образ Спасов да образ пречистые Богородицы с превечнымъ младенцем, образ Николы чудотворца писаны на складнях, крестъ древян, а на нем резаны господские праздники, мощи святого Меркурия, мощи святого Пантелеимона, мощи святыя Феклы, персть святого Вифлиома и иныхъ святыхъ местъ, свечи зажиганы святого огня схожде-ние, меры святого Гроба Господня, святая вода иерданская, змирно» (Там же. Л. 211). Остальные дары подносил окольныйчий, когда государь и патриарх сели: «Бархат *веницейской* серебрян цветной, 2 полотенца шиты золотомъ волоченымъ, полотенце *болшое*, масло ерихонское, мыла *болшия*, мыла мскусныя, 2 коробочки сахару леденцу, 2 веничка *веницейскихъ*, водка свороборинная, водка *неранжевая*, чотки *неранжевые*, чертежъ святого града Иерусалима со *всеми* святыми месты» (Там же. Л. 215—216). Дары принимали казенные дьяки. Святыни и дары для царицы и царскихъ детей и сестер преподносил окольныйчий, но во время преподнесения святыни царь и патриарх стояли, тогда как дары они принимали сидя.

Таким образом, в последующей обработке список, переведенный переводчиком Посольского приказа, приобрел более ясную грамматическую структуру: «писаны на складнях» вместо «складни писа-

но», «а на нем резаны господские праздники» вместо «со многими праздники». Минимальная редакция позволила избежать повторов: «персть святаго Вифлиома и иных святых мест» вместо первоначального «святая земля от святаго Вифлиеа».

Во время царской аудиенции иерусалимский патриарх произнес речь, греческий текст которой был прислан в Посольский приказ. В русском переводе этой речи, который занимает четыре листа, в середине первого листа после вступления стоит помета, что дальнейший текст не произносился ради экономии времени, потому что «в то время как патриарх речь говорил, государь стоял» (Там же. Л. 228—231).

После царской аудиенции Паисий пошел в Успенский собор, где служил московский патриарх Иосиф. Иерусалимский патриарх сообщил сопровождавшему его переводчику Ивану Боярчикову, что хочет стоять в алтаре и наблюдать за ходом службы как православный. Ему было позволено войти в алтарь после входа с Евангелием, где он стоял всю службу на орлеце справа от Царских врат (Там же. Л. 221—225).

15 февраля 1649 г. с переводчиком Борисом Богомольцевым была передана жалоба на отсутствие свечей на Кирилловом подворье. Дьяки Михаил Волошенинов и Алмаз Иванов, выслушав переводчика, распорядились о регулярной выдаче свечей. Память послали с толмачом Иваном Абрамовым (Там же. Ч. 2. Л. 263—269).

Переводчик Борис Богомольцев доставил сообщение от патриарха о количестве его людей и о необходимом числе подвод для путешествия в Троице-Сергиеву лавру. Патриарх выехал в лавру 24 февраля 1649 г. в сопровождении князя Ефима Мышецкого, двух греческих переводчиков, Бориса Богомольцева и Ивана Боярчикова (первый раз его имя написано над именем Бориса Богомольцева) и двух толмачей, возможно, Ивана Абрамова, Дмитрия Михайлова или Юрия Остафьева, которые выполняли различные поручения во время приема патриарха в Москве (Там же. Л. 286—289).

Точную информацию о составе патриаршей делегации дает список, который доставил в Посольский приказ и, видимо, перевел Борис Богомольцев. Греческий список выглядит следующим образом: «Χαρίτων, Παναγιώτης, Ἀθανάσιος, Ἰωάννης, Δημήτρις, Παῦλος, Ἰωάννης, Ἰωάννης, Ἀνδρέας, Δήμος, Πολυχρόνης, Ἀθανάσις, Θεοδώρος, Ζαχαρίας, Ζώτος, Δανιήλ, ἑπτὰ ὑπέρηται, ἕξι βεξεταίους». В русском переводе список выглядит так (добавления переводчика выделены полужирным): «**племенник патриарши Харитон ево, Павел племенник феофановь**, Афанасии, Иванъ — **подяки патриарши**; Дми-

тρεί, Павел, Иванъ, Иванъ, Андреи, Дмитрии, Полихронъ, Афанасей, Феодор, Захарей — **деги боярские патриарши**; семь служакъ, шесть конюхоѡ» (Там же. Л. 319).

Необходимость в составлении списка возникла в связи с назначением жалования грекам, сопровождающим иерусалимского патриарха. Из ранее составленных списков Посольскому приказу было известно об архимандрите Филимоне, келаре Афанасии, казначее Иоасафе, архидьяконе Парфении, головшике Данииле, уставшике Арсени, черных дьяконах Максиме и Парфении, старцах Мелетии и Иоакиме, а также о патриаршем племяннике Харитоне и о племяннике бывшего патриарха Феофана Павле. Возникла необходимость уточнить имена еще 15 человек, сопровождавших первосвященителя, для чего и был послан Борис Богомольцев. Благодаря этому стали известны имена еще 2 подьячих и 10 детей боярских. Всем им, а также семи служкам и шести конюхам, назначили жалование (Там же. Л. 320—322).

Из многочисленных челобитных, написанных патриархом Паисием во время его пребывания в Москве, в оригинале сохранилась лишь одна, остальные дошли до нас в переводе. Это челобитная о замене ветхого экземпляра минеи на новый, которая была написана в день отпускной царской аудиенции, куда патриарха сопровождали Ефим Мышецкий и Иван Боярчиков. Возможно, Иван Боярчиков сделал перевод челобитной, где удивительным образом отсутствует предмет прошения, сама минея (Там же. Л. 355—356).

Греческий текст челобитной:

+ Εὐσεβέστατε, θεόσπεπτε, κραταιότατε, ὀρθοδοξότατε, ἀεὶ ἐλέῳ Θεοῦ| μέγα αὐθέντα, βασιλεῦ καὶ μέγα κνέζη κύριε κύριε Ἀλέξιε Μιχαηλοβίτζη καὶ αὐτοκράτωρ πάσης Ῥουσίας, βασιλεῦ Καζανίου, βασιλεῦ Ἀστραχανίου, βασιλεῦ Συμπιρίου, μέγα κνέζη Μολένσκαε καὶ αὐτῶν| τῶν πολλῶν αὐθεντῶν μέγα αὐθέντα καὶ κατεξουσιαστὰ. Ἐγὼ ὁ εὐχέτης τῆς μεγάλης σου βασιλείας κτυπῶ κεφάλῃ ὁ πατριάρχης Ἱεροσολύμων Παῖσιος καὶ πάσης Παλεστίνης, διὰ τό μηνᾶιον, ὅπου ἐκλή|πησα εἰς τὴν μεγάλην σου βασιλείαν καὶ παρακαλῶ να μὴ ἀποτύχω.| Ἀληθῶς μάε ἔδωσεν ὁ κνέζης Ἀλεξέης Λυβόβου, ἀμὴ εἶναι παλαιόν,| καὶ εἰς τοῦτο παρακαλοῦμεν τὴν μεγάλην σου βασιλείαν να μάε ἐλεήσης,| ὅπου να εἶναι καινούριον δια να το ἔχομεν καὶ ἐμεῖε ἕνα καύχημα| ἀπὸ τὴν μεγάλην σου βασιλείαν, καὶ ἀπὸ τὰε ἀγίας της χείρας, εἰς| τοὺε ἀγίους τόπους. Καὶ ἡ χάριε τοῦ παναγίου πνεύματος να πολυχρονῆ| τὴ μεγάλην σου βασιλείαν εἰε χρόνους πολλοὺε ἀμὴν.

Παῖσιος πατριάρχης Ἱεροσολύμων.

Перевод з греческого писма, каково писмо прислал в Посольской приказ ерусалимской патриарх Паисей в нынешнем во 157-м году маия вь 6 день.

Благочестивому, Богом венчанному, державному, православному, милостию Божию великому государю, царю и великому князю господину, господину Алексею Михайловичу и самодержцу всеа Руси, царю Казанскому, царю Астраханскому, царю Сибирскому, великому князю Смоленскому и многих государств великому государю и обладателю. Яз, богомolec великого вашего царствия, бяю челом патриарх иерусалимской Паисей и всеа Палестины для того извещаю и бяю челом, что есми бил челом преж сего великому вашему царствию и челом бяю да не добуду прошения своего истинно, что есть нам дал князь Олексей Львов, а то есть древний. И по сему челом бяю великому вашему царствию да помилуеш насъ, чтоб было новое. Да будем иметь преславную похвалу от великого вашего царствия от святых твоих рукъ ко святым нашим местом. И по сем буди благодать пресвятаго духа со многолетным вашим царствием на многие лета аминь.

Внизу припись: Паисей патриарх иерусалимской.

На отпускную царскую аудиенцию 6 мая патриарха сопровождали князь Ефим Мышецкий и переводчик Иван Боярчиков. Порядок следования был такой же, как на первом приеме. На нужды Гроба Господня царь пожаловал 4 000 рублей соболями (Там же. Л. 331—342).

В обратный путь первосвященника иерусалимской церкви до Путивля должен был сопровождать пристав Иван Юрьевич Тургенев и греческий переводчик Федор Черкасов, которого заменили на Ивана Боярчикова. 3 июля 1649 г. патриарх Паисий покинул Путивль (Там же. Л. 438—439, 460).

Таким образом, в приеме иерусалимского патриарха были задействованы все знающие греческий язык переводчики, которыми располагал Посольский приказ. Борис Богомольцев, Иван Боярчиков и Федор Черкасов, а также многочисленные греческие толмачи сопровождали патриарха и исполняли многочисленные поручения по его приему. Четвертый греческий переводчик Дементий Чернцов в это время сопровождал русское посольство в Константинополе.

Уникальные документы, сохранившиеся от приезда патриарха, дают нам информацию о делопроизводстве Посольского приказа при организации приемов иерархов Восточно-христианской церкви.

Военный, толмач и московский дворянин — смена социальных статусов Николая Дмитриева Селунского

Одним из основных центров Османской империи, откуда исходил выезд «греков» в Россию, были Фессалоники. Выходцы из этого города, в котором происходило смешение славянского и греческого населения, обычно получали в России фамильное прозвище «Селунских» (*Опарина Т.А.* Служилые иноземцы «Селунские» в России в конце XVI — первой половине XVII веков // *Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. Материалы XXVIII международной научной конференции. Москва, 14—16 апреля 2016 г. М., 2016. С. 396—399*). Но Николая Дмитриева источники первоначально фиксировали сокращенно, под именем и отчеством, лишь через десятилетие прибавив «Селунский».

«Грек» приехал в Россию, присоединившись к русскому посольству Семена Яковлева и Петра Евдокимова (1628—1630 гг.) (*Смирнов Н.А.* Россия и Турция в XVI — XVII вв. Т. 2. М., 1946. С. 25). Из османской столицы русских дипломатов сопровождал турецкий посланник Фома Кантакузин (*Смирнов Н.А.* Россия и Турция в XVI—XVII вв. Т. 2. М., 1946. С. 26; *Флоря Б.Н.* Фома Кантакузин и его роль в развитии русско-османских отношений в 20—30-х гг. XVII в. // *Россия и Христианский Восток. Вып. 2—3. М., 2004. С. 260*). В составе посольства находился переводчик Анастас Селунский (Оборнева З.Е. Анастас Солунский как переводчик с греческого языка // *Электронный научно-образовательный журнал «История».* 2014. Т. 5. Выпуск 8 (31) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://history.jes.su/s207987840000933-5-1> (дата обращения: 29.03.2017); *Фонкич Б.Л., Калугин В.В.* Кирилл Лукарис и Россия (О происхождении греческого текста документов Габора Бетлена, отправленных в Константинополь) // *Специальные исторические дисциплины. Вып. 1. М., 2014. С. 261—304; Опарина Т.А.* Переводчик Посольского приказа Анастас Селунский // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 4 (66). 2016. С. 66—84.*), неизменно помогавший соотечественникам осуществить переселение в далекую северную державу.

Послы доставили в Москву семь человек, которые причину переезда в Россию объяснили устоявшейся делопроизводственной формулой: «слышачи царское жалованье и признание к нам, иноземцом, и

оставя в своей земли род и племя и все свое имя и приехали из Царя-города с послом с Фомою на царское имя великому государю служить верою и правдою и кровь свою проливать за государя и за православную крестьянскую веру и умереть на царской службе против государевых недругов, как и прочая наша братья умирают за государя» (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. № 3. 1630. Л. 7). Группа заявляла о готовности Фомы Кантакузина подтвердить их родословные: «отечество наше знает посол Фома» (РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. № 617. Л. 19). К сожалению, не сохранилось документов расспросов в Посольском приказе, когда выезжие иностранцы сообщали о своем происхождении и профессии на родине. Но известно, что иммигранты за принятие русского подданства были пожалованы государем тканями (английским сукном и тафтой), мехами (связкой куниц) и деньгами (8 рублей) (РГАДА. Ф. 52. Оп. 1, 1630, № 26. Л. 12). Это говорит о достаточно высоком статусе в Османской империи. Кроме того, патриарх Филарет Никитич наградил их иконой, сукном и 5 рублями (РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1630. № 26. Л. 12—13). Не исключено, что дары предстоятеля были связаны с конфессиональными очищениями.

При верстании в Посольском приказе Николаю Дмитриеву (Селунскому) назначили поместно-денежный оклад в 450 чети и 25 рублей (РГАДА. Ф. 52. 1632. № 16. Л. 1; Ф. 52. 1630. № 26. Л. 12.), поденный корм — 2 алтына на день, а также жалованье в натуральном эквиваленте (РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. № 617. Л. 19; Ф. 52. 1632. № 16. Л. 1). Вмешательство Фомы Кантакузина обеспечило повышение поденного корма до 4 алтын 3 денег. Местом службы был выбран Иноземский приказ.

«Грек» оказался в военном ведомстве в период активной подготовки к Смоленской войне (1632—1634). В Иноземском приказе была сформирована особая «греческая рота», куда и был определен новый иммигрант. В 1631 г. иностранным военным выдавались суммы в зависимости от статуса, предназначенные для покупки обмундирования и снаряжения. Николая Дмитриева отнесли ко второй категории, представителям которой размер единовременной выплаты составил 20 рублей (РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 43. 1631. Л. 149). На следующий год ему назначили 13 рублей, включая деньги на содержание лошади (РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 45 Л. 13 об.). Перед отправкой на фронт 1 сентября 1632 г. служилым иноземцам, включая Николая Дмитриева, выдали жалованье на три месяца (РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 46. Л. 676). На время его отсутствия в столице жена получила право забирать предназначенное мужу «поденное питье» (РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 47. Л. 94).

Правительство полагало, что военные действия будут разворачиваться стремительно и в течение трех проплаченных месяцев произойдет разгром противника. Действительно, первоначально русской армии удалось занять ряд стратегически важных объектов, но непреступной оказалась главная крепость — Смоленск. Война затягивалась, солдаты и офицеры остались без провианта, начался голод и болезни, что спровоцировало массовое бегство из армии. Николай Дмитриев остался верен присяге и не покидал фронта даже тогда, когда русские войска оказались под Смоленском в окружении. Во время осады Николай Дмитриев проявил себя как смелый воин. По окончании боевых действий его заслуги были оценены. «Грек» получил вознаграждение за оборону и убитого противника. Николаю Дмитриеву повысили поместно-денежный оклад до 550 чети и 29 рублей, поденный корм — до 5 алтын на день: «Да апреля в 28 день по государеву указу прибавлено ему за подсмоленскую службу за осадное сиденье ... х поместным 50 рублей денег 3 рубли да корму ему по 3 деньги на день, итого ему оклад с прибавкою 500 чети денег 28 рублей да корму по 5 алтын на день.Да по памяти из Розряду прибавлено ему Миколаю за подсмоленскую службу за убитого мужика поместного 50 чети денег 1 рубль» (РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 48. Л. 21). Жалованье осталось неизменным до 1646 г. (РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 848. Л. 14, За 1642 г. см.: РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 50. Л. 35 об. РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1642. № 16; РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 1054. Л. 49). В своих послужных списках теперь он смог с гордостью писать: «всякие государевы службы зимние и летние много лет (исполнял — *Т.О.*), и под Смоленском я на государеве службе был с приходу и до отходу, и в осаде сидел и всякую осадную нужу и голод терпел» (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1649 г. № 1. Л. 148.); «всякие государя службы (служил — *Т.О.*), и был на государеве службе под Смоленским з боярином и воиводю с Михаилом Борисовичем Шеиным» (РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 442. Л. 751).

Дальнейшая деятельность «грека» в Иноземском приказе была связана с береговой службой на Туле: «И после смоленские службы был я на государевых береговых службах мало не по вся годы» (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1649 г. № 1. Л. 148). Действительно, на смотре 1641 г. иностранец предстал в полном боевом снаряжении: «На коне с саблею в саадаке с пистоли в шапке мисюрке» (РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 848. Л. 365). Кроме того, труд иноземцев использовался при строительстве оборонительных укреплений — Белгородской черты: «Да я ж был на государеве службе в Белегороде и земляное делал вал

валил и ров копал (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1649 г. № 1. Л. 148). Затем «грек» был привлечен к военной кампании, получившей название «Калмыцкий поход». В 1644 г. из Москвы и других городов (*Балькина М.И.* Провинциальная служилая корпорация в походе: «Калмыкая посылка» нижегородских дворян и детей боярских 1644 г.// История военного дела: исследования и источники. 2015. Т. 6. С. 102—138.) в Самару были направлены воинские подразделения с целью блокировки продвижения степняков к Волге. «Да я ж на государеве службе на Самаре в Колмыцком походе» (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1649 г. № 1. Л. 148). Удачное завершение военной кампании обусловило награждение его участников. К 1649 г. иностранцу был повышен оклад до 600 чети и 32 рубля (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1649 г. № 1. Л. 152). Кроме того, «грек» был испомещен. В 1645 г. наиболее проявившим себя «грекам» во главе с ротмистром Николаем Зотовым Макидонским были пожалованы поместья в Вяземском уезде. Земли были выделены из владений князя Якова Куденетовича Черкасского (РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 52. 1650. Л. 120 об.). Николаю Дмитриеву досталось в Вяземском уезде 140 чети (РГАДА. Ф. 52. Оп.1. 1642. № 16.), а сверх этого — 5 чети в Мещевском уезде (РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1642. № 16). В результате он перешел из категории «кормовых иноземцев» в «поместные».

Но в таком статусе ему удалось пробыть недолго. Николай Дмитриев не стремился погрузиться сельскохозяйственные проблемы. Среди соотечественников он сразу в 1645 г. нашел человека, желающего взять на себя этот труд. Дмитрий Юрьев Селунский, выехавший в 1638 г. и принятый в Государев двор, готов был принять часть поместий Дмитрия Николаева Селунского. Взамен он отдавал свое кормовое жалованье: «И он де Миколаи поговоря з Дмитрием меж себя полюбовно, променье ему Дмитрею из вяземского своего поместья деревню Ондrejaново без жеребья 41 четверть, крестьянских 10 дворов со всем угодыями да в пустошах и жеребья пустошеи половину своеи дачи. Да из мещоского поместья во всех пустошах половину ж, а он де Дмитреи Миколаю против того поместья променил из корму /л. 2/ своего 36 рублей 16 алтын 4 деньги по 3 алтына по 2 деньги на день» (РГАДА. Ф. 52. Оп.1. 1642. № 16. Л. 1—2). Важно отметить, челобитную «греки» подписали на родном языке. Их записи согласился перевести в Посольском приказе бывший греческий переводчик Мануил Филаденский (*Опарина Т. А.* Мануил Филаденский в Нижегородском Печерском монастыре (К вопросу о социальном статусе иммигрантов в России) // Вестник церковной истории. Выпуск 1—2 (29—30). 2013. С. 188—224; Опарина Т. А. Личный архив

Мануила Филаденского: проблемы поиска автографа // Палеография, кодикология, дипломатика. Современный опыт исследования греческих, латинских и славянских рукописей и документов. Международная научная конференция в честь 75-летия доктора исторических наук, члена-корреспондента Афинской Академии Бориса Львовича Фонкича. М., 2013. С. 242—243; Оборнева З.Е. Переводчики с греческого языка Посольского приказа первой половины XVII в. Рукопись диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2019. С.135-137), на тот момент уже вошедший в Государев двор с титулом князя. В результате обмена Николаем Дмитриев стал получать кормовое жалованье по гривне на день: «По государеву указу дьяком думному Михаилу Волошенинову да Алмазу Иванову из Дмитриева годового корму Селунского из 80 рублей из десяти алтын 36 рублей 16 алтын /л. 4/ 4 деньги по 3 алтына по 2 деньги на день велеть справить за греченином за Миколаем Дмитриевым сыном Селунским против промененого ево поместья, что он Дмитрею променял. А Дмитрею того корму впред давать не велеть. А за Миколаем справить из Дмитриева корму по 1 гривне на день» (РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1642. № 16. Л. 3—4). Но ситуация осложнилась. В 1648/9 г. князь Яков Куденетович Черкасский смог вернуть свои владения в Вяземском уезде. Николай Дмитриев, вместе с остальными греками, вынужден был отдать оставшуюся землю (РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 52. 1650. Л. 120 об.), получив вновь лишь поденный корм (РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 52. Л. 11). Ему назначили первоначально 5 алтын на день (РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 52. 1650. Л. 121.), что соответствовало платам 1645 г., но тут же сократили до гривны на день (Там же. Л. 122).

Еще ранее в 1642 г. Николай Дмитриев Селунский стал участником конфликта двух противоборствующих группировок внутри «греческого» землячества: князей Альбертусов Далмацких и Алибеевых-Макидонских. Наряду с другими 52-мя «греками» он подписался на коллективной челобитной в защиту князя Дмитрия Альбертуса. Объяснялась, что это была поручная запись для освобождения влиятельного земляка из тюремного заключения (РГАДА. Ф. 52. Оп.1. 1643. № 1. Л. 103). Но вскоре выяснилось, что бумаги были использованы не для спасения Дмитрия Альбертуса, а для дискредитации Алибеевых-Макидонских. Попавшие в крайне неприятную ситуацию «греки» стали активно отказываться от подобных прежних заявлений и настаивали на своей неосведомленности в цели извета. Как и другие, Николай Дмитриев Селунский говорил о своей непричаст-

ности, более того, горячо выступил в защиту Алибеевых-Макидонский. Он подал в Посольский приказ челобитную от своего имени (Там же.), а также участвовал в составлении коллективной челобитной, на этот раз против сподвижников Альбертусов-Далмацких (Там же). Сейчас Николай Дмитриев Селунский готов был подтвердить высокое положение и знатность Алибеевых-Макидонских. Он заявил о личном знакомстве с членами этой семьи на родине: «А оне великородные люди и прямые отческие. Не токмо я, отец мой в своей земли знал, что оне были великородные люди и славные» (Там же).

Участие в конфликте проявило языковые познания иммигранта. Николай Дмитриев Селунский владел родной письменностью, подписывая документы, как он сам выражался «глухо по-гречески» (РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1643. № 1. Л. 103). Еще ранее он расписался в качестве поручителя («знатца») в подлинности сведений, излагаемых другими иммигрантом — князем Михаилом Милорадовым (РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Стб. 93. Л. 305, 458). Его высокий уровень образованности признавался оппонентами. Среди всех участников спора сторонники Дмитрия Альбертуса выбрали только двух экспертов в греческом и русском языках: Николая Дмитрия Селунского и Михаила Поликострицкого (РГАДА. Ф. 52. Оп.1. 1643. № 1. Л. 103. Л. 176). Декларировалось, что лишь они «грамоте умеют». Не удивительно, что оба грека вскоре сменили род деятельности и перешли с военной службы на переводческую.

Навыки Николая Дмитриева Селунского позволили ему попасть в Посольский приказ. В 1649 г., когда у него отобрали поместья, иностранец успешно прошел экзамен (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1649 г. № 1. Л. 148). Экспертом выступил человек, хорошо знавший его в России: Дементий Чернцов (*Оборнева З.Е.* Дементий Чернцов — греческий переводчик Посольского приказа (1631—1658 гг.) // Специальные исторические дисциплины. Вып. 2. М., 2018. С. 38—59). Вместе с Николаем Дмитриевым Селунским Дементий Чернцов приехал в Россию с посольством Семена Яковлева и Петра Евдокимова. Оба грека получали одинаковое вознаграждение за выезд и начали службу в Иноземском приказе в одной роте (РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 43. Л. 150 об. Дементей Чернцов. Государева жалованья по указной статье 20 рублей. Дано. Порука по нем в государе службе и в деньгах окладчики поместные и кормовые. Да к тому в прибавку Дмитреи Манулакин, волошанин Григорей Прокофьев, Дмитреи Миколаев, Михайло Стоянов, Миколаи Дмитреев.), более того, Николай Дмитриев выступал поручителем за Дементия Чернцова.

Дементию Чернцову удалось уже через два года после выезда покинуть военное ведомство. В 1632 г. он стал толмачом Посольского приказа, а в 1642 г. — занял место ушедшего в Государев двор переводчика Мануила Филадельфийского. Более того, Николай Дмитриев Селунский и Дементий Чернцов были участниками спора Далмацких и Макидонских. Наиболее вероятно, что именно Дементий Чернцов помог Николаю Дмитриеву Селунскому сменить место службы. Вероятно, он указал на вакантное место толмача греческого и турецкого языков. На экзамене (*Оборнева З. Е.* Экзамен на греческого переводчика и толмача Посольского приказа в первой половине XVII в. // Доклады участников IX международной конференции. Древняя Русь. Вопросы медиевистики № 3 (69). М., 2017. С. 95.) он же подтвердил, что Николай Дмитриев Селунский способен легко читать и писать как по-гречески, так и по-русски: «И про Микулая Селунского допрашиван Посольского приказу греческой переводчик Дементей Чернцов: Микулаи Селунской какими языки знает и достаточно говорить умеет и греческой грамоте умеет ли? И Дементей Чернцов сказал, что Микулаи Селунской турским языком и греческим говорити умеет достаточно и греческой грамоте знает и письмо греческое четет, и впередь того чаят, что он письмо греческое переведет. И к сеи скаске Дементей Чернцов руку приложил» (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1649. № 1. Л. 151.— 151об.).

Николай Дмитриев Селунский был зачислен в штат Посольского приказа 8 июня 1650 г. (*Беляков А. В.* Служащие Посольского приказа 1645—1682 гг. СПб., 2017. С. 329) на должность толмача греческого и турецкого языков с денежным окладом в 25 рублей, поденный корм составлял 10 копеек (РГАДА. Ф. 138. 1649. Д. 1. Л. 208, 262, 269, 208, 268. Л. 347.): «Взяти в Посольской приказ в турецкие и в греческие толмачи Иноземского приказу иноземца греченина Миколая Дмитриева сына Селунского. И впредь иво в Ыноземском приказе не ведать» (РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 52. Л. 122 об.—123). Иностранец оказался недоволен жалованьем, напомнив о своих заслугах на военном поприще. В своей челобитной Николай Дмитриев Селунский перечислил все свои боевые подвиги. В документах дипломатического ведомства имя Николая Дмитриева Селунского встречается до 1651/52 г. (РГАДА. Ф. 138. 1649. № 13. Л. 347), после чего в его судьбе произошли новые изменения.

Вероятно, он не стал дожидаться должности переводчика Посольского приказа. В 1653 г. Николай Дмитриев Селунский согласился вернуться в Иноземский приказ. Ему предложили повышение

по военной службе, назначив на должность ротмистра в драгунском полку Христофора Рыльского: «Да августа в 16 день по государеву указу иноземцу Посольского приказа толмачю Миколаю Дмитриеву сыну Селунскому велено государеву службу служить по-прежнему с ево братьею с кормовыми иноземцы вместе у полковника у Христофора Рыльского у драгунов в ротмистрах. И кормовые день и на лошедь ево конской корм велено ему давать по прежнему государеву указу» (РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 54. 1653. Л. 41 об.). «Греческая» рота в Иноземском приказе расформировывалась, поместные иноземцы из нее переводились в драгуны. Ими и должен был командовать Николай Дмитриев Селунский.

Следующий виток перемен связан с включение «грека» в состав Государева двора (*Белоусов М.Р.* Боярские списки 1645—1667 гг. как исторический источник: В 2 т. Казань, 2009. Т.2. С. 356-357., он же. Иноземцы в боярских списках середины XVII в. // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2014. Т. 156, кн. 3. С. 55—64.). Николаю Дмитрию Селунскому «сказали чин» московского дворянина-иноземца, но его имя фиксируется в боярских списках только с 1658/9 (РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 1069. Стп. 2. Л. 71). Далее оно устойчиво упоминается в 60—70 гг. XVII в. (РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 1069. Стп. 2. Л. 71; Ф. 210. Оп. 9. Стб. 1140. Стп. 2. Л. 93; Ф. 210. Оп. 9. Стб. 342. Стп. 1. Л. 112; Ф. 210. Оп. 9. Стб. 1102. Стп. 3. Л. 128; Ф. 210. Оп. 9. Стб. 355. Стп. 3. Л. 108; Ф. 210. Оп. 9. Стб. 356. Ст. 2. Л. 115; Ф. 210. Оп. 9. Стб. 359. Стп. 1. Л. 98; Ф. 210. Оп. 9. Стб. 1152. Л. 98; Ф. 210. Оп. 9. Стб. 387. Стп. 2. Л. 126; Ф. 210. Оп. 9. Стб. 253. Л. 258; Ф. 210. Оп. 9. Стб. 386. Стп. 4. Л. 90.) В 1661/2 г. Николай Дмитриев побывал на полях сражений: «И в прошлом во 170 году на государеве службе был з боярином и воиводю со князем Юрьем Алексевичем Долгоруким с товарищи» (РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 442. Л. 751). Из текста не ясно, о каком направлении идет речь. В 1661 г. князь Юрий Алексеевич Долгоруков воевал на территории Белоруссии с польскими войсками (*Щербаков С.Н.* Юрий Алексеевич Долгоруков — российский полководец, дипломат, администратор XVII в. М., 2012).

Поручения Николаю Дмитриеву Селунскому чередовались, и вскоре московского дворянина направили в опасные поездки за границу. Таким образом, «грек» продолжил исполнять дипломатические обязанности, но уже в качестве дворянина-иноземца. Ежегодно с 1662 по 1666 он сопровождал посольства в Иран (*Белоусов М.Р.* Боярские списки 1645—1667 гг. как исторический источник. Т. 2.

Казань, 2009. С. 356; он же. Иноземцы в боярских списках середины XVII в. // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2014. Т. 156, кн. 3. С. 55—64; РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 342. Стп. 1. Л. 112; Ф. 210. Оп. 9. Стб. 1102. Стп. 3. Л. 128; Ф. 210. Оп. 9. Стб. 355. Стп. 3. Л. 108; Ф. 210. Оп. 9. Стб. 356. Ст. 2. Л. 115; Ф. 210. Оп. 9. Стб. 359. Стп. 1. Л. 98). Под 1662, 1663, 1664, 1666 гг. боярские списки фиксировали: «ы Персиду с послы», «в Кизылбаши».

Николай Дмитриев Селунский был женат. Не располагая сведениями о происхождении супруги (известно лишь ее имя — Арина (РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 47. Л. 94.)), невозможно строить предположения о брачной политике иммигранта. Безусловно лишь, что по отношению к детям он укреплял связи в рамках «греческого» землячества, которое объединяло всех выходцев из Османской империи и ее вассальных государств. Николай Дмитриев Селунский выдал свою дочь замуж (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1674/6. Л. 48.) за иммигранта из «Волошской земли» Константина Христофорова, входившего, как и тесть, в группу московских дворянин-иноземцев (*Белоусов М.Р.* Иноземцы в боярских списках середины XVII в. // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2014. Т. 156. Кн. 3. С. 55—64; РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Оп. 1. Д. 1669/8. Л. 46.). При заключении брака Николай Дмитриев поделился с будущим родственником своим жалованьем. В качестве приданного, как это было принято для служилых «кормовых» иноземцев, он отдал из своего поденного корма в пользу Константина Христофорова 10 копеек. Денежное содержание последнего в результате составило 20 копеек (Там же. Д. 1679/2. Л. 29). Первоначально Константин Христофоров служил в Аптекарском приказе (Там же. РГАДА. Ф. Оп. 1. Д. 1674/11). Возможно, тесть помог соотечественнику войти в штат Посольского приказа и получить рекомендации александрийского патриарха Паисия. Зять исполнял обязанности переводчика греческого и волошского языков (*Беляков А.В.* Служащие Посольского приказа 1645—1682 гг. СПб., 2017. С. 98, 100, 117—118, 137, 139, 339.), совмещая государеву службу с коммерцией. В 1674 и в 1676 гг. Константин Христофоров направлялся в составе русских посольств в Персию (РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. 1675 г. № 4; 1678 г. № 4. Л.1; 1683 г. № 2, 3; 1684 г. № 2; Бокарева О.Б. «Персидская» посольская книга № 7 (1650—1711 гг.) как исторический источник // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. Материалы XXIX международной конференции. М., 2017. С. 87). Сохранилась его челобитная с просьбой об освобождении от пошлин за персидские товары, а так же упоминание о торговле со-

болями (РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. Д. 1865, 2582). Вероятно, регулярные поездки Николая Дмитрия Селунского в Иран создавали основу для семейного дела в торговле мехами и «кизылбашскими товарами».

В 1666/7 г., после последнего упоминания о службе в «Персиде», Николая Дмитриева Селунского определили в объезжие головы. В обязанности умудренного опытом иностранца входило осуществление мер противопожарной безопасности Москвы, руководство тушением пожаров: «во 175 и 176-м и до нынешнего (179 г.) году по государеву указу велено было мне быть объезжим головою за Яузою в трех слободах огневым» (РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 442. Л. 751). Но в 1670 г. ему добавили новое поручение: поиск нарушителей винной монополии государства: «во 178 году велено было мне дать и винной наказ ведать». Борьба с производством нелегального алкоголя возлагалась на объезжих голов. Николай Дмитриев Селунский был не молод, в своей челобитной от 1671 г. он указал на сорокотрехлетнюю службу в России. Он немного увеличил свой срок пребывания в Московском государстве, если вести счет с 1630 г., но возраст, в любом случае, был солидным и не мог не давать о себе знать. Николай Дмитриев Селунский не лукавил, когда говорил о себе: «я человек старой и увешной» (Там же). Но проживший около сорока лет в России грек для подтверждения своих слов и усиления драматической ноты, предпочел сослаться на иностранное происхождение и незнание русского законодательства: «а сеи иноземец, того извычая не знаю» (Там же). Николай Дмитриев Селунский просил: «чтоб мне той винной выемки не ведать, и не знаючи в какую беду не попасть» (Там же). Власти пошли на встречу, и освободили престарелого грека от «винной выемки» (Там же. Л. 751— 752).

В целом, Николай Дмитриев Селунский за время пребывания в России (более сорока лет) сумел побывать в статусе военного, толмача и московского дворянина. К сожалению, ничего не известно о его службах на родине. Судя по последующей деятельности, он мог находиться в османской армии, став участником османско-иранских войн. В России Николай Дмитриев Селунский смог успешно проявить себя и как ратник, и как устный переводчик, и как администратор. Иммигрант начал со службы рядового военного Иноземского приказа. Его успехи были значительны, он доблестно сражался в Смоленскую войну, затем охранял южные границы России на Туле, участвовал в «Калмыцком походе» и создании Белгородской черты. Его опыт оказался важным и при формировании подразделений драгун, когда грека вернули в Иноземский приказ уже на должность ротмистра. Затем, в

новом статусе московского дворянина Николай Дмитриев Селунский воевал с армией Речи Посполитой. Иностранец был образован, владел греческой письменностью, кроме того, несомненно, в родном городе был знаком со славянским языком. Но в Посольском приказе Николай Дмитриев Селунский смог рассчитывать только на должность толмача, пробыв в дипломатическом ведомстве чуть более двух лет. Покинув его, он, тем не менее, продолжал активно использовать свои навыки. Став московским дворянином, Николай Дмитриев Селунский неоднократно сопровождал русские посольства в Иран. Наиболее вероятно, язык этой страны он освоил еще в бытность в османской армии. Грек укрепил свои связи, породнившись с иммигрантом следующей волны Константином Христофоровым, выдав за него свою дочь. Оба иностранца были членами «греческого» землячества Москвы, входили в Государев двор, исполняли дипломатические и переводческие обязанности. Таким образом, постоянно меняя социальный статус, Николай Дмитриев фактически оставался в рамках одной корпорации. Последним его назначением стала должность объезжего головы Москвы, которую получили ранее и Алибеvy-Макидонские.

Приношу благодарность Е.Н. Горбатову за помощь при работе над статьей.

Т.В. Пентковская

Феофан Чудовский как переводчик

Иеродиакон московского Чудова монастыря Феофан, как и другие представители чудовского книжного круга, владел греческим и латинским языками, но собственные его переводы, появившиеся в 1680—1690-е гг., выполнены с польского языка. Это в первую очередь моральные поучения, следующие принципам ортопраксии: «Купель душевная или учение жития духовного» Станислава Роховича (1684 г.), «Солнечник, или Уравнение воли человеческой с волею божиею» Иеремии Дрекслия (1688 г.), «Дезидерий, или Стезя к любви божией и к совершенству жития христианского» Роберта Беллярмина (1688 г.). Этот мистический религиозный трактат, автором которого считают каталонского богослова Микеля Комаладу, впервые был опубликован в 1515 г. на каталонском языке, в 1548 г. переведен на испанский, а с него — на латынь и на разные западноевропейские языки, в том числе на польский. Польский перевод с латыни был сделан в

конце XVI в. и вплоть до XVIII в. выдержал несколько изданий (*Белоброва О.А., Николаев С.И.* Феофан // Словарь книжников и книжности Древней Руси XI—XVII вв. Часть 4: Т—Я. Дополнения. СПб., 2004. С. 176—177; *Николаев С.И.* Польско-русские литературные связи XVI—XVIII вв.: Библиографические материалы. СПб., 2008. С. 88—89; 163; 186—187; *Николаев С.И.* Испанские мистики в русских переводах XVII—XVIII вв. // Культурный палимпсест. Сборник статей к 60-летию В.Е. Багно. СПб., 2011. С. 382—383).

Примечательно, что «Дезидерий» — это не единственный случай рецепции испанской богословской мысли в московской книжности раннего Нового времени. Так, сочинение испанского иезуита Франсиско де Толедо (1534—1596) “Summa de Instructione Sacerdotum” (курс по моральной теологии в Collegium Romanum в Риме) стало источником униатского наставления об отправлении церковных таинств «Наука о семи тайнах церковных» в виленском Требнике 1617/18 гг. и первого печатного православного пособия по моральному богословию «Мир с Богом человеку» (Киев, 1669 г.). В свою очередь, эти памятники явились источником рукописной компиляции о таинствах Евфимия Чудовского, появившейся около 1690 г. При этом несколькими годами ранее Евфимий Чудовский составил перечень учителей латинских — «еретиков сущих», в число которых попали, в частности, св. Иероним, блаж. Августин, кардинал Роберто Беллармин и Франсиско де Толедо (*Корзо М.А.* О некоторых изданиях Киевской митрополии в рукописном наследии Евфимия Чудовского // Славяноведение. 2014. № 2. С. 88—98; *Корзо М.А.* Знали ли книжники Киевской митрополии испанскую схоластику: к постановке проблемы // Київська Академія. 2017. № 14. С. 42—69; *Корзо М.А.* Как Евфимий Чудовский перевел испанского иезуита Франсиско Толедо // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 3 (69). С. 57—58. 57—58; *Корзо М.А.* Об испанских влияниях на религиозную литературу униатов и православных в Речь Посполитой XVII в.: постановка проблемы // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2018. Вып. 84. С. 35—47).

Если компиляции, основанные на западноевропейских источниках, характеризуются свободным отношением к своим оригиналам, для них характерны изъятия, перестановки добавления по другим источникам, пересказ отдельных фрагментов, расширение цитат (*Корзо М.А.* Об испанских влияниях... С. 35; *Пентковская Т.В.* Церковнославянские переводы с польского языка московского Чудова монастыря как книжный комплекс второй половины XVII века //

Коллекции рукописных книг в современном мире: хранение и изучение. XII Загребинские чтения. СПб., 2018. С. 343—352), то Феофан Чудовский не отклоняется от своих оригиналов.

В отличие от Епифания Славинецкого и Евфимия Чудовского, Феофан Чудовский открыто декларирует не только переводной характер вышеназванных текстов, но и выносит в заголовок информацию об их иноконфессиональных источниках. Так, наиболее полный вариант названия перевода сочинения Роберта Беллярмина (рукопись РГБ. Музейное собр. Ф. 178.1 № 4671) содержит сведения о переводе данного текста «с испанского на влошский, французский, немецкий, нидерландский и латинский язык, потом же на польский», имя польского переводчика («через Аспара Вилговского»), а также переводчика на церковнославянский язык (*Пентковская Т.В.* Церковнославянские переводы с польского языка 80-х гг. XVII в.: язык и переводческая техника Феофана Чудовского // Славянский мир: язык, литература, культура: Материалы межд. научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения заслуженного профессора МГУ имени М.В. Ломоносова А.Г. Широковой и 75-летию кафедры славянской филологии филологического факультета. М., 2018. С. 239—240).

Кроме того, предисловие «к читателю» в «Солнечнике» заканчивается следующим пассажем: (РГБ. Рум. 99, здесь и далее церковнославянский текст передается в упрощенной орфографии) «Веждь же и сие всякий православный читателю, яко во книзе сей обретаются свидетелства от ветхаго и новаго заветовъ не везде согласна с библиею седмидесяти преводниковъ: но во многихъ сочинение той же разумъ имуша; но аще где и не той, всяко истине не противно: да никако сумниши о семъ, таково бо преводъ и сочинение сея книги творца» (Л. 7). Данное обстоятельство ясно свидетельствует о легитимизации использования польских по происхождению источников в книжной культуре Чудова монастыря.

При этом в «Дезидерии» производится переадресация сочинения для православной аудитории. Заголовок предисловия латинского перевода, имеющегося в польском издании, в церковнославянском переводе передан так: (РНБ. Солов. 397/114) «ко православному читателю сия книга по латинѣ издавашаго» — «Do chrześciańskiego czytelnika ten który te książki po Łaćinie wydał». То же и в самом предисловии: «всемъ народомъ православнымъ изъдашася» — «wzysłkim Narodom Chrześciańskim». Подобная переадресация характерна для списков «Слова о милости» в переводе чудовских книжников (вероятнее все-

го, «Слово» было переведено с польского Епифанием Славинецким и отредактировано Евфимием Чудовским. См. Пентковская Т.В. «Слово о милости» в церковнославянском переводе второй половины XVII в. и его польский оригинал: передача реалий // *Slověne = Slověne. International Journal of Slavic Studies*. 2017. № 2. С. 552—554).

Язык переводов Феофана Чудовского обладает рядом характерных для его эпохи и его круга черт. В отличие от Епифания Славинецкого и Евфимия Чудовского, Феофан в своих переводах не избегает употребления заимствований из латинского языка. В рукописях такие латинизмы сопровождаются маргинальными глоссами, см., например, в переводе «Дезидерия»: (РНБ. Солов. 397/114) «Диалогъ (на поле: беседа) сей сложи прежде некоторый гишпанъ языкомъ своимъ сущимъ» — «*Dyálog ten złożył był naupierwey niektory Hispan ięzykiem fwym włafnym*». Отметим попутно, что на месте польского плюсквамперфекта *złożył był* в переводе употреблен аорист *сложи*. При регулярном употреблении простых претеритов плюсквамперфект у Феофана Чудовского нами не замечен.

То же далее: «много воистинну о добродетелехъ есть написано: но не вемъ, ест ли что тако оутешно... яко сей диалогъ (на поле: беседа)» — «*ále niewiem iesli co ták ućiefznego... iáko ten Dyalog*». Следует отметить, что исторические словари (Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 4. М. 1977; *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка. Репринтное издание. Т. I. М., 1989; Словарь древнерусского языка. Т. II. М. 1989) данную лексему не регистрируют. Первая словарная фиксация слова *диалогъ* ‘литературный жанр в форме беседы двух и более персонажей’ относится к 1704 г. (Словарь русского языка XVIII в. Вып. 6. М., 2011. С. 124).

Глоссируется в рукописях и другой латинизм: (РНБ Солов. 397/114) «сей авторъ (на поле: творецъ) смеси ползу со сладостию» — «*ten Author zmieřzał użytek z wdzięcznością*».

Латинизм *авторъ* фиксируется историческими словарями русского языка с XVII в., причем в рамках лексикографической традиции: авторъ — работникъ («Книга глаголемая гречески Алфавит», БАН. Арх. д. № 446. XVII в. Л. 22 об.). Еще один пример из «Алфавита» извлечен из рукописной картотеки П.К. Симони «Материалы для словаря графических искусств (книжное и иконописное дело старого и нового времени)» 1918 г.: «Автор — начал<ь>никъ кафитемовъ (!), первый найдитель какой речи, повод, причина, самодетель, какой речи первый творитель» (Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 1. М., 1975. С. 20; Словарь русского языка XI—XVII вв., доп. и испр.

Тетрадь 1. М., 2006. С. 8). Это перевод статьи из «Лексикона» Памвы Берынды 1627 г.: «авторъ: Начални(к), Каөиґемо(н). перший вынай-дите(л) яконнь речи. пово(д), причина. самоделец, якои речи (якою речю — чтение 2-ого издания 1653 г.) найперший справца» (С. 171—172). В «Истории Сарматии Европейской», переведенной с польского языка после 1611 г. (Николаев С.И. Польско-русские литературные связи XVI—XVIII вв.: Библиографические материалы. СПб., 2008. С. 50—51), зафиксировано прилагательное *авторовъ* (Словарь русского языка XI—XVII вв., доп. и испр. Тетрадь 1. М., 2006. С. 8).

В свою очередь, лексема *творецъ* в значении ‘создатель поэтических и др. произведений, писатель, поэт’ является широко употребительной с раннего периода существования церковнославянского языка и, в частности, используется в качестве эквивалента греч. ποιητής (Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 29. М., 2011. С. 250). Эта практика продолжается в переводах чудовского книжного круга: так, Епифаний Славинецкий в переводе Атласа Блау для латинского слова *author* (и *auctor*) использует именно лексему *творецъ* (Николенкова Н.В. «Писатель» как «творец» в ученом регистре церковнославянского языка XVII в.: дополнения к историческому словарю // Лингвокультурологические исследования развития русского языка в условиях полиэтнической среды: опыт и перспективы: тр. и матер.: в 2 т. Т. 2. Казань, 2018. С. 138).

В отличие от Евфимия Чудовского, введившего в переводы с польского лексические грецизмы, встречающиеся у Феофана Чудовского заимствования из греческого находятся уже в польском оригинале, например, в переводе «Солнечника»: (РГБ. Рум. 99) «впотвпосисъ, или описание пяти книгъ» (Л. 8) — «Nurypofjis ábo orifjanie Piáciu Xiag» (Л. 1).

Латинизмы и небольшое количество грецизмов сочетается в языке Феофана с наличием некоторых лексических полонизмов и югозападнорусизмов и гибридизированных форм (смакъ < smak, всемошный < wszechmośni в «Дезидерии») (Пентковская Т.В. Церковнославянские переводы с польского языка 80-х гг. XVII в. С. 239).

К грамматическим полонизмам могут быть отнесены конструкции с местоимением *который* и повтором референта; выражение сложного будущего времени, а также значения долженствования с помощью форм глагола *имѣти* с инфинитивом; двойную мотивацию (со стороны польского и греческого языков) в чудовской книжной школе имеют конструкции *отъ* + род.п. для выражения значения лица в пассивном обороте, *чрезъ* + суш. в в.п. в орудийном значении,

формы типа не есть. Этот набор соседствует с обусловленными грамматической кодификацией употреблениями конструкций с субстантивированным инфинитивом и производных от них конструкции типа (во) еже бы + инфинитив, одинарным отрицанием (*Пентковская Т.В.* «Слово о милости»...; *Пентковская Т.В.* Церковнославянские переводы с польского языка московского Чудова монастыря... *Пентковская Т.В.* Церковнославянские переводы с польского языка 80-х гг. XVII в.). Именно такое сочетание параметров и позволило А.И. Соболевскому охарактеризовать язык перевода «Купели душевной» как «церковнославянский тяжелый», а перевода «Солнечника» как «церковнославянский ученый» (*Соболевский А.И.* Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. Библиографические материалы. СПб., 1903. С. 209), а С.И. Николаеву писать о «возвышенном церковнославянском стиле» перевода «Дезидерия» (*Николаев С.И.* Испанские мистики в русских переводах... С. 384).

А.А. Преображенская

Переводные цитаты из Августина Аврелия в сочинениях Симеона Полоцкого

Перу Симеона Полоцкого (1629—1680) принадлежит небольшое количество переводов, выполненных им в основном с латинского языка. Для Паисия Лигарида Симеон переводил челобитную Никиты, а затем и опровержение самого Паисия, и некоторые грамоты. Также Симеону принадлежит перевод-компиляция нескольких полемических сочинений, сделанный в 1671 г. Единственным полным переводом отдельного произведения является выполненный Симеоном в том же 1671 г. перевод сочинения Папы Григория Двоеслова «о пастырском попечении», в латинском варианте — «*De cura Pastoralis*», сохранившегося в трех списках (*Горский А.В., Невоструев К.И.* Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. Отд. II. Ч. 2. М., 1859. С. 242—247).

Скромная переводческая деятельность Симеона не ограничивается, однако же, перечисленными выше трудами. Отдельной интересной проблемой представляется перевод цитат, с латинского или польского языков, которые Симеон включал в свои проповеди. Многочисленные цитаты (более 400 из сочинений Отцов Церкви в сборнике «Обед душевный», Москва, 1681) из сочинений Отцов Церкви

позволяют судить не только об источниках, которыми пользовался Симеон, но и о его языковых и переводческих стратегиях. Важно, что даже для таких хорошо освоенных русской книжностью авторов как Иоанн Златоуст, Симеон предпочитал собственный перевод с латыни существующему тексту на церковнославянском языке. Для таких же авторов как Августин Аврелий, труды которого мало переводились на Руси до XVIII в., интересны равным образом источники цитирования, способы передачи лексических и образных особенностей оригинала, и система отсылок на процитированные произведения.

В библиотеке Симеона имелось несколько сочинений св. Августина и псевдо-Августина. Из «Opera Omnia» Симеону принадлежали всего три тома, 4-й, 8-й и 9-й, изданные в Париже в 1541 г. Также у него имелись «Meditationes de humani generis redemptione» (Douai, 1608), «Epitome omnium operum» (Geneva, 1555), «Reguła... constitucie sióstr wtórego habitu», «Rozmyślanie nabożne», (Krakow, 1629 или 1644) (Hippisley A., Luk'ianova E. V. Simeon Polockij's Library: A Catalogue. Böhlau, 2005. P. 175—176, 183).

Отсылка на сочинение Псевдо-Августина «Manuale», обозначенное у Симеона в помете как «в слове о слове господни» (*Симеон Полоцкий*. Обед душевный. М., 1681. Л. 391), говорит о том, что некоторый русскоязычный перевод или переложение этого сочинения было известно и/или доступно Симеону. Вероятнее всего, Симеон видел тот же список «Книги блаженного Августина», который принадлежал Евфимию Чудовскому (ГИМ. ОР. Чуд. собр. №216) и которым позже воспользовался Карион Истомина (см. *Калугин В.В.* «Книга св. Августина» в русской письменности XVI—XIX веков // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. М., 2001. С. 108—163).

Не подлежит сомнению, что значительная часть цитат из сочинений Августина попадала в тексты Симеона опосредованно — через проповеди Фабера, Меффрета или Маршана, сочинения которых имелись у Симеона в библиотеке и которыми он активно пользовался при составлении собственных текстов. Особенно это касается цитат из тех сочинений Августина, которых не было у Симеона в библиотеке. В остальных случаях можно предположить, что заимствования были извлечены Симеоном непосредственно из самих текстов Августина, однако высока вероятность того, что в текстах выше указанных проповедников они также могут встречаться.

Цитаты, попавшие в сочинения Симеона опосредованно, могут представлять определенные трудности для идентификации. Это свя-

зано с тем, что принципы цитации, принятые среди западноевропейских авторов, мало чем отличались от тех, которыми руководствовались древнерусские книжники, и поэтому для идентификации цитаты недостаточно определить, что она была заимствована опосредованно через текст того или иного проповедника. Так, одна из цитат из некоего сочинения Августина, включенная Симеоном в «Жезл правления» (*Симеон Полоцкий. Жезл правления. Москва, 1667. Л. 74 об.*), была заимствована, как и весь соответствующий раздел, из сочинения Маршана, где она снабжена пометой «De catechi/z[Indis / rudibus / с 4» (*Marchantius J. Hortus pastorum et concionatorum, sacrae doctrinae floribus polymitus in lectionum areolas partitus... Typis Francisci Naudraei, 1632. P. 127*). Однако, в указанном сочинении Августина подобный фрагмент отсутствует, а сама цитата повторяется у Маршана еще раз, оформленная уже не как цитата, а как некоторое общее место, каковым фрагмент по-видимому и является: в литературе XVIII—XIX вв. цитата без каких-либо ссылок часто встречается в сборниках изречений Отцов церкви.

В случае заимствования цитат через проповеди других авторов иногда заимствуется и авторская ремарка: «Пред враты бо геенны стоит м(и)л(о)ѿ(е)рдие, *г(лаго)лѣтъ Августинъ бл̄(а)женный, // и не попускаеть во юзы послатися никомуже, творившему м(и)л(о)ѿ(е)рдие»* [здесь и далее в цитатах курсив мой. — *А. П.*] (Обед душевный. Л. 337), ср.: «Audi St. August. Hom. 39. Inter 50 Antefores gehenna, *inquit*, stat misericordia et neminem permittit in carcere mitti» (*Faber M. Concionum opus tripartitum, V. III. Typis Gregorii Haenlin, 1631. P. 677*). В данном примере ремарка в тексте Симеона сдвинута и разделяет однородные сказуемые.

Следуя принципу барочной работы с текстом, некоторые цитаты Симеон использует не единожды, причем не только в прозе, но и в стихотворной форме. Высказывание Августина о молитве «Cum oramus, cum Deo loquimur; sed cum legimus, Deus loquitur nobiscum» («Sermo 112 de tempo») Симеон включает не только в «Жезл правления», но и в стихотворение «Книга и молитва» из «Вертограда многоцветного» (*Simeon Polockij. Vertograd mnogocvetnyj, 2. Köln; Weimar; Wien, 1996. P. 202, 591*).

Стратегии перевода (отказ от перевода библейских цитат и замена их на авторский пересказ; объединение предложений и так далее) более отчетливо видны именно на крупных отрывках, тогда как лексико-синтаксические и иногда — грамматические особенности перевода небольших цитат хотя и не позволяют построить систему, но многое говорят о языковой личности автора — о его представлениях о языке,

о решениях, которые принимались каждый раз при переводе той или иной лексической единицы, реалии или метафорического образа.

Короткие фразы-сентенции, как представленная выше, переводятся Симеоном полностью; если же в фокусе оказываются более крупные отрывки, то выполняется компиляция, реферативный перевод: переводятся только необходимые фрагменты, которые располагаются не в оригинальном порядке, а согласно авторской задаче. «Нарезка» оригинального текста отчетливо видна в цитате из «*Sermo 142, De Verbis Domini*». Здесь четыре переведенных Симеоном фрагмента (в оригинале первый и второй текст поменяны местами) заимствованы из отрывка текста, который почти в три раза превышает цитату по объему: «Яже словеса г(о)҃с(по)дня разсуждая Августинъ бл̄(а)женный, бесѣдуетъ сице: (1)Научитесь [г̄л̄(агол)еть г(о)҃с(по)дѣ] от мене, не миръ созидати, (2)не всявидимая и невидимая творити, (3)ниже миру самому чудодѣйствовати, и мертвыя воскрешати: (4)но яко кроток есмь и смиренъ с(е)рдцем» (Симеон Полоцкий. Обед душевный. М., 1681. Л. 630 об.).

В обширном процитированном отрывке на Л. 457—457 об. («Обед душевный») Симеон также делает выборку из оригинального текста, на этот раз из «*Sermo 112. Habitus in basilica restitute de invitatis ad saenam*». Цитатный текст сопровождается авторской вводной формулой, которая указывает на то, что пред читателем компиляция: «Августинъ же бл̄(а)женный в кратцѣ вся сия толкуеть сице» (Обед душевный. Л. 457).

Слово *липъ*, использованное Симеоном в заключительном фрагменте этой компиляции, во фразе *липъ криль духовныхъ* и представляющее собой эквивалент к латинскому «*viscum est spiritualium pennarum*» (*viscum*, ‘омела’), заслуживает особого комментария. Слово *омела* (вариант — *имела*) существовало в языке XVII в. (Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 6. М., 1979. С. 226; Там же. Вып. 12. М., 1987. С. 364), равно как и его коннотации (а именно тот факт, что клей, получаемый из омелы, использовался для ловли птиц), восходящие, как кажется, к книге пророка Амоса (Ам 3:5). Однако Симеон по какой-то причине выбирает кальку польского слова *lep/lep ptaszy* (*Słownik etymologiczny języka polskiego*. Kraków, 1927. S. 206). Образность высказывания (*penpa* — крылья, перья), равно как и структура фразы, при этом сохраняются за исключением постпозиции прилагательного.

Метафору можно представить следующим образом: любовь ко всему земному действует на душу, душевные и духовные порывы (крылья духовные) так же, как и получаемая из омелы липкая субстанция на птиц; привязанность к земному — это птичий клей,

линь — ловушка для души. Красота и элегантность аналогии заключается в том, что ее фактическая, реальная составляющая хорошо продумана и прописана: птицы и клей, ловушка для птицы сопоставляется с душой и любовью к земному. Связующим элементом аналогии выступает душа, которая естественно и традиционно символизируется птицей, а любовь, привязанность к земному физически удерживает, «приклеивает» душу к земле, отвращает от Бога. Заимствованная у Августина метафора хорошо встраивается в образность Симеона: в «Обеде душевном» «перепелица» попадает в сети ловца, привлеченная построенным им «градом» (*Симеон Полоцкий*. Обед душевный. М. 1681. Л. 381 об.).

П.И. Прудовский

Переводчики цесарского языка Посольского приказа за работой

И я шепчу дрожащие губами:
«Велик могучим русский языка!»

А. Иванов

К моменту выхода России на широкую международную арену во время восточноевропейского кризиса, начавшегося казацким восстанием 1648 г. и продолжившегося целой серией войн, не затихавших до XVIII в., в западноевропейских странах давно господствовал сложившийся политический дискурс, в рамках которого оформлялись все международные отношения. Он складывался из религиозной фразеологии, широкого набора оборотов вежливости и лексики, отражающей правовые представления политических и культурных элит (относя сюда и отзвуки многочисленных политических теорий, развивавшихся в раннее Новое время). Его освоение, которое при Петре I приобрело характер прямого копирования, выразившееся в обилии лексических заимствований, очевидно, в какой-то мере происходило и в предшествовавший период, что было неизбежно вследствие обилия политических и культурных контактов России с западными странами. Нет никаких сомнений, что роль Посольского приказа и прежде всего работавших в нем культурных посредников — переводчиков и толмачей — была в этом процессе огромной. Однако мы по-прежнему не только не имеем фундамен-

тальных обобщающих исследований этого вопроса, но и не знаем множества важных относящихся к нему частных.

Не пытаясь объять необъятное, мы очертим узкий участок источников и рассмотрим информацию о деятельности переводчиков как передатчиков западных норм политической культуры, которую можно извлечь оттуда. Материалом для дальнейших построений послужила изданная нами посольская книга по связям России с Бранденбургско-Прусским государством с сопутствующими документами и прежде всего содержащиеся в ней переводы немецкоязычных грамот и иных источников в сопоставлении с сохранившимися оригиналами (Россия и Пруссия в середине XVII века. Т. 1: Посольская книга по связям России с Бранденбургско-Прусским государством 1649—1671 гг. М., 2013).

В источнике фигурируют следующие переводчики: Ефим Фентуров, Борис Борисов, Иван Адамов, Матвей Елисеев (все — 1650 г.), Яков Виберх и, видимо, он же под именем Якова Олферьева и «Иакова переводчыка» (1656 г.), Василий Боуш (1658, 1667 гг.), Лазарь Цымерманов (1658 г.), Пантелей Пантелеев (1667 г.); толмачи: Филат Адлер, Дмитрий Остафьев, Николай Костюрский (все — 1658 г.), Алексей Плетников (1667 г.). Кроме того, в 1656 г. «для переводу и толмачества» использовался капитан Олферий Выберх, а в 1658 г. «для толмачества» — московский торговый иноземец Иван Вильнер. Как мы видим, это в подавляющем большинстве, если не все, иноземцы. В функции этих лиц помимо письменного и устного перевода входила также служба экспертами, снабжавшими правительство по его запросу информацией о странах Западной Европы. Так, при приезде первого бранденбургского посланника к царю переводчики Борис Борисов и Иван Адамов дали сказку об устройстве Священной Римской империи и месте в ней бранденбургского курфюрста.

Мы знаем, что для устного перевода действовала установка на максимальную дословность. По сообщению немца-очевидца, Филат Адлер в 1654 г. передавал русскому представителю слова немецкой стороны «не связной речью (*in einem context*), но почти по одному слову, вследствие чего речи и той и другой стороны часто прерывались». Тогда же при произнесении царского титула Адлер переводил на немецкий «каждое слово по отдельности» (*Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz (GStA PK). I. HA Geheimer Rat, Rep. II Auswärtige Beziehungen, Akten. № 6535, f. 15—15v*). Существовала ли такая установка при письменном переводе, неизвестно, но проведенное нами сопоставление переводов и оригиналов показывает, что если она и существовала, проводить ее в жизнь в Посольском приказе не удавалось.

Учитывая, что переводчиками были в основном иноземцы, следовало бы ожидать, что возможные неточности переводов будут связаны с их недостаточным знанием русского языка. Действительно, на это можно списать многочисленные неловкие и причудливые грамматические конструкции; сюда же, видимо, относится какая-то часть неочевидного выбора лексики. Но мы встречаем и немало примеров, когда иноязычный (немецкий) текст был явно неправильно понят. Так, однажды переводчик перепутал омофоны *Heer* (армия) и *Herr* (господин) в контексте, очевидно указывающем на первый вариант, а паж по фамилии Хофместер превратился в гофмейстера. «*Verderbliche kriegswesen*» — «погибшее (на самом деле — губительное) воинское время». «*Freude*» (радость) стала «миром» (*Friede*). Нередко оказывается непонятым весь смысл фразы: «*Wir vnümbgänglich haben schlüßen müßen*» («мы вынуждены были по необходимости заключить [мир]») передано словами «и нам необходимо было, чтоб к совершению не притти». Нередок сокращенный перевод: фраза «*zu desto mehrer stiftung vnd vnterhaltung Nachbarlichen vernehmens vnd freundschaftt*» («для тем большего установления и укрепления соседского согласия и дружбы») сокращена до «для содержанья сосецкие дружбы». Неточная передача личных имен может объясняться тем, что их перевод делался устно для записи со слуха русским служащим. Примером может служить список членов одного из посольств (см.: Россия и Пруссия... С. 423—424).

Вопрос о том, можно ли по характеру неточностей и ошибок определить, был ли родной язык переводчика русским, немецким или иным иностранным, оставляем, в силу его специально лингвистической направленности, открытым, хотя интуитивно кажется, что грамматически более правильная речь должна свидетельствовать в пользу русского.

Иногда складывается впечатление, что адресаты рассмотренных переводов должны были ощущать себя примерно так же, как наш современник, которому довелось ознакомиться с текстом на неизвестном языке при помощи машинного перевода. Например: «и нашего посланного к вам, надеемся, что во всем назад незадержано и поспешно учините, а мы оказываем, что тако же во всем примем и учиним незабвенно»; «и ваше царское величество любовь тому прежепомянутому послу окажете и воздать изволите, а мы не иноко примем, что нам самим подошло, и то всегда с приемною дружбою вашему царскому величеству и любви вперед годны тако ж учинить». Требуются большие усилия, чтобы из набора слов, некоторые из которых вообще оставлены без перевода, составить связный текст или хотя бы

вычленив наиболее релевантную информацию. Интересно, что протоколы переговоров, ведшихся через толмачей, не оставляют подобного впечатления. Видимо, свою роль здесь играло то, что позиции сторон могли уточняться в ходе беседы, а сама фиксация разговора совершалась приказными служащими, профессионально владевшими русским канцелярским дискурсом и адаптировавшими к нему, возможно, столь же невразумительные переводы толмачей. Если в таких условиях и мог складываться новый политический дискурс по образцу западноевропейского, то только в виде отдельных зародышей — немногочисленных более удачно переведенных и пригодных для восприятия понятий/концептов. Напротив, по-прежнему сильным оставалось влияние традиционного русского политического лексикона. Единственным препятствием для употребления принадлежащих ему эквивалентов западным понятиям была квалификация переводчиков, не владевших в достаточной мере русским языком.

Конечно, ответ о том, какова реальная роль переводов середины XVII в. в разработке русского политического языка, может быть дан только при помещении данных их анализа в определенную перспективу. Только аналогичный анализ более поздних переводов и оригинальной дипломатической корреспонденции покажет, закрепляются ли обороты, употребляемые для передачи непривычного западного политического дискурса, в том числе обороты вежливости, подбираемые явно весьма случайным образом на основании знаний того или иного переводчика, и формируется ли на их основе собственный русский параллельный политический дискурс. Не менее вероятным представляется сценарий, по которому их заменяет с развитием контактов и расширением знаний о Западе, в том числе переводческих, иная система, менее случайная, более последовательная.

Е.А. Рыбина

Три внештатных переводчика Посольского приказа и одна подпись на французской грамоте

Начало официальным дипломатическим отношениям между Россией и Францией было положено в декабре 1615 года, когда обе страны находились в непростом положении. Во Франции вскоре после гибели Генриха IV в 1610 г. началась гражданская война между сторонниками регентши Марии Медичи и аристократической

«оппозицией», объединившейся вокруг принца Конде. Последние критиковали правительство королевы в том числе за резкую переориентацию внешнеполитического курса на союз с Испанией, что, в частности, проявилось в заключении двойного династического брака между королевскими фамилиями. Российское государство на тот момент было заинтересовано прежде всего в признании нового царя Михаила Романова всеми иноземными правителями, а также в скорейшем прекращении военных действий со Швецией и Речью Посполитой. Именно за этим к королю Людовику XIII летом 1615 г. были отправлены дворянин Иван Кондырев и подьячий Михаил Неверов: им следовало добиться от французской монархии официального признания государя и запрета французским подданным наниматься на польскую и шведскую службу.

Точной информацией о Франции, ее внутреннем состоянии и внешнеполитическом положении, в Посольском приказе не располагали: соответствующие статьи «наказа» послам приводят далекие от реальности сведения, например, о том, что регентом, который «в место короля владеет всей землею», является вовсе не Мария Медичи, а герцог Буйонский, Анри де ла Тур д'Овернь, с которым планирует породниться Густав II Адольф. (РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. 1615. Ед. 1. Л. 71—74). Поэтому все практические вопросы об организации проезда к двору французского короля и обеспечении этого предприятия, в том числе компетентным провожатым, были возложены на правительство Республики Соединенных Провинций. Миссия Кондырева и Неверова стала также первым официальным посольством в Нидерланды, и именно в Гааге они провели большую часть времени, в то время как пребывание во Франции длилось немногим больше месяца.

В состав посольства, помимо посла и подьячего, входили два московских иноземца, Елисей Юрьев и Болгвин Захарьев, исполнявшие переводческие обязанности. Оба не принадлежали к штату Посольского приказа, что, по наблюдениям Д.В. Лисейцева, не являлось в тот период чем-то исключительным. (*Лисейцев Д.В.* Посольский приказ в эпоху Смуты. В 2 ч. М., 2003. С. 172—173). Юрьев был из числа «торговых московских немчинов», выбранный для «переводу и толмачеству», а Захарьев «в прибавку ему для толмачества» был найден в Архангельске по рекомендациям местных воевод — требовался «торговый немец из молодых, который бы досуже и верен был и руской и немецкой грамоте умел». Причем принципиальным критерием для подбора кандидатуры в Архангельске было владение именно немецкой грамотой, понимать русскую речь Захарьев мог

только на слух. Жалование его составило 40 рублей. (РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. 1615. Ед. 1. Л. 168—171). Насколько можно заключить из «статейного списка» и прилагающихся к нему документов, круг задач обоих не выходил за рамки обыденного: им поручались письменные и устные переводы с немецкого (нидерландского) языка, а также сбор новостей на улицах нидерландских городов.

Более интересен переводчик, которого предоставили в Гааге Генеральные Штаты, Йохан де Мортань (Johan de Mortaigne голландских источников, «Мартанья» посольского отчета). Именно он сыграл немалую роль в успехе посольской миссии и, вероятно, был для Кондырева и Неверова основным источником сведений о недавней французской истории. Поскольку Франция для российской дипломатии была пространством совершенно незнакомым, а в Нидерландах прекрасно представляли всю сложность внутривосточной ситуации во французском королевстве, от переводчика требовались не только владение языком, но и способность хорошо ориентироваться в обстановке и взаимоотношениях местной аристократии. Некоторые предположения относительно биографии «Мартаньи» были сделаны П.Ю. Уваровым несколько лет назад. Согласно его заключению, «Мартанья» был человеком достаточно родовитым, раз смог добиться личной аудиенции у короля, и предположительно принадлежал к клиентеле рода Колиньи-Шатийонов, поскольку именно корпоративные связи переводчика, по всей видимости, обусловили некоторые особенности изложения послами в «статейном списке» истории французских Религиозных войн (*Уваров П.Ю. «Смутное время во Французской земле»: французский опыт выхода из гражданской войны глазами участников российского посольства (Бордо, 1615) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2015. Т. 6. Выпуск 11 (44). Электрон. дан. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://history.jes.ru/s207987840001336-8-2> (дата обращения: 06.04.2017).*

Обращение к доступным нидерландским источникам позволяет подтвердить эту гипотезу и конкретизировать биографию данного персонажа. Йохан де Мортань — первый на нидерландской службе представитель этой дворянской фамилии гугенотского вероисповедания, происходившей из северной Франции. Он действительно служил в чине капитана квартирмейстером в расквартированном в Нидерландах полку Гаспара III де Колиньи де Шатийона. Его служба послам в 1615—1616 гг. получила высокую оценку не только в российских источниках: в «резолуциях» нидерландских Генеральных Шта-

тов зафиксировано, что Кондырев и Неверов оставили о нем лестные характеристики, а следующий российский посланник Иван Баклановский в 1618 г. указывал Йохана де Мортань в ответ на вопрос, кого из квалифицированных сопровождающих он хотел бы видеть рядом с собой (Inventaris van het archief van de familie De Mortaigne. № 1.10.92. Auteur: W.E. Meiboom Nationaal Archief, Den Haag 1988. Электрон. дан.; Resolutien der Staten-Generaal, nieuwe reeks, 1610—1670, II, 1613—1616. 1615 no. 855, 1616 no. 21; III, 1617—1618, no. 2818; также Schade H. Die Niederlande und Russland: Handel und Aufnahme diplomatischer Kontakte zu Anfang des 17. Jahrhunderts. Frankfurt am Main, 1992. S. 193, 335—336). Помимо исполнения прямых переводческих обязанностей и обеспечения посольства сведениями об истории и современном положении дел во Франции, де Мортань сыграл ключевую роль в исполнении самой главной задачи посольской миссии: получении дипломатического признания Михаила Федоровича.

Инструкции, выданные Кондыреву и Неверову, содержали крайне детализированные указания относительно порядка «отпуска» и особенно надлежащего оформления ответной грамоты Людовика XIII. Непременно требовалась прощальная аудиенция, а написание титула в ответной грамоте надлежало перепроверить всеми доступными методами. Причем в «наказе» отдельно был предусмотрен порядок действий и при случае, если послам предоставят список с этой грамоты, и если списка не предоставят, а отдадут только саму грамоту. Вердикт руководства был однозначен: без полного титула и царского имени грамоты «не иметь». Подобная щепетильность была обусловлена тем обстоятельством, что посольство было первым, и ни в коем случае нельзя было допустить начало дипломатических отношений с неудобного прецедента (РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 1. Л. 42—43а и 100 об.—104).

Обстоятельства, в которых пришлось действовать Кондыреву и Неверову, потребовали от послов значительных усилий при соблюдении этой части инструкций. Во Франции в конце 1615 г. все еще продолжались открытые военные действия между двумя лагерями аристократии, а к моменту прибытия послов как раз заключались «испанские браки». Кондырев и Неверов застали королевский двор в Бордо, где проходили свадьбы, однако прощальной аудиенции получить не удалось — получив известие о приближении войск «партии принцев», король спешно покинул город, и грамоту и список с нее посольству передал секретарь. Ситуация с грамотой была предусмотрена «наказом»: полного титула, «как он, государь, в своей грамоте к нему писался», там не оказалось. Французская сторона

ссылалась на принятую в Европе практику написания подобных посланий — без имен и титулов, «дорогому брату и другу».

В посольском отчете зафиксировано, что еще на подворье в Бордо «перевесть было списка в те поры вскоре нельзя, и велели перевесть у грамоты подпись. А на подписи переводчики перевели написано: К пресветлейшему и велеможнейшему князю нашему любительному брату и доброму другу царю российскому» (РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. 1615. Ст. 1. Л. 220). То есть в ответной грамоте не были указаны ни имя, ни титул государя, с чем Кондырев и Неверов никак не могли согласиться. Переводчику Мартанье было поручено догнать королевский двор и добиться, чтобы в грамоту были вписаны полное имя и титул. Согласно данным «статейного списка», Мартанья выполнил миссию за три дня, издержав на переезды 113 золотых «кронов», однако «грамоту привез и 3 грамоты список, а в списке великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси имя написано», после чего приводится его подробный отчет (РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. 1615. Ст. 1. Л. 222).

Мартанье, как уже упоминалось, удалось получить личную аудиенцию короля, где Людовик XIII охотно согласился следовать принятому в России обычаю и поручил переписать грамоту государственному секретарю виконту де Пуюзье. Тот же возразил, что это противоречит французской дипломатической практике. После совещания непосредственно с Марией Медичи было внесено лишь «полное имя»: «A très hault et très puissant Prince Migala Feuderowitz nostre très cher frère et bon amy Empereur des Russes etc» (РГАДА. Ф. 93. Оп. 2. Ед. 2. Л. 1), в переводах XVII в.: «превысочайшему и державнейшему князю Михаилу Федоровичу, нашему вельми дражайшему брату и доброму другу царю всеа Руси» (оставим в скобках замечание, что в русском переводе приведено не точное, однако более приятное «царю всеа Руси» вместо «царю» или, как в более поздних переводах, «императору русских», на что обращал внимание еще Г. Жордания в указанном ниже сочинении).

Претензии российской стороны к форме обращения и титулованию были актуализированы и в следующем эпизоде из истории русско-французских отношений. Первый французский посол, барон де Курменен, прибывший в Москву в 1629 г., подал грамоту, где также не содержалось полного царского титула. На первой же аудиенции принимающая сторона с упреками апеллировала к грамоте 1615 г., где, по словам московских бояр, были приведены и имя, и титул Михаила Федоровича. Это не первый случай, когда в Посольском приказе прибежали к сознательному искажению фактов (*Лисейцев Д.В.* Указ.

соч. С. 250), и в 1629 г. это способствовало достижению цели: барон де Курменен пошел на уступки, и в последующих грамотах французских королей к русским царям полный титул писался надлежащим образом (*Жордания Г.Г. Очерки из истории франко-русских отношений конца XVI — первой половины XVII вв. Т. 2. Тбилиси, 1959. С. 278, 284—287*). Замечу, что Посольскому приказу в 1629 г., видимо, удалось даже французских историков XIX века убедить в том, что грамота 1615 г. содержала полный титул: соответствующая ремарка приведена при публикации сохранившейся во Франции копии ответного письма Людовика (*Rimbaud A. Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France depuis les traités de Westphalie jusqu'à la Révolution française 8, Russie 1, Des origines jusqu'à 1748. P. 19—20*).

Как мы увидели, в процессе установления русско-французских дипломатических отношений немалую роль сыграл Йохан де Мортань, голландец французского происхождения, выполнявший обязанности переводчика. Комплекс документов, связанный с миссией Кондырева и Неверова, лишь в малой степени отражает историю этого человека и его деятельности на дипломатическом поприще. Мы можем предположить, что служба российским посольствам, где он хорошо себя зарекомендовал, стала подспорьем для складывания его дальнейшей карьеры. Несколько лет подряд он пытался добиться повышения и получить более выгодное место в армии, пока наконец не был принят на нидерландскую службу в должности хofsmeesters, в чьи регулярные обязанности входило сопровождение посланников иностранных держав (*Inventaris van het archief van de familie De Mortaigne. № 1.10.92. Auteur: W.E. Meiboom Nationaal Archief, Den Haag 1988. Электрон. дан.; Resolutien der Staten-Generaal, nieuwe reeks, 1610—1670, II, 1613—1616. 1616 no. 346; III, 1617—1618, no. 2177, IV, 1619—1620, no. 1666, 3631a*).

А.С. Севостьянов

Жалование переводчиков Посольского приказа в начале Северной войны

Посольский приказ был одним из центральных государственных учреждений Российского государства, обеспечивающим дипломатические отношения с иностранными государствами. Его штат комплектовался различными специалистами, которые обеспечивали деятельность учреждения внутри государства и за его пределами.

Одной из значимых категорий специалистов Посольского приказа являлись переводчики. В начале XVIII в. начинается Северная война, влияние которой отразилось на внутренней жизни государственных учреждений России. Для обеспечения увеличившихся военных расходов требовались новые источники доходов. Вводились новые налоги, торговые и таможенные пошлины, различные строительные повинности. Одной из мер экономии стало сокращение жалования переводчиков Посольского приказа в начальном периоде Северной войны. Этой теме посвящена данная публикация.

В начале XVIII в. жалование и прием новых служащих Посольского приказа на оклад регулировались как указами конца XVII в., так и вновь вышедшими указами 1700, 1705, 1715 гг. В окладных книгах Посольского приказа фиксировались указы, на основании которых назначались оклады служащим приказа: «А подьяческому денежному и хлебному окладу и праздничным, быть то как и оклады и всякая дача учинена по именному указу отца их Великого Царя Алексея Михайловича. В прошлом до сея 1672 году по докладной выписке за пометою думного дьяка Григорья Богданова» (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 6. 1700. Л. 1, 2). В 1690 г. указом хлебное жалование замещалось денежной выплатой: «А за хлеб указанных статьях давать деньгами по настоящей торговой средней цене по справке с приказа Большой казны как в котором году учету хлеб покупать, меж Рождества и Крещения» (Там же Л. 2). В указе 1700 г. наблюдаем установление денежной выплаты взамен хлебного жалования и ее размер: «А в 1700 году по указу Великого Царя Посольского приказу переводчикам и подьячим и золотописцам за хлеб давать велено деньгами. У кого, да чesле против иноземной дачи по 23 ал. по 2 за юфть» (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 47. 1706. Л. 2, 3). Существенное влияние на жалование переводчиков оказал указ об удержании половины окладов из-за Северной войны, служащим Посольского приказа: «Переводчикам, подьячим, золотописцам, толмачам, приставам, сторожам дать половину» (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2. 1705. Л. 3, 4). Как следует из текста указа убавка не распространялась на руководство приказа. В конце 1704 г. во главе Посольского приказа находился Федор Иванович Головин, в этом же году впервые появилась должность тайного секретаря, которую занял переводчик Петр Павлович Шафиров. В 1704 г. в штате Посольского приказа находится четверо дьяков, на которых указ об убавке жалования также не влиял (Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 3. № 736).

В конце кампании 1704 г. Северной войны, командование под Нарвой принимает фельдмаршал Огильви. Для дальнейших действий

армии им предпринимается план значительного численного увеличения пехотных, гвардейских и драгунских полков (*Милюков П.Н.* Государственное хозяйство Российской империи в первой четверти XVIII столетия и реформы Петра Великого СПб., 1905. С. 128). В феврале 1705 г. был объявлен дополнительный рекрутский набор (ПСЗ РИ. Т. 4. № 2036). Удержанные в Посольском приказе и принадлежавших ему учреждений средства отправлялись в Ратушу. В 1705 и 1706 гг. удержанная сумма составляла 2.796 р., 8 ал., вместе со средствами из принадлежавших Посольскому приказу учреждений — 5.792 р., с полтиною (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 43. 1707. Л. 1). Действие указа об убавки жалования служащих существовало ограниченное время с декабря 1704 по декабрь 1706 г. «После убавки 1705 г., из-за Русско — Шведской войны служителям Посольского приказа годовое жалование давать полное. По этому указу и по определению из Ближней канцелярии. Посольского приказа служителям на нынешний 1707 г. к Ратуши отпущено на дачю годового жалования полная дача» (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 43. 1707. Л. 3). Общая удерживаемая с окладов подьячих, переводчиков, толмачей сумма в течении 1705 — 06 года была неизменной — 2.239 р., 29 ал., 3 д. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 47. 1706. Л. 2). Чтобы разобраться в вопросе влияния указа о убавки на жалование переводчиков Посольского приказа обратимся к штату и жалованию переводчиков до принятия этих мер и после их отмены.

В 1703 г. в штате Посольского приказа было 15 переводчиков. Четверо из переводчиков имели оклады в 80 р. и более. Основной штат переводчиков имел оклады менее 30 р. — у 7 служащих, только переводчика Ивана Тяжкогорского можно отнести к служащим со средним окладом в 1703 г. — 46 р. что объяснимо количеством языков, которыми он владел. Оклады менее 10 р. у трех переводчиков: Федота Мунгалова, Андрея Михайлова, Андрея Ботвинина. В конце 1702 г. в приказе появляется переводчик с латинского, немецкого, шведского языков Венедикт Шиллинг, но на оклад его примут в 1704 г. из указа 1690 г. — «А переводчикам и толмачам по окладам и за хлеб и поденного корму вышеписанному числу давать по им же окладам, да сверх того в те чины и вновь не принимать, а принимать тогда когда будет убылые тех чинов места» (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 47. 1706. Л. 2).

В 1704 г. умирает переводчик Иван Тяжкогорский, Петр Шафиров становится тайным секретарем, общее количество переводчиков остается на прежнем уровне — 15 переводчиков: «В Государственном Посольском приказе у своих дел бытия всяких чинов людям по разбору переводчикам на Москве и с теми, которые в порубежных

городах — 15 человек» (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1. 1705. Л. 2). Самые высокие оклады в 1704 г. были у 4 переводчиков: Николая Спафария, Семена Лаврецкого — 80 р. Петра Шафирова — 88 р. 25 ал. Петра Коета — 88 р., с полтиною, всем перечисленным полагались кормовые выплаты, хлебные, праздничные, которые были заменены денежным эквивалентом. Переводчики с низким окладом в 1704 г.: Андрей Михайлов — 5 р. Федот Мунгалов — 5 р., 21 ал. Андрей Ботвинин — 5 р., 27 ал. Оклады по 10 р. у Ивана Терновского, Рамзана Тевкелева, Матвея Белецкого — 13 р., с полтиною (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 20. 1704. Л. 6). После удовлетворения челобитья о прибавки жалования был повышен оклад у Сулеймана Тонкачева (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 18. 1704. Л. 3) и Федота Мунгалова (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 25. 1704. Л. 4, 5) стали получать после прибавки 58 р. 22 ал. (Приведена общая сумма оклад и выплаты). — Тонкачев до этого 46 р. Мунгалов — 15 р. до прибавки 10 р.

В годы когда действовал указ о убавки половины окладов 1705 и 1706 гг. из перечисленных переводчиков имеющих высокие оклады в 1703 и 1704 гг. остается Николай Спафарий, Петр Коет — жалование оклад и кормовые выплаты в 1705 г. Спафарий — 374 р. 16 ал. до убавки в 1704 г. 374 р. с полтиною, выплата в этом году производилась за половину года (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 20. 1704. Л. 7, 8) в 1706 г. — 312 р. Петру Коету и переводчикам: Петру Вульффу, Петру Голембовскому, Венедикту Шиллингу, Матвею Белецкому, Григорью Штейну, Давыду Бахерахту жалование в 1705 и 06 гг. продолжало выплачиваться полное, в связи с их пребыванием при Посольской Походной канцелярии «выдаче им 1.011 р. с полтиною» (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2. 1705. Л. 1,2), «дано переводчикам по все годы бывате на его Великого государя службе с Посольской походной канцелярией» (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2. 1705. Л. 2). Григорий Штейн служил в Посольской походной канцелярии в записи различных дел жалование: оклад и кормовые в 1706 г. 120 р. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 47. Л. 27), переводчик Давыд Бахерахт был направлен лекарем в морской флот в 1706 г. жалование 50 р. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 47. 1706. Л. 26, 27). Переводчики сохранившие размер своих прежних выплат в годы убавки жалования: Андрей Кревт «В 1703 г, за годовое жалование и за хлеб велено выдать соли 30.000 пудов. По цене 1703 г, 21августа. Впредь какой ценой тот счет ему в даче будет и о том велено в Посольский приказ отсчитать» (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 47. 1706. Л. 28), до 1705 — 06 гг. жалование 213 р. 8 ал., в 1705 г. — столько же, в 1706 г. — 120 р. В денежном выражении выплаты уменьшились только в 1706 году. Николай Швымер

до убавки имел оклад, кормовые выплаты и за хлеб — 120 р. в 1705 г и 1706 г. те же 120 р. Семен Лаврецкий до убавки имел жалование 388 р. 33 ал. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 20. 1704. Л. 6), в 1705 г. последовало значительное снижение до 312 р. 12 ал. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2. 1705. Л. 1, 2). В начале 1706 г. переводчик Семен Лаврецкий умирает (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 10. 1706. Л. 2), на 1706 г. было назначено жалование 300 р. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 47. 1706. Л. 25, 26) выплачено его внуку. В 1705 и 1706 гг. поданные переводчиками челобитья об увеличении жалования, несмотря на действие указа об убавки половины окладов получили одобрение. В 1705 г. помимо переводчиков находящихся при Посольской походной канцелярии получили прибавку: Андрей Ботвинин (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 10. 1705. Л. 1, 2), Моисей Арсеньев — выплата производилась по прошению матери и жены переводчика домой (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 22. 1705. Л. 3, 4). Увеличение жалование в 1705 — 06 гг. наблюдается у Сулеймана Тонкачева по причине его отбытия в Турцию (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 5. 1705. Л. 1, 2). На протяжении лет убавки низкие оклады сохраняются у Федота Мунгалова, Андрея Михайлова, Рамзана Тевкелева. В 1706 г. большая сумма числится за Федотом Мунгаловым, но в этом году жалование ему было выплачено с учетом отсутствия кормовых и хлебных выплат за прошлый год (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 7. 1706. Л. 3, 4). В 1706 г. прибавки к жалованию получили: Венедикт Шилинг (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 17 27. 1706. Л. 2), Иван Орешек, Петр Голембовский, Матвей Белецкий (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 27. 1706. Л. 5, 6). Снижение общей суммы жалования было связано с общей проблемой задержки выплат кормовых и хлебных в учреждениях страны. После снижения общей величины жалования к 1706 г. у перечисленных переводчиков происходит процесс постепенного возвращения к прежнему объему выплат в последующие после отмены указа года.

В начальный период Северной войны переводчики Посольского приказа достаточно продолжительное время не испытывали общих проблем связанных с возросшими финансовыми затратами государства. До 1704 г. продолжали выплачиваться дополнительные выплаты компенсирующие продуктовые затраты служащих, повышались оклады. Снижение зарплат последовало только в самый кризисный момент войны, это выход Саксонии из союза и реальная опасность осады Москвы целиком укомплектованной и поправившей свои запасы в Саксонии Шведской армией. Несмотря на все имеющиеся проблемы в плане финансов, продолжали повышаться оклады тем служащим, которые служили за границей или находились в походе.

Данный факт отражает общую тенденцию в зарплатной политике внутри приказа, как и ранее величина жалования зависела от знания и количества языков, которыми владел переводчик, находясь вне Посольского приказа, стаж. Благодаря последнему оклады постепенно к 1707—08 гг. увеличиваются и у служащих, которые начале века имели самое низкое жалование. Интересно, что к моменту отмены указа об убавки половины окладов продовольственные выплаты заменяются денежными, и постепенно сливаются с окладом, что в итоге составляло общее жалование.

А.А. Селин

Олфер Северов: переводчик новгородского Разряда в 1611—1617 гг.

Судьба Олфера Северова, одного из, по меткому выражению Ингрид Майер, «целой батареи переводчиков», оказавшихся в 1611 г. при Якобе Делагарди в Новгороде (*Maier I. Foreign-language specialists in Muscovite Russia (16th and early 17th century) // Slavica Helsingiensia 35. С любовью к слову. Festschrift in Honour of Professor Arto Mustajoki on the Occasion of his 60th Birthday. Helsinki, 2008. P. 202*), характеризует важный, не ограничивающийся рамками биологической жизни О. Северова, этап московских контактов с германоязычным миром. Речь идет об исследованной Т.А. Опариной колонии ливонских немцев в Москве, возникшей в середине XVI в., с переселением первых пленных из Ливонии. Важнейшим источником по истории колонии московских немцев XVI в. является опубликованный в статье Н.Б. Шеламановой список лифляндских немцев, живших в Москве в Юрьевской и Бронной слободах (*Шеламанова Н.Б. К вопросу о появлении пленных ливонцев в Москве во второй половине XVI века // Австро-Венгрия и славяно-германские отношения. М., 1965. С. 180—182*).

Второе поколение жителей этой колонии действовало в Смуту — это многочисленные «московские немцы» — участники политических пертурбаций начала XVII столетия. К этой группе несомненно относились Эрик Андерссон (Ирик Андреев, Эйрикки Анттипойка) (*Korhonen A. Eerikki Antinpoika. Porvoo, 1953*), Ханс Флерих (*Maier I., Droste H. Från Boris Godunov till Gustav II Adolf: översättaren Hans Flörich i tsarens och svenska kronans tjänst // Slovo*

(Uppsala). 2010. No. 50. P. 47—66), Ханс Бракиль (*Лисейцев Д.В.* Посольский приказ в эпоху Смуты. М., 2003. С. 374) и тот самый Олфер Северов (*Опарина Т.А.* Ливонские пленники в политической игре Бориса Годунова // Средние века. Вып. 70 (1—2). М., 2009. С. 273—302). Исследование этой группы «московских немцев» чрезвычайно важно для изучения восприятия западноевропейской культуры в московском культурном пространстве. Вопрос о соотношении подданства, языка, религии и культуры этих людей достаточно сложен. Так, хутынский архимандрит Киприан в 1615 году писал о Хансе Бракиле, уже несколько лет (как минимум, с 1611 г.) бывшего переводчиком при генерале Якобе Делагарди и сменившем его в Новгороде Эверте Горне: «А переводчики тебя лают, а сказывают оне, что, не зная, переводишь, а все де ты делаешь с руского обычая, и твоего де переводу в ыные государства посылать не уметь, возьмут де нас меж начальников верх, что многие де меры появились новые, и в ыных государствах то узнают, что обычай русский, да станут смеятца. И ты со мною, Анца, поменши говори, а се повежливее, архимарит я Хутынский, хотя пеш хожу вашим здоровьем, да год я у вас в Выборе был при королевиче, и я ваших обычаев много узнал, а ты таки прямой наш русак, нельзя тебе николи оттягиватись от нас в Нове городе, ты у князя Михайла был, и ты поменьши того говорил, да не сами тебе говорили, а ты в те поры свиян помнишь ли как поносил?» (РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 9. Л. 210—211). Здесь один из бывших московских немцев (сын плененного ливонца Артемия Бракиля) и именуется «русакom» (в смысле — московским политическим субъектом), и противопоставляется самому Киприану (не относится к «мы», но к «вы»), и как политически, так и в языковом отношении противопоставляется шведам. Эрик Андерсон («Ирик Андреев» новгородских и московских источников) также в 1619 г. обличается в качестве «московского немчина» по происхождению, хотя его шведская политическая субъектность московской стороной и не оспаривалась (РГАДА. Ф. 96. 1619. Д. 2. Л. 143—147).

В сводке Д.В. Лисейцева упоминается об Олфере Северове — переводчике Посольского приказа, происходившего из ливонских немцев (по позднему указанию на мать и братьев в Москве) (*Лисейцев Д.В.* Посольский приказ... С. 360). Северов назван единственным переводчиком со шведского языка в приказе в 1604—1606 гг. (*Лисейцев Д.В.* Посольский приказ... С. 151), равно как и в 1606—1610 гг. (хотя в это время среди его товарищей — Анца Арпов (Ханс Флерих), возможно знакомый со шведским языком) (*Лисейцев Д.В.* Посольский приказ... С. 152). Позднее, в августе 1609 г., он был от-

правлен в шведско-новгородское войско, двигавшееся к Твери (Д.В. Лисейцев, описывая этот эпизод, ссылается на дело: РГАДА. Оп. 1. Д. 2. (1609 г.). Л. 95 (С. 360, сноска 91). В этом же деле говорится об отправке в войско Бажена Иванова (Бенжамена Барона) для перевода с французского на русский. О Б. Бароне подробнее: *Pereswetoff-Morath A.I. Straddling cultural and political borders in Swedish Ingria: the case of Benjamin Barohn (Bažen Ivanov)* // Исторические биографии в контексте региональных и имперских границ Северной Европы. Материалы международного научного семинара. СПб., 2013).

Однако Олфер Северов поступил на посольскую службу еще в 1590-х гг. Во время межевания новой русско-шведской границы по Тязвинскому миру он был назначен в переводчики к московским межевым послам Ю.И. Вельяминову и Г. Витовтову (осень 1596 г.) (РГАДА. Ф. 96. 1596. Д. 1. Л. 12—17). После исполнения службы он возвращается в Москву, а в январе 1598 г. назначается в посольство В.Б. Сукина и дьяка П. Дмитриева в Стокгольм, к герцогу Карлу Седерманландскому. При отпуске посольства в Стокгольме он, среди других участников, получил в дар «стопочку серебряну золочену, мesty, а в ней 5 ефимков, сукно лундыш» (РГАДА. Ф. 96. 1598. Д. 1. Ч. 1. Л. 230—232). Накануне отправки в посольство его годовое жалованье составляло 30 рублей (РГАДА. Ф. 96. 1598. Д. 1. Ч. 2. Л. 256—257). Видимо, только после этого он оседает на службе в Посольском приказе в Москве, вплоть до своей «командировки» в 1609 г., из которой он в Москву уже не вернулся. Следующие по времени источники, повествующие о его службе, относятся к деятельности Новгородской приказной избы 1611—1617 гг.

Надо полагать, что вместе с Якобом Деллагарди Олфер Северов проделал весь путь от Твери до Александровой слободы, оттуда к Москве, затем — к Клушину, и, после поражения, к осаде крепости Корела, а затем к Новгородскому штурму 16 июля 1611 г. Во всяком случае, в 1611/12 г. вместе с другими новгородскими приказными служителями и переводчиками Олфер Северов был верстан поместным окладом в 500 четвертей. Почти одновременно с верстанием Олфер Северов получил 300 четвертей из поместья Афанасия Еремеева в Сабельском погосте Шелонской пятины (RA. NOA. Serie 1:86. С. 25; RA. NOA. Serie 2: 139. Л. 17) (видимо, тогда же записав за себя одного из послужильцев прежнего владельца (*Sundberg H. The Novgorod Kabala Books of 1614—1616. Text and commentary (Acta Universitatis Stockolmiensis. Stockholm Slavic Studies, vol. 14). Stockholm, 1982. С. 64*). В декабре 1612 г. крестьяне его поместья отказались давать под-

можные деньги без боярской грамоты (ДАИ. Т. 1. СПб., 1846. № 176. С. 308—309). Как помещик Шелонской пятины, он попал в Роспись новгородского войска, составленную в марте 1613 г. (подробнее об этой росписи: *Кобзарева Е.И.* Новгородский войсковой смотр 1613 года // Новгородский исторический сборник. Вып. 10 (20). СПб., 2005. С. 195—204). Согласно этой Росписи, сын боярский Шелонской пятины Олфер Северов назначен быть в Новгороде (RA. NOA. Serie 2: 170-B. Л. 10). Позднее, с осени 1613 г. и почти до своей гибели Олфер Северов также борется за другие поместья, в Обонежской и Водской пятинах (RA. NOA. Serie 1: 44. С. 28; RA. NOA. Serie 1:69. С. 753—759; RA. NOA. Serie 2: 153; RA. NOA. Serie 2: 151). Преимущественно это были поместья тех, кто считался в Новгороде «изменниками». В октябре 1613 г. Олфер Северов купил на распродаже имущества «изменника» Григория Загоскина латы за 2 гривны (RA. NOA. Serie 2: 101-B).

Как и другие переводчики, Олфер Северов привлекается и к не связанной непосредственно с переводом приказной службе. Так, 8 июня 1612 г. он отвез из Новгорода память в Сабле и передал ее там Матвею Муравьеву (RA. NOA. Serie 2:354. Л. 51—52). В апреле 1614 г. Олфер Северов вместе с Лукой Милославским был назначен собирать солдатские деньги с новгородского посада (RA. NOA. Serie 1: 2. С. 1).

В начале декабря 1613 г. у переводчика Олфера Северова собралась большая группа новгородцев, принадлежавших к верхушке служилого «города»: кн. Никифор Мешерский, Григорий, Семен и Матвей Муравьевы, Мурат Пересветов, Матвей Львов, кн. Ефим Мышецкий. Вечером, когда кн. Н. Мешерский и М. Пересветов одновременно вошли в горницу переводчика из сеней, князь стал умывать руки, а М. Пересветов подал ему полотенце. Однако вместо благодарности, кн. Мешерский тут же обвинил Пересветова в том, что, приехав в Новгород, тот пытается отнять у князей Мешерских их «родственное» поместье, будучи сам чужаком в Новгороде, да еще и лжецом («шпынем»), так как объявил по приезде себя москвичом, «ото Всех Святых с Кулишок», «подшпынивая» таким образом князя (RA. Muscovitika, 541 Strödda Gränshandlingar. Norra delen af Finland). Интересна указание на близость, а возможно и дружбу новгородских дворян с Олфером Северовым, чья «приказная» служба была несомненно значительно ниже служб, имевших высшие в городе оклады дворян, но, видимо, реальная сила переводчика была такой, что со всеми присутствовавшими у него установились вполне короткие отношения. Полагаю, что «вечер» у Северова, реконструируемый с материалов допроса по извету, позволяет говорить о воз-

никновении новых неформальных горизонтальных связей внутри упрощавшегося в годы Смуты новгородского общества.

В критический для шведской власти в Новгороде момент вооруженного противостояния с войском пришедшего из Москвы боярина кн. Д.Т. Трубецкого поздней весной — летом 1614 г., Олфер Северов оказался в войсках на Бронницах. 23 мая 1614 г. он написал из войск под Бронницами письмо М.А. Пересветову следующего содержания: «Государю моему Мурату Алексеевичю Олферко Сиверов челом бьет. Здравствуй о Христе, а про меня, государь, пожалуеш спросиш, и я на Бронницы, дал Бог, маия по 23 день жив. Да пожалуй, Алексеевич, дай Степану Ортемьевичю Лаптеву четверть иржи, а иной хлеб да оприченно иржи вели продат(ь), жита и пченицу, лише овса четвертей з десяток остав. Да пришли, государь, запасу на неделю и лутчи всякого. Да послал я к тебе лук, (А)лексеевич, и будет пригодитца, и ты отпиши ко мне, а лубье к тебе я изделаю, а чаю, что пригодитца тебе. Да сапоги послал я, да фляшку, да бочку, да пришли, Алексеевич, шахматов. Да Бога ради, (ба)шмаков пришли. Да вели жерепца беречи и буде время, на траву пусти, и ты, государь, вели пустити ево на траву. Да овса горазно поддават(ь), а я тебе, государю своему, пад в землю, многомножи твоим челом бью. Государю моему свет Матфею Семеновичю, Степану Оникеевичю повели ко челобитье, а о князя Ивана Васильевича...» (РА. NOA. Serie 2: 24. Л. 7 (лист разорван). Об этом письме: *Пересветов-Мурат А.И.* Из Ростова в Ингерманландию: М.А. Пересветов и другие вајгог'ы // Новгородский исторический сборник. Вып. 7 (17). СПб., 1999. С. 373—374).

Содержание письма явно указывает на близость Олфера Северова с новгородскими служилыми людьми: в нем упомянуты, кроме Мурата Пересветова и Степана Лаптева, также Матвей Львов и князь Иван Кропоткин, относившиеся в начале XVII в. к верхушке новгородского «города». Примечательны и указания на быт военного лагеря под Бронницами, а также на сельскохозяйственные заботы переводчика.

Видимо, в эти же дни новгородским властям, оттуда же, из-под Бронниц, поступил донос Олферия Северова на другого новгородца, Богдана Дубровского (свидетеля избрания на царство Михаила Романа). Своим доносом Северов упреждал возможный донос на него самого Дубровского в связи с письмом О. Северова Степану Лаптеву: «ту... грамотку потсмотрел тот Богдан у Степана Лаптева и вместил, государь, тот Богдан Дубровской в люди, что бутгося я велел весь хлеб продать без остатка, а сам хочю отъехать к Москве. И то, государь,

слово донеслося до твоих государевых бояр, да Якова до Пунтосовича да до князя Ивана до Никитича, и про то, государь, изменное дело стали твои государевы бояре сыскивать» (RA, NOA. Serie 2:24. Л. 8).

Власти оставили это дело без рассмотрения. После военного успеха шведско-новгородского войска под Бронницами Олфер Северов продолжает службу в Новгороде. Вместе со всеми сохранившими верность новгородскому правительству служилыми людьми он получает доступ к новым «изменничьим» поместьям, прежде всего — к ставшим особенно ценными пригородным землям (Олферу Северову достались поместья в Переездовском и Петровском погостах на Волхове (RA, NOA. Serie 1: 8. С. 89—90)). 12 января 1615 г. Олфер Северов вместе с Муратом Пересветовым судился с Иваном и Михайлом Бестужевыми, требуя с них большой объем хлеба: 30 четвертей овса, 15 четвертей жита и еще 11 четвертей овса (RA, NOA. Serie 1: 4. С. 34).

В августе 1614 г., когда Якоб Делагарди отправился в отпуск в Швецию, в состав его провожатых от Новгорода до Нарвы были назначены сын боярина кн. И.Н. Большого Одоевского князь Иван, дворяне Григорий Муравьев и кн. Н.Я. Мещерский, а также переводчик Олфер Северов (RA, NOA. Serie 1: 128. С. 7—8). По возвращении в Новгород Олферий Северов становится одним из доверенных лиц Эверта Горна; с именем графа Горна связаны все его последующие службы. Именно Олфер Северов вместе с Бенджаменом Бароном в апреле 1615 г. был послан Горном сообщить опальным Якову Боборыкину и Матвею Муравьеву, что князь Н.Я. Мещерский согласился присягнуть Густаву Адольфу и освобождается от ссылки в Выборг, и что они также будут освобождены от наказания в случае присяги королю (*Замятин Г.А.* Посольство архимандрита Киприана Я. Боборыкина и М. Муравьева из Новгорода в Москву в 1615 г. // Новгородский исторический сборник. Вып. 15 (25). Новгород. 2015. С. 399). 27 апреля 1615 г. он передал кн. Одоевскому и дьяку Лутохину устное указание Горна отделить поместье новокрещену Ивану Исупову (ДАИ. Т. 2. СПб., 1846. С. 69—73). А 1 мая этого же года Олферий Северов «приходил о тех пошлинах з боярским приказом, что тех пошлин имати не велели» при даче отдельной грамоты Ерофею Колычеву (видимо, речь шла о приказе «боярина Эвергорна Карлусовича) (RA, NOA. Serie 1: 44. С. 97—98).

В документах Посольского приказа существует прямое указание на лютеранское вероисповедание Олферия Северова. В упомянутом донесении хутынского архимандрита Киприана посольству кн. Д. И. Мезецкого, стоявшему на Песках в 1615 г. содержится указание

на красочный эпизод, произошедший в Новгороде в сентябре этого года: «Ино ведают немцы, что его праздник, да и тому Иверн Горн и Монша смеялись, что он сам толмача Олфера провожал, а он веть некрещеной был, все ведают, что на Москве он родился в Кукуе, а некрещен, а мать и братья его и ноне на Москве, да и сам он про него говаривал со мною, что он некрещен, али будет того забыл» (РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 9. Л. 220). Таким образом, в Новгороде было известно и о происхождении О. Северова, и о его вероисповедании. Это — последнее упоминание об Олфере Северове. К декабрю 1615 г. он был убит (*Sundberg H. The Novgorod Kabala Books...* С. 64).

Служба в Новгороде 1611—1617 гг. для московских немцев второго поколения, по всей вероятности, была «нормальной», и даже успешной стратегией в годы Смуты. Гибель Олфера Северова в данном случае — лишь трагическое исключение в череде блестящих карьер Эрика Андерссона Траны, Ханса Флериха, Бенджамена Барона и других. Если до Столбовского мира такая служба еще отчасти продолжалась в русле московской служебной карьеры (с сопутствующим испомещением и проч.), то после установления мира на Северо-Западе самые успешные «московские немцы» — участники Новгородской Смуты присягают Густаву Адольфу и становятся субъектами Шведской короны; никто из них не остается в Московском царстве. С марта 1617 г. новые переводчики в Новгород вновь при-
сылаются из Посольского приказа.

Д.В. Сень

Толмачи и переводчики в деятельности воеводской администрации Азова (конец XVII — начало XVIII в.)¹

Заявленная тема является актуальной и малоизученной по нескольким основаниям. *Во-первых*, постановка проблемы потребовала организации нового этапа архивной эвристики: наиболее информативными из новейших находок оказались документы из фондов Российского государственного архива древних актов (РГАДА) и Государственного архива Воронежской области (ГАВО). Ряд документальных источни-

¹ Исследование выполнено в рамках государственной субсидии по теме НИР «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (Регистрационный номер ААА-А-19-119011490038-5).

ков конца XVII — начала XVIII в. впервые вводятся в научный оборот. *Во-вторых*, тема органично увязана с историей мероприятий российских властей по формированию в Северо-Восточном Приазовье административного аппарата управления (после завоевания Азова в 1696 г.) — путем создания в Азове центрального властного учреждения с опытным составом чиновников (*Андрющенко О.В.* Население и администрация города Азова в 1696—1711 годы. Воронеж, 2008. С. 13—14, 193). *В-третьих*, речь идет об истории пограничных контактов российской администрации с представителями крымских и османских властей (Кафа, Керчь, Тамань, ногайская Кубань и т.д.), с которыми необходимо было взаимодействовать (вести переговоры, обмениваться письмами, разрешать конфликтные ситуации и пр.). *Непонимание*, в буквальном смысле, текстов, написанных на восточных языках, либо устной речи носителей таких языков, создавало для азовской администрации определенные трудности в налаживании пограничного сотрудничества с кубанскими ногайцами, с турками-османами и прочими участниками местной пограничной жизни, в реализации азовскими воеводами самых разнообразных форм т.н. «пограничной дипломатии», в накоплении необходимых знаний о «противной стороне» в условиях новой пограничной ситуации. В некоторых случаях пограничная дипломатия и ее инициативы положительно сказывались на межгосударственных отношениях, на усилении тенденции к межгосударственному диалогу (*Аваков П.А.* У истоков российской пограничной дипломатии в Крыму: миссия подьячего Алексея Рудеева в Кафе 1701 г. // Границы и пограничье в южнороссийской истории: Материалы Всероссийской научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 26—27 сентября 2014 г.). Ростов н/Д., 2014; *Сень Д.В.* Администрация российского Азова и население Кубани: пограничные отношения в конце XVII в. — начале XVIII в. // Ломоносовские чтения. Востоковедение: Тезисы докладов научной конференции. М., 2013. С. 264—267). *Информационное пространство южного пограничья* того времени трудно представить без обращения к опыту межкультурной коммуникации (причем искажения в передаче речи и текстов были неизбежны — что представляет собой отдельную исследовательскую проблему) (*Сень Д.В.* Расспросные речи как источник по истории казачьего населения Крымского ханства и информационного пространства южного пограничья // *Magna adsurgit: historia studiorum*. 2018. № 2. С.7—14), важным звеном в организации которой являлись толмачи и переводчики (а также другие лица — пленные турки-османы и др.), находившиеся в ведении азовского

воеводы и его администрации. Азовская администрация активно использовала различные способы решения данной проблемы, которые в науке были рассмотрены фрагментарно. *В-четвертых*, актуально исследовать происхождение указанных профессиональных групп с точки зрения *среды* их формирования и пополнения, например, за счет служащих Посольского приказа неславянского происхождения, за счет калмыков, покидавших свои улусы и переходивших на царскую службу, и пр. *В-пятых*, актуально изучить конфессиональный и этнический состав, генеалогические связи, а также другие культурные характеристики таких людей, причины и порядок их приема на службу, их квалификацию и социальные связи, в некоторых случаях — историю профессиональных перемещений. Ведь из Москвы в Азов и обратно неоднократно направлялись толмачи и переводчики, ранее принятые на службу в Посольский приказ — в том числе те, о которых речь идет в статье. Тема статьи позволяет расширить наши представления о *позднейшей* судьбе отдельных толмачей и переводчиков (через Посольский приказ, повторимся, связанных с «азовской службой»), начинавших свою профессиональную карьеру в Москве еще в последней четверти XVII в. *В-шестых*, предстоит выяснить роль и место разных толмачей и переводчиков, по аналогии с мнением М. Ходарковского (*Ходарковский М. Степные рубежи России: как создавалась колониальная империя. 1500—1800. М., 2019. С. 108*), в ходе реализации новой московской политики на Юге как непосредственных участников процесса *колонизации сознания степного населения*. Указанные люди не только переводили тексты и устную речь с одного языка на другой, т.е., казалось, выполняли «очевидную» техническую работу. Те из них, кто становился новообращенными христианами, кто учил русский язык и грамоту, были полезны и даже необходимы российской администрации на Юге в нескольких отношениях. Новокрещены-толмачи способствовали миссионерским усилиям светских и церковных властей (прежде всего, среди калмыков). Необходимые для Москвы термины и имперскую риторику, различные просьбы от населения степного пограничья следовало передавать *подобающим имперским языком* (*Ходарковский М. Указ. соч. С. 108*). Трансляторами подобной лексики, смысловой направленности информации, исходившей от российских администраторов разного уровня, а также получаемой ими извне, регулярно выступали именно толмачи и переводчики.

Биографии интересующих нас лиц необходимо исследовать на фоне более крупной научной проблемы — истории толмачей и пе-

реводчиков восточного происхождения, служивших в Посольском приказе (*Беляков А.В.* Касимовские татары — станичники, толмачи и переводчики Посольского приказа // *Материалы и исследования по рязанскому краеведению*. Т. 2. Рязань, 2001. С. 36—42; *Беляков А.В.* Служащие Посольского приказа 1645—1682 гг. СПб., 2017), а также мусульманской общины Москвы, среди представителей которой на протяжении долгого времени встречаются толмачи/переводчики из известных семей — например, Байцыных и Тевкелевых (*Хайретдинов Д.З.* Мусульманская община Москвы в XIV — начале XX вв.: Дис. ... к.и.н. М., 2001. С. 68, 87—89, приложения: с. 151—175). Потомственным переводчиком в Посольском приказе являлся Резеп Байцын (служба которого также была связана с Азовом) — его отец Абдула и дед — «Биляль Безиргенов сын Байцын», из касимовских татар, также были переводчиками Посольского приказа (*Хайретдинов Д.З.* Указ. соч. С. 67. См. также: РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1697 г. Д. 26). Интересно наблюдение А.В. Белякова о родственных связях одной из «ветвей» Тевкелевых с Абдулой Байцыным (*Беляков А.В.* Служащие Посольского приказа. С. 334).

Целесообразно проследить судьбу таких специалистов восточного происхождения, какое-то время служивших в Азове и связанных с Посольским приказом (даже создававших т.н. «семейные династии», представители которых впоследствии находились на службе уже в Коллегии иностранных дел). Понадобится составление персональной базы данных — для реконструкции коллективной биографии толмачей и переводчиков, привлекаемых азовской администрацией к решению широкого круга вопросов. В ряде случаев потребуется установить степень родства между представителями одной фамилии (Тевкелевы, Тонкачевы, Байцыны), среди которых, например: Сулейман мурза Сагеев Тонкачев, Сулейман Тонкачев, Кутлумабет Тонкачев. Подчеркнем, что определенная работа (правда, в другом исследовательском контексте) была недавно начата: выявлены некоторые новые имена из состава служащих Посольского приказа, в т.ч. ранее в науке неизвестные (*Гуськов А.Г.* Материалы к справочнику о служащих Посольского приказа (начало XVIII в.) // *Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: материалы XXXI Международной научной конференции* (Москва, 12—14 апреля 2018 г.) М., 2018. С. 129—131). Некоторые из учтенных А.Г. Гуськовым имен имеют прямое отношение к теме заявленной статьи.

Наконец, деятельность местных толмачей и переводчиков актуально связать с историей делопроизводства в Азове. Новейшие

исследования показывают, что уже в первые годы деятельности новой российской (воеводской) администрации активно развивалось местное делопроизводство, что число дьяков и подьячих здесь возросло, что постоянно расширялся круг подведомственных им вопросов и пр. Недаром уже к 1700 г. Азовская приказная изба с учетом штата и исполняемых функций «выросла» и по праву могла называться приказной палатой (*Андрющенко О.В.* Указ. соч. С. 196).

Азовские власти должны были оперативно решить проблему устного перевода известий и показаний самого разного нерусского населения, а также письменного перевода на русский язык соответствующих текстов на восточных языках, разными путями поступавших в крепость. По-видимому, после событий лета 1696 г. в приоритете оказались ситуативные способы решения новой и столь острой для России проблемы на Юге. В указанном отношении обращает на себя внимание *пространство тюремного двора* — одного из центров тогдашней межкультурной коммуникации и местной азовской жизни, а не только места содержания пленников-мусульман. Находившиеся там турки-османы использовались в т.ч. для перевода текстов с османно-турецкого («турского») (ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 242. Л. 3.) и с татарского языков. Выразительна ситуация, в которой письмо с Кубани от султана Бахты-Гирея «чол тюремного двора неволник турченин Алейка, а на руской язык переводил калмыцкой толмач Парфенко Мергень» (ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 244. Л. 17). Этот толмач, *Парфен Мерген Иванов*, живший в Азове, был новокрещеном и фигурой авторитетной для части калмыков, пожелавших принять крещение и служить русскому государю (*Иванюк С.А.* Поступление калмыков в начале XVIII в. на царскую службу (по материалам Азовской приказной избы (палаты)) // *Война и воинские традиции в культурах народов Юга России (VII Токаревские чтения): Материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Ростов-на-Дону, 11—12 мая 2018 г.). Ростов н/Д., 2018. С. 108).* Так, 22 сентября 1700 г. он привел в приказную избу свою жену и сына, а также других калмыков, выразивших желание креститься (Там же). Необходимо отметить, что контакты с калмыками занимали важное место во внешней политике России, что на данном направлении для центральных/местных властей существовало немало проблем. Парфен Мерген Иванов неоднократно участвовал (предположим, как и другие калмыки: в некоторых документах толмач с калмыцкого языка *не назван* по имени) в расспросах азовскими властями калмыков (ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 364. Л. 1; Там же. Оп. 1. Д. 235. Л. 4). Любопытно, что к одной

из «сказок» вместо «толмача Парфена Мергена по его велению руку приложил» тамбовский площадный подьячий С. Маслов (ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 364. Л. 1 об.). На поступок же Парфена Мергена («брат наш калмыцкого языка толмач Парфен Иванов восприял себе православную... веру греческого закона») калмыки ссылались в ряде важных для себя жизненных ситуациях (ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 190. Л. 1). Весной 1700 г. толмачом не только с калмыцкого, но также с турецкого и с татарского языков (ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 168. Л. 86), согласно царской грамоты, был назначен другой крещеный калмык — Костыка Тимофеев (*Андрющенко О.В.* Указ. соч. С. 208), явившийся 29 марта 1700 г. в Азов. Несмотря на небольшой денежный оклад, власти решили другую важную задачу, выделив ему двор, располагавшийся за Азовом за Казачьей слободой (ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 168. Л. 86; Там же. Оп. 2. Д. 280. Л. 6).

Возвращаясь к культурной ситуации «текст — устная речь — текст» (на примере действий невольника Али и толмача Парфена Мергена) отметим, что при создании русскоязычного документа происходили искажения в передаче исходного текста. По сути, русским подьячим конструировался новый текст, а исходному письму азовскому воеводе — от кубанских ногайцев за печатями Сартлана-мурзы и кубанского султана Бахты-Гирея (1700 г.) — неизбежно придавались новые смыслы и характеристики. Судя по всему, тот же невольник Али (Алейка Меметов) зачитывал в том же году другое письмо Бахты-Гирея воеводе С.И. Салтыкову, а толмачил его речи толмач *Константин Матвеев* (ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 243. Л. 14). Из протокола допроса крымского татарина Кара-Али от 1 ноября 1696 г. становится известно, что его речи толмачил другой, теперь тоже нам известный толмач, *Афанасий Микифоров* (ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 27. Л. 17). Другие «слова переводил с татарского на русский язык Николаева полку Васильева казак Максим Иванов» (ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 243. Л. 13). Вероятно, М. Иванов был неграмотным: недаром к тексту, зафиксировавшему его перевод речей кубанских ногайцев в июне 1700 г. «руку приложил» писарь одного из азовских полков М. Черныяров (ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 243. Л. 12 об.).

В интересах местных властей в Азове толмачили также иностранцы — например, боцман *Андрэ (Андрей) Миющик* — неоднократно общавшийся с известным нам невольником «турченином» Али, читавшим письма с Кубани (ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 243. Л. 7). На каком же, однако, языке невольник Али озвучивал текст таких писем, регулярно получаемых в Азове? В одном случае А. Миющик

переводил Али на русский с *турецкого* языка, в другом — с *татарского* (ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 243. Л. 3, 7). Соответственно, они оба владели указанными языками в той или в иной степени. В качестве толмача А. Миющик принял участие в миссии подполковника И. Нестерова в Керчь и в Кафу (1703 г.), в т.ч. носившей разведывательный характер (*Аваков П.А.* «Превеликой имеют страх от московской военной флоты». Керченский пролив и русская разведка в начале XVIII века // Родина. 2014. № 7. С. 137). В частности, боцману надлежало «втайне ж турецким и татарским языком с кем возможно переводывать о всяких ведомостях» (Там же).

Азовская администрация достаточно гибко, хотя не всегда результативно (по разным причинам), подходила не только к поиску толмачей устной речи с восточных языков (при наличии одного-двух толмачей русского происхождения в азовской приказной избе — М. Иванова и А. Микифорова), но и к адаптивным способам перевода документов на восточных языках, переводить которые до поры до времени в Азове было некому. Любопытно, что решить проблему языковой и иной коммуникации с Азовом пытались и кубанские султаны — представители крымских ханов — обращавшиеся к услугам своих толмачей (ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 243. Л. 6).

На данном этапе изучения темы можно сказать, что поиск толмачей являлся для азовских властей насущной проблемой. Хотя и не системно, но ее остроту удалось снять в первые годы после завоевания Азова, т.е. в 1696—1700 гг. С переводчиками же дело обстояло еще хуже. Когда в сентябре 1699 г. из Керчи в Азов на трех судах прибыли турецкие купцы, то они подали воеводе С.И. Салтыкову пять писем, три из которых (ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 168. Л. 4 об.—5) адресовались ему кафинским бейлербеем Муртазой-пашей. Содержание документов «татарского письма» осталось в Азове непонятым («а что в тех письмах писано, того нам, холопям твоим, не ведомо») — из-за отсутствия именно переводчиков!

Воевода сетовал, что в Азове некому переводить документы и толмачить речи не только *татарские*, но и *калмыцкие*: «писем и языка их... переводить и толмачить некому» (ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 168. Л. 5). С.И. Салтыков обращался к царю с просьбой о присылке толмачей и переводчиков «турецкого, и татарского, и калмыцкого писем и языка». Что касается писем Мустафы-паши, то почтой их отправили в Пушкарский приказ. Уместно обратить внимание на то, что *увеличение* количества интересующих нас документов было связано с изменениями во взаимоотношениях между Россией, с одной

стороны, и Османской империей/Крымским ханством, с другой, как раз на рубеже XVII—XVIII вв. Пограничные власти (включая представителей крымских ханов на Кубани) стали проявлять большую заинтересованность в разрешении конфликтных ситуаций и в стабилизации местной пограничной жизни. Отсюда — появление и развитие нового явления — *регулярного обмена письмами* между пограничными «начальными» всех трех государств, на что ранее в науке обращалось только фрагментарное внимание.

Предположим, что именно поэтому ситуация с переводчиками в Азове стала постепенно улучшаться — благодаря царской воле и действиям Посольского приказа. Безусловно, свою роль сыграли и челобитные самих азовских воевод, заинтересованных в решении столь наболевшей проблемы. Активность царских властей неслучайна: *именно* после 1699 и 1700 гг. (когда были заключены Карловицкое перемирие и Константинопольский мирный договор) появились как новые проблемы, так и достижения в межгосударственных отношениях Москвы, Стамбула и Бахчисарая. Нами сделано наблюдение, что *именно в первое десятилетие XVIII в.* «азовские посылки» сделались регулярными для переводчиков Посольского приказа. В ф. 138 РГАДА (Дела о Посольском приказе и служивших в нем) сохранились документы о направлении из Посольского приказа в Азов на службу нескольких переводчиков с восточных языков (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1701 г. Д. 35; Там же. 1703 г. Д. 28, 44, 51; Там же. 1704 г. Д. 18; Там же. 1705 г. Д. 5, 17; Там же. 1706 г. Д. 9, 23, 35; Там же. 1707 г. Д. 3). Это представители уже тогда известных в Москве фамилий, перечень имен которых предстоит уточнить и, возможно, расширить. В настоящее время составленный нами список выглядит следующим образом:

Байцын Резеп («Резепка мурза Абдулков сын Байцын», отправленный в Азов «для переводу и толмачения татарского языка и писем, присланных ис Керчи и с Кубани»). Сам он уточнял, что переводил «с турских и с татарских писем»);

Багинин (Богинин) Тахтаралей (переводчик «турецких и татарских писем»), отправленный на службу в Азов и в Троицкий (РГА ВМФ. Ф.176. Оп.1. Д.32. Ч.1. Л.125, 125 об. Документ любезно предоставлен к.и.н. П.А. Аваковым). находка из РГА ВМФ позволила уточнить данные А.Г. Гуськова: выходит, что Т. Багинин — у А.Г. Гуськова ошибочно указано «Бочинин» — все же был принят на службу в Посольский приказ по итогам челобитной от 28.11.1706 г. Правда, по данным С.А. Белокурова, Т. Багинин уже в 1689 г. являлся штатным переводчиком в Посольском приказе. Любопытно, что вопрос

о «перемене» этого переводчика другим, которым в итоге оказался Рамазан Тевкелев, был решен на основании положительного рассмотрения челобитной жены Т. Багинина — Асылбек Каплановой, оставившей арабографичный автограф (РГА ВМФ. Ф.176. Оп.1. Д.32. Ч.1. Л. 126; Там же. Ф.176. Оп.1. Д.32. Ч.2. Л. 53).

Тевкелев Рамазан (переводчик с татарского языка);

Тонкачев (Тонкачев) Сулейман (переводчик с «турского и татарского языков»);

Тонкачев (Тонкачев) Кутлумамет (переводчик с татарского и турецкого языков).

Имеются сведения еще об одном переводчике с «турского и татарского языков». В частности, речь идет о *Дмитрии Асанове* (в сводке А.Г. Гуськова отмечен *Родион Асанов*), отправленном вместе с С. Тонкачевым под Азов еще в 1694/95 гг. Документы РГАДА позволяют решить ряд вопросов о сроках «азовской службы» служащих Посольского приказа, о ее повторяемости и некоторых особенностях (иногда переводчики направлялись в Азов для «перемены» одного на другого), о денежных и иных выплатах переводчикам и пр. Немаловажная деталь — в ряде случаев, благодаря сведениям одних переводчиков о жаловании других, становится известно об отправке некоторых из вышеуказанных лиц в Азов еще в *конце XVII в.* (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1701 г. Д. 35). В отдельных случаях удастся продвинуться в изучении другого немаловажного вопроса — о составе семьи того или иного переводчика, например, Сулеймана Тонкачева (Тонкачев), имевшего жену и, как минимум, одного сына (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1705 г. Д. 17; Там же. 1706 г. Д. 23; Там же. 1707 г. Д. 3). А выше писалось о жене переводчика Т. Багинина — А. Каплановой. Наконец, по-своему уникальны отдельные сведения, встречающиеся в челобитных переводчиков. Р. Байцын, например, указал, что по указу адмиралтейца Ф.М. Апраксина (в 1702 г.?) он «переводил в Азове на роскатной башне и на иных, и на мечете, и во дворце на камнях подпись турецкую» (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1701 г. Д. 35. Л. 2). Сказанное имеет отношение к малоизученному в науке вопросу о состоянии бывшей османской крепости после 1696 г., об использовании российскими властями старых культовых и светских построек османского времени к новым условиям и потребностям.

Другое перспективное направление поиска новых документальных источников — Ф. И-5 ГАВО (Азовская приказная палата). Здесь необходимо искать документы, связанные со службой вышеуказанных и других лиц, направляемых из Посольского приказа в Азов, в т.ч.

на «годовую службу». Например, сегодня нам доступны новые данные об адаптации в Азове Кутлумамета Тонкачева (Тонкачевева), подавшего челобитную в Посольский приказ 27 ноября 1703 г. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1703 г. Д. 44. Л. 1—3). В Азов его направили «для переводу... государевых посольских дел», а в феврале 1704 г., находясь там, он подал челобитную на имя царя. В связи с вынужденным оставлением старого куреня в г. Алексеевском, он просил построить ему новый курень, либо выделить двор в самом Азове (ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 440. Л. 3). Интересно, что в том же курене, принадлежавшем донскому казаку П. Турченину, ранее проживал переводчик Р. Байцын (ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 440. Л. 3 об.), тоже отправленный из Москвы в «азовскую посылку» (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1701 г. Д. 35). В заключение нужно сказать о необходимости пополнения персональной базы данных о толмачах и переводчиках, представленных в данной статье. Это позволит не только больше узнать об их биографиях, но также расширит наши знания о формах и механизмах управления Россией своими пограничными владениями на Юге в конце XVII — начале XVIII в.

А.С. Смирнова

Источники цитат из латинских авторов в «Кратком руководстве к красноречию» (1748) М.В. Ломоносова

Первая ломоносовская работа по риторике появилась в 1744 г.: тогда Г.Ф. Миллеру было поручено ознакомиться и оценить эту работу. Дав на нее положительный отзыв, он предложил добавить в текст риторики латинские цитаты (следуя практике, принятой в риториках на национальных языках: Lamy В. *La rhetorique ou l'art de parler*. La Haye, 1737; *Sidera eloquentiae / J. Damasceni*. Varsaviae, 1718; Smith J. *The Mystery of Rhetorick unveiled*. London, 1721, латинские фразы также встречаются в «Риторике» Готшета (*Gottsched J.C. Ausfuhrliche Redekunst, nach Anleitung der alten Griechen und Roemer, wie auch der neuern Auslaender, geistlichen und weltlichen Rednern zu gut, in zweenen Theilen verfasst und mit Exempeln erlaeutert*. Leipzig, 1736). Миллера поддержали, и Ломоносов принялся за дело, однако все добавленные им латинские цитаты он со свойственным ему мастерством перевел на русский язык.

Задача этой статьи — дать представление о работе Ломоносова над цитатами в «Кратком руководстве к красноречию» (1748), установить влияние непосредственных источников Ломоносова на его перевод латинских цитат, в основном, из Цицерона.

Число риторик, изученных Ломоносовым при работе над собственным сочинением, вероятно, не ограничивается одним десятком (Квинтилиан, Псевдо-Лонгин (в переводе Буало), Меланхтон, Фосс, Крайский, Коссен, Помей, Беккер, Мазений, Радау, Готшед). При рассмотрении одних и тех же вопросов авторы использовали схожий принцип расположения материала и набор источников, что особенно свойственно латинским пособиям: из книги в книгу повторяются одни и те же теоретические выкладки и античные риторические примеры. Об опоре на работы предшественников можно судить уже по заглавиям (*Beckheri G. Orator extemporaneus sev artis oratoriae breuiarium bipartium. Amstelodami, 1650; Radau M. Orator extemporaneus, siue artis oratoriae breuiarium bipartium. Venetiis, 1683*). Принцип составления новых «Риторик» заключался в переписывании одного или нескольких из имевшихся учебников с добавлением новых, не обязательно современных, образцов красноречия. Ломоносов также опирался на предшествующие риторики, особенно в том, что касается теории красноречия, но иллюстративная часть его «Риторик» является более самостоятельной, хотя набор примеров достаточно хрестоматиен.

Самый цитируемый автор в «Риторике» Ломоносова, как и европейских риториках — Цицерон. За примерами из Цицерона следуют по числу примеры из произведений Вергилия, реже цитируется Овидий; два раза появляются цитаты из Гомера; также Ломоносов дает примеры из собственных стихотворений, помещая их в тексте после цитат из классических авторов. Такое расположение понятно вполне — самые яркие примеры красноречия содержатся в речах ораторов, а самым признанным оратором был Цицерон.

Исследования А. Будиловича (*Будилович А. М.В. Ломоносов, как натуралист и филолог. С приложениями, содержащими материалы для объяснения его сочинений по теории языка и словесности. СПб., 1869*) и М. Сухомлинова (*Сухомлинов М.И. Сочинения М.В. Ломоносова с объяснительными примечаниями академика М.И. Сухомлинова. Т. 3. СПб., 1895*) убедительно доказывают, что произведения Цицерона цитируются Ломоносовым преимущественно по риторикам Коссена, Помея и Готшеда. Это обстоятельство лишает основания изучение рукописных вариантов античных отрывков для объяснения

особенностей переводов Ломоносова (как это делает, например, *Солопов А.И.* «Науки юношей питают» — или «направляют»? О Цицероне как образце Ломоносова // *Stephanos*. 5 (25). 2017. С. 125—128).

Недавние исследования дополнили работы Будиловича и Сухомлинова новыми указаниями на параллели между «Руководством» Ломоносова и новолатинскими риторическими трактатами (*Костин А.А., Николаев С.И.* Неучтенный источник риторики Ломоносова («Оратор без подготовки» М. Радау) // Чтения отдела русской литературы XVIII в. Вып. 7. М.; СПб., 2013. С. 41—53. *Костин А.А.* Творческая история «Краткого руководства к красноречию» М.В. Ломоносова в свете компиляционных источников (новые материалы) // *Slavica Revalensia*. 2015. Vol. 2. С. 9—34). К примерам, взятым из латиноязычных риторик, Ломоносов относился, видимо, с большим доверием, с чем связано, в том числе, повторение ошибок в формах имен собственных: так, Сестий у него, вслед за Коссеном, назван Секстием.

Такое отношение к источникам в целом соответствовало переводческой практике в России XVIII в.: для переводчиков главным был вопрос о том, как перевести текст (*Дерюгин А.А.* В.К. Третьяковский — переводчик. Становление классицистического перевода в России. Саратов, 1985. С. 5—8), а не выбор более надежного и правильного источника.

А. Будилович отмечал, что в некоторых случаях Ломоносов переводит фрагменты Цицерона, ориентируясь на немецкий перевод Готшеда (*Будилович А.* Указ. соч. Прил. III. С. 56, 57—58, 59). Основанием для такого вывода являются похожие отступления от оригинального текста (у Готшеда и Ломоносова). Речь идет о передаче на родной язык терминов, передающих реалии античного времени. Готшед был сторонником перевода, который понятен читателю без дополнительных комментариев (напр., лат. *Quirites* — нем. *Römer*, лат. *ager Sabinus* — нем. *sabinisches Gebieth*, лат. *consulatus* — нем. *Bürgermeisteramt*, лат. *imperium* — нем. *Regiment*).

Впрочем, появление такого же рода истолкований в переводе Ломоносова можно объяснить не заимствованием у Готшеда, а следованием характерным в целом для XVI—XVIII вв. принципам перевода, согласно которым переведенный текст должен быть прост и понятен соотечественникам переводчика (*Дерюгин А.А.* Указ. соч. С. 44—45). В соответствии с этим правилом, Ломоносов предпочел переводить лат. *pauarchus* — рус. «мореплаватель» (а не «наварх»), лат. *cohors* — «баталион» (а не «когорта»), называть римских полководцев — «генералами», а Энея — «князем».

В книге Г.М. Коровина (*Коровин Г.М.* Библиотека М.В. Ломоносова. М.; Л., 1961. С. 354) указано, что у Ломоносова имелось издание Цицерона (*Selectae orationes*, 1735), содержащее 13 его лучших речей. Однако в работах Ломоносова цитируются (в переводе) и другие его тексты: речи в защиту П. Квинкция, против Верреса, в защиту М. Фонтея, в защиту А. Клуенция, о земельном законе, в защиту Л. Мурены, против Л. Кальпурния Пизона, в защиту Г. Рабирия, против М. Антония (XIV), соч. «Об ораторе», «Оратор», «Тускуланские беседы», «О природе богов», «Об обязанностях»). Коровин упоминает также издание сочинений Цицерона в 6-ти томах (*Opera omnia*, 1737), которое Ломоносов получил только в 1761 г.: таким образом, приходится исключить его из возможных источников цитирования до указанного года.

Как показало наше исследование, Ломоносов действительно чаще всего цитировал Цицерона по имевшемуся у него изданию *Selectae orationes*, хотя при отборе мест мог руководствоваться риториками, которыми он пользовался, составляя «Руководство». Утверждения А. Будиловича и М. Сухомлинова о том, что переводы фрагментов из Цицерона выполнены Ломоносовым с немецкого языка, из *Ausführliche Redekunst* Готшеда, не имеют под собой надежного основания, как видно из сопоставления лексики обоих переводов с оригинальным текстом. Для примера рассмотрим лексику фрагмента *Cic. In Catil. II, 1* (*M. Tullii Ciceronis Selectae orationes. Cum Christophori Cellarii argumentis, Rhetorico Artificio, Verborum, Rerum ac Rituum interpretationibus. Subjunct Arn. Henr. Westerhovius. Amstelaedami, 1735. P. 124*) в передаче Готшеда (*Gottsched J.C. Ausführlliche Redekunst. Leipzig, 1736. S. 207*) и Ломоносова (*Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Т. 7. М.; Л., 1952. С. 172—173*):

audacia — *Tollkühnheit* — дерзость;

anhelans — *dürsten* — дышащий;

pestis — *Untergang* — язва;

ex urbe vel eiecimus, vel emisimus, vel ipsum egredientem verbis prosecuti sumus — *aus unsern Thoren entweder hinaus gestoßen, oder ausziehen heißen, oder ihn doch beym Ausgange mit Worten begleitet — из града или извергнули, или выпустили, или хотя словами проводили*;

Abiit, excessit, evasit, erupit — *Er ist entgangen, entwichen, entlaufen, ja gewaltsam hinaus gedrungen* — *Выступил, ушел, вырвался, убежал*.

Лексика в переводе Ломоносова оказывается ближе по значению к латинскому источнику, чем к немецкой версии. Обращение непосредственно к древнему латинскому источнику имело концептуаль-

ное значение для переводческой деятельности Ломоносова: возможность создания полноценного перевода с классического языка на русский доказывала, что русский язык по своему богатству не уступает первому. В этом смысле исход состязания русского с современным немецким языком был Ломоносову не интересен.

Заимствование примеров из других риторик (например, у Фосса) не состояло в простом переносе их в русский текст. Сравнение текста цитат из Цицерона в «Руководстве» Ломоносова и в риторических трактатах, которые служили его источниками, показывает, что даже цитируя те же самые места, что и его предшественники, Ломоносов то и дело сокращал или удлинял их, для чего (особенно в последнем случае) требовалось иметь оригинальные издания. Зачастую примеры выбраны им самостоятельно: в «Риторике» есть цитаты из речей Цицерона, которые не приведены в известных нам риторических пособиях. Например, в §120 дается пример из речи «В защиту Мурены» (*Pro Mur.* XXIX, §61), в отношении которого Будилович отмечает: «Ломоносов мысли Готшета только разставил иначе, и приложил пример, которого у Готшета здесь нет» (*Будилович А.М.* Указ. соч. Прил. III. С. 59). Поскольку этой речи Цицерона нет и в сборнике “*Selectae orationes*”, возникает вопрос: по какому изданию цитировался этот текст?

Точно так же не был до сих пор установлен источник процитированного в «Слове о рождении металлов от трясения земли» (“*Oratio de generatione metallorum a terrae motu*”) (1757 г.) места из сочинения Цицерона «О природе богов» (*Cic. De Nat. Deor.* II, 96), приведенного как на латинском, так и на русском языке.

Нам кажется логичным предположить, что Ломоносов на протяжении нескольких лет составлял собственный сборник цитат из классических авторов, который он мог начать еще во время обучения в классе риторики у Порфирия Крайского в 1733—1734 г. В своем курсе риторики (*Artis rhetoricae praecepta tres in libros divisa atque ad instruendum oratorem selectioribus Eloquentiae fundamentis ad elegantiam styli in omni genere dicendi tradita Moscoviae. Ex anno 1733 in annum 1734 // РГБ. Ф. 183. 1. № 279. Л. 164 об.*) Крайский рекомендовал постоянно читать авторов и отбирать из их текстов фигуры, фразы, примечательные мысли, записывая их в специальные тетради: *duo libelli faciendi sunt, vel unus in duas divisus partes: in primo libro vel prima libelli parte notandae erunt voces rariores quae aptissimi rem expriment, metaphorae elegantiores, adagia, phrases, laudandi, vituperandi, suadendi, adhortandi, formulae aliquae, loquendi modi speciales, in secundo exempla, ritus et mores gentium, status regnorum, rariores eventus, prodigia, fabulae*

ingeniosiores, symbola, emblemata, hieroglyphica, sententiae grauiores, apophthegmata, et id genus alia (Artis rhetoricae praecepta, 171, об.; см. также об этом: Воскресенский Г.А. Ломоносов и Московская Славяно-греко-латинская академия // Прибавления к Творениям св. Отцов. 1891. Ч. 47. Кн. 1. С. 40—45). При этом лучших древних ораторов — Демосфена и Цицерона — Крайский все же советовал изучать наизусть (Ita ex ipsis antiquis Demosthenes, et Cicero legendi potissimum, et si fieri possit ad verbum ediscendi commendantur (Artis rhetoricae praecepta, 171)). Наверняка такие же советы Ломоносов получал и в Марбурге, ср. о практике составления читательских дневников в форме собраний «общих мест» (*Moss A. Les recueils des lieux communs: Méthode pour apprendre à penser à la Renaissance. Genève, 2002; Blair A. Too much to know: managing scholarly information before the modern age. New Haven; London, 2010*).

Таким образом, хотя давно известно, что Ломоносов черпал материал из риторик своих учителей и предшественников, изучение и сопоставление цитат в его сочинениях указывает на необходимость рассматривать в качестве их непосредственного источника еще один сборник, составленный им самим. В таком случае, цитаты, отобранные для его «Руководства», отражают не только традицию европейских риторических трактатов, но и собственный многолетний читательский опыт автора, не ограничивающийся изданиями текстов и антологий, к которым у М.В. Ломоносова был доступ в период сочинения трудов по красноречию.

Л.Б. Сукина

**О малоизвестной стороне деятельности
переводчиков и справщиков в петровской России:
«Служба Богородице Грузинской»
архиепископа Афанасия Холмогорского
и Ф.П. Поликарпова-Орлова**

Культура петровского времени носит противоречивый характер. С одной стороны, в ней интенсивно утверждается новое мировосприятие, с другой, сохраняется тенденция к поддержанию традиции, связывающей ее с Московской Русью и поствизантийским православным миром. В нее включается множество средневековых, ренес-

санских, барочных элементов, имеющих иноземное происхождение. Как осуществлялось их укоренение, благодаря чему и кому они становились «своими» — важные вопросы, на которые постоянно приходится отвечать исследователям.

В трансфере идей, знаний, художественных образов и форм значительная роль всегда принадлежит людям, знающим чужие языки, чей род деятельности, жизненные обстоятельства и персональные интеллектуальные интересы приводят к плодотворным контактам с иными культурами (См.: *Эспань М.* История цивилизаций как культурный трансфер. М., 2018). На примере оформления культа Богородицы Грузинской мы попытаемся показать, как это могло происходить в условиях петровской России.

Грузинская икона Божией Матери — чудотворный образ, история которого не совсем обычна. Этот вариант Одигитрии, близкий к изводу Перивлепты, был широко распространен в Грузии в X—XVI вв. (*Гусева Э.К.* Из истории почитания на Руси иконы Богородицы Грузинской и ее грузинском прототипе // Древнерусское искусство: Искусство XVIII — первой половины XIX в.: Сообщения ГТГ. М., 1995. С. 6—14). Один из прославленных списков иконы в 1622 г. был увезен в Персию завоевателем Грузии шахом Аббасом I в числе военной добычи.

Богородица Грузинская была не единственной иконой, вывезенной тогда персами. В записках купца Федота Котова о путешествии на Восток, совершенном им в 1623 г., упоминается, что в одной из мечетей Исфахана он видел четыре пядничные иконы: Рождество Господне, Вход в Иерусалим, Преображение и Богоявление, «принесенные от грузинские земли». Эти иконы показались ему очень похожими на те, что он видел на родине («и подпись русская, а писаны на красках») (Записки купца Федота Котова о путешествии в Персию // Записки русских путешественников XVI—XVII вв. М., 1988. С. 151). Нужно отметить, что «русской подписью» Котов, видимо, называет принятые в искусстве византийского мира (в том числе и на Руси) буквенные греческие именованья Богородицы и младенца Христа.

Не только Котов, но и другие русские торговцы из высшей купеческой корпорации, обладавшей правом на торговлю в чужих странах, интересовались «пленными» православными святынями. Богородица Грузинская привлекла внимание приказчика Стефана Лазарева, ведшего торговые дела в Персии от имени ярославского гостя Егора Третьяка Лыткина. В 1625 г. ему удалось выкупить эту икону, вероятно, заплатив за нее немалую цену, и доставить ее своему хозяину.

По особому откровению, полученному во сне, Егор Лыткин отдал Грузинскую икону в Красногорский Богородичный монастырь на Пинеге, которому покровительствовал. Главный собор монастыря, вскоре построенный Лыткиным, был освящен в честь этого образа. Благодаря сообщениям о чудесах Грузинской иконы по указу царя Алексея Михайловича, патриарха Иосифа и новгородского митрополита Никона в 1650 г. ей было установлено празднование (*Богоявленский Т.М.* Грузинская икона Божией Матери // Журнал Московской Патриархии. 1945. № 4. С. 63—65). В 1650-е гг., когда икона привозилась в Москву для поновления, с нее было сделано несколько списков для известных столичных храмов (*Гусева Э.К.* Грузинская икона Божией Матери // Православная энциклопедия. Т. 13. М., 2007. С. 189).

Однако по-настоящему всероссийское почитание иконы началось в петровское время. В 1698 г. патриарх Адриан распорядился ежегодно носить ее в Архангельск и Холмогоры. Образ стали носить также и в Вологду, Великий Устюг, Переславль-Залесский, Москву и в Сибирь на реку Лену (*Богоявленский Т.М.* Указ. соч. С. 64). Инициатором расширения культа Богородицы Грузинской выступил архиепископ Холмогорский и Важский Афанасий — видный церковный деятель и книжник своего времени, владелец обширной библиотеки, включавшей книги на греческом и латыни.

Эти события пришлось на время резкой активизации внешних контактов России с Европой, обострения военного противостояния с Турцией и Персией и совпало с бурным началом модернизации страны после стрелецкого восстания 1698 г. Какой скрытый смысл имела актуализация почитания вырученной из персидского плена иконы, установленного при отце царя Петра — государе Алексее Михайловиче и будущем патриархе Никоне, мы можем только догадываться. И.К. Смолич отмечал, что Адриан был единственным из русских патриархов после Никона, осмеливавшимся напоминать государю, что священство в иерархии властей стоит выше царства. Патриарх критиковал царские указы о брадобритии и ношении немецкого платья и возражал против пострижения в монахини и заточения в монастырь царицы Евдокии, стоял за старые религиозные и культурные обычаи (*Смолич И.К.* История русской церкви. 1700—1917 // История русской церкви. Кн. 8. Ч. 1. М., 1996. С. 60—62).

Афанасий Холмогорский был близок к Адриану, но, в отличие от патриарха, стремился помогать молодому государю, быть ему полезным. Он трижды принимал Петра в Архангельске и поддерживал его планы сделать Россию морской державой, собирал сведения об Азов-

ских походах и обобщил их в сочинении «Вести из-под Азова», перед началом Северной войны по поручению царя составил «Описание трех путей из России в Швецию» (*Панич Т.В.* Афанасий // Православная Энциклопедия. Т. 4. М., 2002. С. 10). Возможно, Афанасий полагал, что прославление привезенной в свое время из заграницы святыни в городах, связанных с «морскими» проектами Петра, будет угодно государю, пребывавшему после стрелецкого бунта, по мнению С.Ф. Платонова, в состоянии «неимоверного озлобления» против сторонников старых порядков (*Платонов С.Ф.* Петр Великий: Личность и деятельность. Л., 1926. С. 88), и в то же время напомнит, что его предки чтили и оберегали традиции и символы «древлего благочестия».

Распространение культа чудотворного образа требовало составления сказания о нем и церковной службы, необходимой, в том числе, для церемонии встречи иконы во всех местах, куда ее ежегодно предполагалось доставлять. Учитывая иноземное происхождение Богоматери Грузинской, в этом деле требовалось большое риторическое и богословское искусство и осторожность. Нужно было фактически осуществить «перевод» ее почитания в контексте меняющейся религиозной культуры переходной эпохи.

В своих дальнейших рассуждениях мы будем опираться на современную описываемым событиям рукопись «Службы Богородице Грузинской», происходящей из церкви Иоанна Богослова в Рыбной слободе Переславля-Залесского (Переславль-Залесский музей-заповедник. ПЗМ-4233. 4° (159×127). 86 л. Полуустав нескольких почерков). На Л. 1 указана дата и официальная цель создания книги: «Мироздания 7207 (1699) г(ода) лета месяца июня 11 дня сея служба и два канона прес(вя)тей б(огоро)д(и)це в торжественное празднество чюдотворного ея образа нарицаемаго грузинскаго, и справные безпопразднества оупсения ея б(о)гом(а)т(е)ре написаны и переплетены, повелением преос(вя)щеннейшаго АФАНАСИЯ м(и)л(о)стию б(о)жиею архиеп(и)ск(о)па холмогорскаго и важскаго и положиися от него преос(вя)щеннейшаго архиеп(и)ск(о)па во обители ея б(о)г(о)м(а)т(е)ре нарицаемей — красногорской, ради моления вовремя повсягоднаго перенесения онаго с(вя)таго чюдотворнаго образа ис тоя обители во град холмогорь».

Рукопись состоит из 5 частей: собственно «Службы Богородице Грузинской», «Повести» об этом образе», «Сказания» о двух находившихся в Красногорском монастыре чудотворных богородичных иконах (Грузинской и Владимирской), рассказа об основании Красногорского богородичного монастыря и первого чуда иконы Богоматери

Грузинской. Новым текстом в этом сборнике была только «Служба», существенно «справленная», как указано в рукописи, по поручению архиепископа Афанасия Федором Поликарповым-Орловым, так как предыдущий ее вариант был составлен «неслично» и «погрешительно» в «речениях» и «прописании орфографии» (Л. 3 об.—4).

Любопытно, что архиепископ Афанасий, будучи искушенным в писательском деле и богословии, не взялся за «справу» «Службы» сам, а только освидетельствовал уже готовую рукопись «в чине церковном» и исправил три входивших в нее «чтения». Он нанял Ф.П. Поликарпова-Орлова, который в 1698 г. был назначен справщиком московского Печатного двора (*Браиловский С.Н.* Ф.П. Поликарпов-Орлов — директор Московской типографии // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1894. Ч. 9. С. 14), а до этого несколько лет преподавал в Славяно-греко-латинской академии греческую грамматику, риторику и пиитику и слыл знатоком греческого языка и искусным переводчиком с него (*Львова И.П.* Из истории просвещения в России в эпоху Петра Великого (Федор Поликарпович Поликарпов-Орлов) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. 2008. Вып. 2. С. 37).

В основе новой редакции «Службы» лежит названный в ее тексте «первоначальным» вариант. Скорее всего, имелся в виду текст, составленный неизвестным лицом около 1650 г. после назначения официального празднования иконе. Но с чем он не был изначально «сличен», не указано. Возможно, услуги Ф.П. Поликарпова-Орлова понадобились еще и потому, что протографом «Службы» считался «греческий» текст, по которому Богородице Грузинской служили в древней Кахетии, где появился и был распространен этот иконографический извод. На эту мысль наводит то обстоятельство, что в новой редакции «Службы» присутствует вставное произведение «исторического» характера — «Слово похвальное о принесении иконы Пречистой Богородицы Грузинския», в котором говорится о появлении этого чудотворного образа в России.

В рассматриваемой нами рукописи мы находим уточнение (Л. 3 об.—4), что Поликарпов не писал заново тексты службы и одного из канонов, а только «справил» их «лучшим грамматическим исправлением елико возможно» (Л. 3 об). Его собственному перу принадлежит лишь второй канон Богородице Грузинской, выдержанный в византийской и древнерусской гимнографической традиции. В заглавии этого канона еще раз подчеркивается, что именно он был сочинен заново («Ин канон сочиненый»), а авторство Федо-

ра Поликарпова подтверждено фразой: «Богоматери хвалу тку; недостоин Феодор» (Л. 190б).

Очевидно, что над текстом «Службы» Ф.П. Поликарпов-Орлов работал в Москве, где в его распоряжении были все необходимые материалы. Потом он был отправлен Афанасию, и в книгописной мастерской архиерейского дома копировался для сшивки с другими произведениями, входившими в состав сборника, прославляющего Богородицу Грузинскую. Затем эти сборники «справлялись» и рассылались по городам и храмам, куда носили икону. Так, например, разные части переславской рукописи написаны различными почерками, содержат многочисленные пометы, правки и интерполяции.

Привлечение для составления «Службы» сведущего в языках и богословии Поликарпова демонстрировало, что архиепископ Афанасий хорошо ориентировался в текущей ситуации в сфере образования и книжности, с которой он в это время связывал дальнейшее развитие своей карьеры. В июле 1699 г. в письме к родственнику царя, боярину Т.Н. Стрешневу, пользовавшемуся доверием Петра, патриарх Адриан сообщал, что желал бы поставить Холмогорского владыку в Крутицкие митрополиты (*Устрялов Н.Г.* История царствования Петра Великого. Т. 3. СПб., 1858. Прил. 7. № 37. С. 500—501). Тогда бы в ведении Афанасия оказались Московский Печатный двор и школы.

Но старания архиепископа оказались напрасны. На царя, от которого зависело окончательное решение, они не произвели должного впечатления. Петр потребовал перевести на Крутицкую епархию престарелого Нижегородского митрополита Трефилия, который явно не мог справляться с административными обязанностями и интеллектуальными задачами столь же эффективно как Афанасий. И.К. Смолич полагал, что тогда молодой царь поступил вполне в духе Московского самодержавия XVII в., когда государь предпочитал действовать наперекор пользе дела, лишь бы проявить свою монаршую волю, не подвластную чужим мнениям и пожеланиям (*Смолич И.К.* Указ. соч. С. 61).

Что касается Ф.П. Поликарпова-Орлова, то неудача архиепископа Афанасия никак на нем не сказалась. Его дальнейшая служебная и творческая карьера, как известно, получила активное и успешное развитие.

Переводчики и делопроизводство Посольского приказа в XVII в.

Переводчики Посольского приказа как особая группа сотрудников этого учреждения или отдельные ее представители вполне заслуженно привлекают внимание историков (*Лисейцев Д.В.* 1) Посольский приказ в эпоху Смуты. Ч. 1. М., 2003. С. 149—183; 2) Переводчик Посольского приказа Иван Фомин и источники по истории приказной системы Московского государства конца XVI — середины XVII века // *Иноземцы в России в XV—XVII веках.* М., 2006. С. 241—252; 3) Греческие переводчики и толмачи в Посольском приказе конца XVI — начала XVII вв. // *Россия и Христианский Восток.* Вып. 4—5. М., 2015. С. 202—219; и др. работы этого автора; *Опарина Т.А.* 1) *Иноземцы в России XVI—XVII вв.* Кн. 1. М., 2007. С. 316—331; 2) *Документы по биографии Ивана Селунского в фондовых коллекциях РГАДА // Пятые чтения памяти Николая Федоровича Каптерева.* М., 2007. С. 73—844; *Степанова Е.С.* «У руки государя». Переводчики с греческого языка в Посольском приказе 1620—1670 гг. Борис Богомольцев // *Россия и Христианский Восток.* Вып. 4—5. М., 2015. С. 220—227; *Беляков А.В.* Служащие Посольского приказа. 1645—1682 гг. СПб., 2017. С. 93—166; и др.). В указанных работах были рассмотрены вопросы общей численности и именного состава, условий работы переводчиков, приведены биографические данные, относящиеся к конкретным лицам. Одновременно стали появляться исследования текстологического характера с выяснением особенностей подготовки переводов различных иностранных источников на русский язык (*Вести—куранты 1656 г., 1660—1662 гг., 1664—1670 гг.* Ч. 2 / *Исследование и подгот. текстов Ингрид Майер.* М., 2008. С. 133—152; *Тимошина Л.А.* 1) Грамоты вселенских патриархов 1682 г., привезенные П.Б. Возницыным, в делопроизводстве Посольского приказа и археографии // *Очерки феодальной России.* Вып. 12. М.; СПб., 2008. С. 205—364; 2) Константин Христофоров и переводы грамот греческих патриархов // *Каптеревские чтения. Сборник статей.* Вып. 6. М., 2008. С. 130—138; *Фаизов С.Ф., Мейер М.С.* Письма переводчика османских падишахов Зульф리카ра-аги царям Михаилу Федоровичу и Алексею Михайловичу, 1640—1656: турецкая дипломатия в контексте русско-турецких взаимоотношений. М., 2008. С. 43—50). В одной из статей была высказана надежда на проведение в дальнейшем срав-

нительного историко-филологического изучения текстов греческих оригиналов и их русских вариантов (*Тимошина Л.А.* Грамоты... С. 238, прим. 237). Отрадно поэтому отметить появление в последние годы работ, где, наряду с биографическими сведениями, есть сравнительный анализ греческих текстов и их русских аналогов (*Оборнева З.Е.* 1) Переводчик Посольского приказа Борис Богомольцев (1624—1673 гг.) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2018. № 1(71). С. 51—54; 2) Дементий Чернцов — греческий переводчик Посольского приказа (1631—1658 гг.) // Специальные исторические дисциплины. Вып. 2. М., 2018. С. 39—40, 46, 53—56); 3) Переводчики с греческого языка Посольского приказа первой половины XVII в. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2018. С.114—124, 126—130, 138—142 и др.). Все вместе взятое дает возможность представить способы делопроизводственной работы приказных служителей XVII в., уделяя основное внимание переводам с греческого языка.

Поступавшие в Посольский приказ от ездивших в Османскую империю русских дипломатов, посещавших Москву турецких посланников или специальных гонцов, посылавшихся греческим духовенством, грамоты и другие документы проходили через несколько стадий обработки.

На первом этапе иностранные тексты отдавались переводчикам, которые, как отмечалось в литературе, могли быть этническими греками, лицами, жившими на территории тех или иных греческих областей, попавшими в плен русскими людьми или выходцами с пограничных территорий, в частности, черкасских городов. В любом случае, эти переводчики, независимо от их происхождения, готовили и собственноручно писали, скорее всего, вне стен государственного учреждения, забирая с собой оригиналы грамот, которые подчас так и оставались у них, изначальные тексты переводов. Палеографически такие столбцовые листы определяются по весьма заметным особенностям почерков, которые, даже в тех случаях, когда их обладатели умели довольно уверенно писать по-русски, существенно отличались от хорошо выработанных, уверенных, гораздо легче читающихся почерков подьячих Посольского приказа. Текстологически этим первым черновикам свойственны грамматические и орфографические ошибки, количество которых, в зависимости от степени владения переводчиком русским языком, могло варьироваться, но те или иные из них присутствовали постоянно.

Характерной особенностью деятельности переводчиков на протяжении всего XVII в. было достаточно вольное обращение с посту-

павшими к ним греческими текстами. Так, описывая работу в 1626 г. переводчика Бориса Богомольцева, который выучил греческий язык, находясь в плену в Константинополе, над грамотами царю Михаилу Федоровичу и патриарху Филарету из афонских скитов Дмитрия Мироточивого Медного и Богородицы Утешительницы (Парамифии), З.Е. Оборнева подчеркнула, что «перевод письма к царю мало соответствует оригиналу», а в отношении грамоты московскому патриарху отметила пропуски не только отдельных выражений, но и всей заключительной части обращения афонских монахов (*Оборнева З.Е. Переводчик Посольского приказа... С. 51—53*). В 1642 г. переводчик Дементий Чернцов, выехавший «на государево имя» грек, допустил, по наблюдениям исследовательницы, довольно существенные неточности при воспроизведении по-русски челобитной архимандрита афонского Пантелеймонова монастыря Григория, добавив в текст «совершенно другие формулировки» (*Оборнева З.Е. Дементий Чернцов... С. 45—46*). Через сорок лет, в 1682 г., переводчик Константин Христофоров в русском варианте прощательной грамоты константинопольского патриарха Иакова московскому патриарху Никону опустил имеющиеся в греческом оригинале имена митрополитов, подписавших вместе с патриархом этот акт. Зато в текст прощательной грамоты александрийского патриарха Парфения внес не читающуюся в греческом оригинале благочестивую формулу, ставшую неотъемлемой частью русского перевода, «Христос воскрес, воистина воскрес», что, позволяя уточнить время его работы (Пасха в 1682 г. приходилась на 16 апреля), никак не способствует точности передачи текста греческого акта (*Тимошина Л.А. Грамоты... С. 225—226, 233*).

Вместе с тем, не стоит думать, что слишком вольное подчас отношение к иноязычным текстам допускали только переводчики с греческого языка. Ингрид Майер, С.Ф. Фаизов и М.С. Мейер отмечают такие же существенные неточности у работавших в Посольском приказе переводчиков с голландского, немецкого, турецкого языков, которые пропускали «побочную информацию», сокращали тексты, по-своему передавали их смысл и т.д.

Представляется, что причинами ошибок были скорее своеобразное понимание переводчиками или, не исключено, руководителями Посольского приказа целей и задач работы, возможно, поспешность или недостаток внимания, затруднения при передаче больших объемов иноязычных текстов для людей, не являвшихся носителями языка, чем сознательное искажение информации, хотя случалось и такое (см.: РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1642 г. № 9. Л. 23—28).

На втором этапе работы первоначальные тексты переводов представлялись в Посольский приказ, где над ними начинали работать, по всей вероятности, вместе с переводчиками приказные подьячие, которые на тех же самых листах исправляли, зачеркивая текст или делая вставки на полях, допущенные орфографические и грамматические ошибки. Помимо этого, подьячие довольно часто заменяли не вполне понятные им, хотя и написанные по-русски, пассажи привычной делопроизводственной лексикой, при переводах использованных в греческих оригиналах библейских или почерпнутых из богословских трудов фрагментов пользовались характерными для русского литературного языка топиками и, в свою очередь, иногда довольно существенно сокращали полученные переводы (см.: *Тимошина Л.А.* Константин Христофоров... С. 135—137). Однако наиболее существенными представляются другие моменты.

Во-первых, смысловое редактирование текстов переводов, изменявшее их содержание. В частности, в переводе Константина Христофорова адресованной царю Федору Алексеевичу грамоты иерусалимского патриарха Досифея мая 1682 г. среди поминавшихся духовенством членов царской семьи имя первой жены царя Алексея Михайловича Марии Ильиничны Милославской было заменено на имя первой жены царя Федора Алексеевича, Агафьи Семеновны Грушецкой (скончалась 14 июля 1681 г.), вероятно, чтобы привести текст документа в большее соответствие с реальной действительностью и упомянуть умершую чуть более года назад царицу вместо скончавшейся 12 лет назад. В прощательных грамотах патриарху Никону внесенные подьячим изменения значительно смягчали, если не полностью ликвидировали отрицательные характеристики опального патриарха и его действий, как, равным образом, и деяния участников Собора 1666—1667 гг., где присутствовали антиохийский и александрийский первосвятители (*Тимошина Л.А.* Грамоты ... С. 246—252).

Во-вторых, особенности воспроизведения заключительных частей грамот. Сличение текстов русских переводов прощательных грамот вселенских патриархов и адресованной царю грамоты иерусалимского патриарха Досифея 1682 г. с их оригиналами показывает, что в конце русского варианта имеются написанные рукой подьячего или, реже, переводчика Константина Христофорова слова «внизу приписано патриаршескою рукою», «у подлинной грамоты приписано патриаршескою рукою» и т.п., в то время как на греческих актах читаются только подписи — имена патриархов без сопроводительных помет (*Тимошина Л.А.* Грамоты... С. 231); по-видимому, то же самое относится и

к подписи охридского архиепископа Харитона на рекомендательном письме греку Параскеве 1644 г. (*Оборнева З.Е.* Дементий Чернцов... С. 56). Трудно сказать, насколько сотрудники Посольского приказа знали почерки всех патриархов и других духовных лиц, пользовались ли имеющимися у них достоверными образцами почерков греческих иереев или они автоматически воспроизводили привычную для окончаний документов делопроизводственную формулу. Тем не менее, очевидно, что такие привнесенные в тексты переводов и отсутствовавшие в оригиналах пометы не могут служить доказательством подлинности патриарших автографов, требуя проведения специальных палеографических исследований (о трудностях при определении автографов греческих духовных лиц см.: *Ченцова В.Г.* 1) Иллюзии и реалии палеографии. О разных подходах к изучению греческих грамот XVI—XVII вв. // *Очерки феодальной России.* Вып. 15. М.; СПб., 2012. С. 370—433; 2) Иллюзии и реалии палеографии (2). Так что же нам делать? // *Очерки феодальной России.* Вып. 16. М.; СПб., 2013. С. 349—402).

И, наконец, чрезвычайно существенными представляются исправления титулов царя или патриарха в строгом соответствии с принятым в Русском государстве формуляром, когда в присылаемых грамотах этот важнейший, напрямую связанный с вопросами царского или патриаршего достоинства элемент дипломатического этикета довольно часто воспроизводился неполно или неточно (см.: *Оборнева З.Е.* 1) Переводчик Посольского приказа... С. 51, 53; 2) Переводчики с греческого языка... С. 114, 168 и др.; *Фаузов С.Ф.* Из переписки крымских ханов с русским царем и польским королем. 1654—1658 гг. // *Русская и украинская дипломатия в международных отношениях в Европе в середине XVII в.* М., 2007. С. 444—445).

Таким образом, в результате второго этапа работы над переводами появлялись фактически два, написанные на одном листе или листах документа, созданные двумя лицами и с различающимися в достаточной мере текстами: черновик, выполненный переводчиком, и существенным образом исправленный и отредактированный текст, написанный рукой подьячего над зачеркнутым, который можно рассматривать как второй «приказной» черновик.

На третьем этапе работы трудно читаемые из-за множества исправлений листы переписывались, как правило, уже другими подьячими набело, с учетом всей проведенной редакторско-стилистической правки — в царском и патриаршем титулах, в заключительных частях грамот и т.п. Такие документы допустимо, по нашему мнению, называть первыми беловиками

При этом, если подьячий — писец беловика не понимал произведенную в черновом варианте правку, он оставлял свободные места, куда потом вписывалось необходимое слово или прочитанное неверно исправлялось, но рукой уже совершенно другого лица. Как правило, такой переписанный набело текст читал кто-то из дьяков Посольского приказа и он же проводил повторное, окончательное редактирование. Примером может служить грамота Ивана Петрова Варда Тафрала декабря 1644 г., в первом беловом переводе которой над словами «есть некое оглашение на еретиков, на Люторя и на Кальвина» рукой думного дьяка Г.В. Львова написано «у богомольца царствия вашего у учителя Мелентия» (РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1645 г. № 30. Л. 58), которые в «приказном» черновике следовали чуть далее и в несколько ином контексте.

В том случае, когда перевод документа предназначался для чтения царю или в Боярской думе, о чем вверху первого листа обязательно делалась соответствующая помета, первый беловик с минимальной, но все же присутствующей правкой переписывался еще раз. В текст этого документа, который допустимо назвать вторым беловиком, создававшимся на четвертом этапе работы, никаких посторонних вмешательств уже не допускалось, чтобы руководители Посольского приказа могли четко и без запинки прочитать перевод перед верховными властями. По всей вероятности, именно со второго беловика подьячие переписывали текст и в посольскую книгу. Существование двух беловиков доказывается примером упомянутой выше грамоты Ивана Петрова, русский текст которой сохранился в трех вариантах — написанный рукой подьячего Посольского приказа черновик («переводческий» вариант черновика в деле отсутствует), первый беловик с правкой Г.В. Львова и второй беловик с пометой «государю чтено» (РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1645 г. № 30. Л. 4—28, 51—63, 65—77). О наличии двух беловиков свидетельствуют, как представляется, приведенные З.Е. Оборновой разночтения в русских текстах черновика с исправлениями и «чистовика» из посольской книги челобитной митрополита Никифора от 12 апреля 1640 г.: «великий и пресветлый царь» — «великий и крепкий и пресветлый царь» (*Оборнева З.Е. Переводчики с греческого языка... С. 171*), объяснить которые без существования промежуточного беловика невозможно.

Таким образом, в Посольском приказе в ходе работы над переводами текстов поступавших туда греческих материалов создавались при полном комплексе работ, который в зависимости от политической значимости документа мог сокращаться, например, для чело-

битных по частным вопросам, до одного, изначального, варианта русского текста, четыре взаимосвязанных документа: черновик переводчика → второй черновик с правкой приказного подьячего при участии переводчика → первый беловик с правкой дьяка или думного дьяка → второй беловик без какой-либо правки.

В целом, рассмотрение приемов подготовки греческих документов в Посольском приказе в XVII в. подтверждает высказывавшиеся ранее или в отношении других иноязычных материалов мнение о том, что такие подготовленные в соответствии со стандартами русской делопроизводственной практики, со многими дополнениями, сокращениями или смысловыми изменениями переводы не всегда представляют собой полную и адекватную передачу содержания греческих оригиналов. Поэтому при использовании этих документов для выяснения степени вмешательства в оригиналы приказных служителей и более точного понимания сути первоисточников требуется как проведение сравнительного анализа иноязычных и русских текстов, так и определение всех, сменяющих друг друга этапов работы над ними. Вместе с тем не стоит впадать в другую крайность и пытаться заменить (как это делает, например, С.Ф. Фаизов) работу переводчиков, подьячих и дьяков XVII столетия современными версиями переводов. Необходимо учитывать, что, несмотря на все неточности сделанных приказными служителями различного ранга переводов, именно эти тексты использовались русскими властями при определении основных направлений внешнеполитической деятельности или особенностей отношений с правителями тех или иных зарубежных государств, церковными структурами или отдельными лицами, то есть соблюдать принцип историзма при изучении этих источников.

А.И. Филюшкин

Переводы ливонских документов XVI в. в дипломатической практике России XVI—XVIII вв.

Отношения России с Ливонией зависели от точного перевода дипломатических документов, и именно сфера перевода давала возможности для манипуляций. Хорошо известен описанный Э. Тибергом и В.Е. Поповым казус с переводом договора 1554 г., когда имела место подмена понятий, опиравшаяся как раз на якобы ошибочный перевод. Немецкие переводчики Ганс Фогт и Мельхиор Гротхузен пе-

ревели русское выражение «сыскати дань» (то есть «востребовать ее сбор, выплату») как: «исследовать вопрос о дани»: «denselbigen Zinss untersuchunge thun» («den Tinss undersocken») (Monumenta Livoniae Antiquae. Sammlung von Chroniken, Berichten, Unkunden und anderen schriftlichen Denkmalen und Aufsätzen, welche zur Erläuterung der Geschichte Liv-, Eht- und Kurlands dienen. Riga; Leipzig, 1847. Bd 5. № 184. S. 508—515; *Понов В.Е., Филлюшкин А.И.* Русско-ливонские договоры 1554 г. // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana.* 2010. № 1. С. 109—130). Благодаря этой игре слов получалось, что русский и ливонский списки договоров имели разный смысл: русский содержал недвусмысленную угрозу войны, если Ливония «не исправитца», а ливонский — невинное требование провести юридическое расследование обоснованности требований Москвы выплатить дань. Причем якобы царь сам доброжелательно соглашался принять участие в рассмотрении документов («sine sacke suluest undersocken mith beschickinge syner baden») (*Tiberg E.* Die politik Moskaus gegenüber Alt-Livland: 1550—1558 // *Zeitschrift für Ostforschung.* 1976. Т. 25. S. 577—617; *Понов В.Е.* Ошибка переводчика. Как в Новгороде началась первая война России и Европы // *Родина. Российский исторический журнал.* 2009. № 9. С. 52—53).

Представляется, что обе стороны прекрасно понимали лукавство переводчиков. Но оно было выгодно всем: Ливония получила три года передышки, и ее элиты надеялись, опираясь на договор, перевести конфликт в плоскость юридического спора. Ф. Ниенштедт в своей хронике описывает, как канцлер Дерптского епископа Юрген Гольцшвер планировал просить рейхскаммергерихт объявить дань незаконной, и тем самым заставить Россию играть по законам, регулирующим отношения между землями в Священной Римской империи. Он утверждал, что «уж император поставит московитов в границы» (*Ниенштедт Ф.* Ливонская летопись // *Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края.* Т. IV. Рига, 1881. С. 11—12). Русские же дипломаты уверили царя, что запугали Ливонию и обрисовали для нее страшные перспективы «сыскания дани» в московском стиле. Разница переводов (которую большинство непосредственных участников событий не могла уловить) давала возможности для подобных манипуляций, позволяла каждой стороне действовать в рамках привычных дискурсов.

В 1656—1658 гг. Россия предпринимает вторую попытку проникновения в Прибалтику. Боевые действия разворачиваются в шведской провинции Лифляндия. Дипломаты Алексея Михайловича заинтересовались документами, сопровождавшими Ливонскую войну

Ивана Грозного, происходившую столетием раньше. В частности, они обратили внимание на юридические акты, с помощью которых оформлялось присоединение ливонских земель. Например, по И.В. Курукину, в 1656 г. в Посольском приказе был сделан перевод жалованной грамоты Дерпту, выданной Иваном Грозным в 1558 г. (РГАДА. Ф. 64. Оп. 1. Д. 3. 12 л. Публ.: *Филлюшкин А.И.* Политическая практика московских властей в Ливонии в первые годы Ливонской войны (новые документы) // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2008. № 1(3). С. 77—88. О датировке перевода см.: *Курукин И.В.* К изучению источников о начале Ливонской войны и деятельности правительства Адашева и Сильвестра // *Источниковедческие исследования по истории феодальной России*. М., 1981. С. 36). В переводе грамоты употребляется поздняя титулатура (появляется определение «Полоцкий», которое не могло употребляться в 1558 г., Полоцк был взят только в 1563 г.). Встречаются полонизмы (например, «поспольство» в значении «знатное общество»), что, вероятно, указывает на польское происхождение переводчика.

Примечательно произвольное обращение русской стороны, имевшее место в 1558 г., с исходным немецким текстом. Магистрат Дерпта предъявил список из требований, которые он хотел бы включить в грамоту-договор с новой властью. Из 34 статей в итоговый текст не попало 20 (*Ниенштедт Ф.* Ливонская хроника. С. 20—23). Конечно, это относится не к сфере перевода, а к политико-дипломатической области. Сказывалась разница политических культур: русская сторона равнодушно отнеслась к требованиям свободы вероисповедания и с пониманием — к уточнению экономических прав и условий торговли, зато проигнорировала почти все требования прав и свобод, возможностей образования, свободного суда и поездок для горожан.

В XVIII в. в ходе Северной войны 1700—1721 гг. произошло присоединение Лифляндии и Эстляндии. Оно состоялось в результате безоговорочной военной победы России, но в дипломатическом отношении все обстояло не столь просто, поскольку союзнические отношения с Речью Посполитой предполагали, по крайней мере в первые годы войны (до Альтранштадского соглашения 1706 г.) учет ее интересов в Прибалтике (*Санин Г. А.* Россия и формирование Утрехтско-Ништадтской системы в первой четверти XVIII в. // *От царства к империи. Россия в системе международных отношений. Вторая половина XVI — начало XX века*. М., 2015. С. 113—165). Чтобы чувствовать себя уверенной в дипломатической полемике,

Россия интересовалась юридическими условиями, на которых в XVI в. Польша присоединила Прибалтику. Этот интерес был двойным: во-первых, насколько Речь Посполитая может сейчас предъявить претензии на эти земли, опираясь на Виленские соглашения; и во-вторых — на каких условиях ливонское дворянство и города согласились быть лояльными и войти в состав другого государства.

Это прежде всего II Виленское соглашение 1561 г., с помощью которого был оформлен роспуск ливонской ветви Немецкого ордена, а его земли перешли во владение польской Короны. Известно несколько списков переводов этого соглашения, выполненных в XVIII в. (РГАДА. Ф. 64. Оп. 1. Д. 5. Л. 1—30). Лексика переводов использовала терминологию XVIII в. («кондиции», «туземцы», «супериоритеты [старейшинства], преимущества, достоинства, посессии [владетельства], трансакции [разсцоты], и плебисциты [народные уставы], и иммунтеты») (Там же. Л. 16). Переводчики подбирали слова, предлагали несколько вариантов перевода. Вот, например, как выглядит один из черновых вариантов перевода: «И конечно для сего последнего случая (*далее зачеркнуто* — якоже бывает в десператных делах) яко десператного и бедственного потребно есть (*потребно есть — зачеркнуто, над ним написано* — определено было), дабы об учинении подданства бы поставлено было (*бы поставлено было — зачеркнуто, над ним написано* — соглашатца), и с тем именем общее путешествие (*общее путешествие — зачеркнуто, над ним написано* — посланные.) так от самого предупомянутого князя, как от ординов и градов по (*по — зачеркнуто*) общее путешествие к нам воприяти бы» (Там же. Л. 13 об.).

Отдельно русских дипломатов интересовала курляндская проблема. По отношению с Курляндией составлялись целые подборки документов, причем объединялись договоры за разные годы (РГАДА. Ф. 63. Оп. 1. Д. 1. Л. 1—24). Переводы документов также были востребованы для ориентации в ливонских делах. В 1564 г. составили перечень ливонских городов и замков, в XVIII в. сделали его перевод с транслитерацией названий немецких городов (РГАДА. Ф. 64. Оп. 1. Д. 6. Л. 1—8). В нем давалось несколько вариантов названий на разных языках, например: «Дорпат по литирский Ириев, Феллин по литирский Виллиан, Фалиенав по литирский Мукива, Гови по немецкий Атцель, Голбин по немецкий Сванеборг, Юрьев по немецкий Дорпат, Иварнен по немецкий Ней Костра». Как мы видим, судя по весьма вольной транслитерации, записи делались со слуха. При использовании письменных источников была бы большая закономерность и повторяемость в передаче звуков.

Войны с Ливонией и торговые отношения с Ганзой через Прибалтику были для России XVI—XVIII вв. наиболее регулярными и интенсивными контактами с европейской культурой и европейскими языками. Борьба за Прибалтику, длившаяся полтора столетия, постоянно подогревала интерес к ним. Использование документов времен Ливонской войны в поздних переводах и дипломатической практике заслуживает внимания и дальнейшего изучения.

В.Г. Ченцова

Сивиллино «краеграние» в переводе Николая Спафария

Изучение «издательской деятельности» Посольского приказа в 1670-е гг. давно привлекает внимание исследователей. Подготовка великолепных рукописей, среди которых важное место занимали комментированные переводы с разных иностранных языков, началась с приходом к руководству Посольским приказом А.С. Матвеева. Исследователи рассматривали разные аспекты деятельности сотрудников приказа, участвовавших в подготовке рукописных книг и их украшении, но особый интерес всегда вызывала работа их основного переводчика — Николая Спафария. Молдавский аристократ, ставший политическим изгнанником, приехал в Москву по рекомендации иерусалимского патриарха Досифея II и стал одним из самых востребованных переводчиков с греческого.

Важное место в переводческой деятельности Николая Спафария занимали литературные тексты, имеющие отношение к эзотерическому знанию, в том числе — к предвидению будущего. Не случайно среди первых подготовленных переводчиком в русской столице произведений оказалась «Книга о сивиллях» — древних прорицательницах, пророчества которых в то время были широко известны в западноевропейских странах. Изданный и блестяще прокомментированный выдающимся специалистом по истории русской культуры О.А. Белобровой, этот перевод не случайно продолжает привлекать внимание в особенности специалистов по изучению влияния западноевропейской культуры на московское общество XVII в. Ведь одним из наиболее интересных аспектов этой темы является выявление источников тех текстов, которые благодаря переводам стали частью русской культурной традиции. Далеко не все источники переводов Николая

Спафария (в том числе и «Книги о сивиллях») установлены, а вопрос о составе условных «библиотек», которыми пользовались при работе московские переводчики, до сих пор недостаточно изучен.

Текст «Книги о сивиллях» был завершён 1 октября 1672 г., а затем каллиграфически переписан, украшен и преподнесен царю Алексею Михайловичу в апреле 1673 г. (*Николай Спафарий*. Эстетические трактаты. Л., 1978. С. 6). Работа над рукописью шла в сотрудничестве с подьячим Петром Долгово, а затем, на окончательном этапе подготовки парадного «издания» манускрипта, в нее включились писец-каллиграф Иван Верещагин и художник Богдан Салтанов (*Кудрявцев И. М.* «Издательская» деятельность Посольского приказа. К истории русской рукописной книги во второй половине XVII в. // Книга. Исследования и материалы. Сб. 8. М., 1963. С. 198—200). «Подносной» экземпляр «Книги», предназначенный для царя, хранится в настоящее время в Российской государственной библиотеке (ОР РГБ. Собрание Румянцева. Ф. 256. № 227: «Книга о сивиллях, колика быша и киими имяны и о предречении их»; *Восток А.Х.* Описание русских и славенских рукописей Румянцевского музеума. СПб., 1842. № 227. 281—282. См. также: *Сахаров И.П.* Сказания русского народа. Русское народное чернокнижие. Русские народные игры, загадки, присловья и притчи. СПб., 1885. С. 152—171).

Сочинение, которое готовилось Николаем Спафарием в одно время с другой книгой о древних пророчествах и их истолкованиях, «Хрисмологионом», продолжало важную и для переводчика, и для его московского окружения (прежде всего — А.С. Матвеева) тему о предвидении будущих судеб мира. Предсказания истинных пророков, даже если это были языческие сивиллы, противопоставлялись в нем нечестивым «волхвующим» и ложным оракулам. Хотя пророчества всех двенадцати сивилл посвящены будущему боговоплощению, рождеству Христову, в «Книге о сивиллях» имеется несколько довольно значительных вставок, касающихся также и предсказаний о падении Константинополя вначале «от италианов и французов», а затем в результате нашествия «турков» (*Николай Спафарий*. Эстетические трактаты. С. 72—74, 78, 83—84).

Привлек Николая Спафария и знаменитый текст акростиха Эритрейской сивиллы, «сивилли преславной», известной тем, что она стала единственной, кто «сице явно Спасителя нашего пришествие и последний суд объяви» (Там же. С. 66. Рукопись: ОР РГБ. Собрание Румянцева. Ф. 256. № 227. Л. 45об.—49). Акростих-«краеграние» вызывал у него проблемы с переводом и недовольство самим «славенским языком»: если в греческом и латинском языке «тое краеграние

от тех стихов собирается», то «на славенский же язык тому быти невозможно скудости ради стихомерения», а также «множества ради славенских писмен в тех речениях» (Там же. С. 66, 68). Переводчик решил, что из-за этих особенностей «славенского языка» не сможет, передав смысл акростиха, одновременно сложить из начальных букв каждой строки слово, получавшееся в греческом. По-гречески из первых букв стихов составлялась целая строка, в которой читалось божье имя: Ἰησοῦς Χριστός, Θεοῦ υἱός, σωτήρ, σταυρός. При этом из начальных букв первых пяти слов акростиха, в свою очередь, выходил акроним имени Христа — ἰχθύς («рыба»). Это вынудило переводчика скопировать оригинал текста, «яко да яснейшее разумение о тайне пришествия Спасителя нашего будет». Без греческого оригинала оставалось бы неясным, как получается знаменитый акростих, что и было объяснено им в комментарии к переводу: «Обаче между всех стихов ея 33 стихи иройстии суть преславнии, иже во своем имени первое краеграние собирает на греческий язык 5 писмен греческих: ἰχθύς, сиречь рыба... Второе же краеграние, еже собирается от коегождо начала тех 30 и 3-х стихов на греческий язык, тая имена слагает: Ἰησοῦς Χριστός, υἱός Θεοῦ, σωτήρ, σταυρός, сиречь Иисус Христос, Сын божий, Спаситель, крест» (Там же. С. 66. Подобные же проблемы возникали и у латинских переводчиков акростиха: *Brocca N. La tradizione della Sibilla Tiburtina e l'acrostico della Sibilla Eritrea tra Oriente ed Occidente, tardantichità e Medioevo: una «collezione» profetica? // L'Antiquité tardive dans les collections médiévales. Textes et représentations, VIe—XIVe siècle. Rome, 2008. P. 228—234*). Размещенный параллельно греческому тексту, русский перевод сохранял, таким образом, лишь его общий смысл. Акростих же в стихотворных строках и его превращение в акроним ἰχθύς можно было увидеть в скопированном оригинале.

Загадочные слова Эритрейской сивиллы были хорошо известны с древности: на них ссылался и Августин, и раннехристианские авторы (*Raybould R. The Sibyl Series of the Fifteenth Century. Leiden; Boston, 2016. P. 24—43*). Популярность текстов оракулов сивилл на Западе в XVI столетии позволила даже назвать это время «веком сивиллы» (*Schiano C. Il secolo della Sibilla. Momenti della tradizione cinquecentesca degli «Oracoli Sibillini». Bari, 2005*). Таковым он стал благодаря появлению и распространению первых печатных изданий текста пророчества Эритрейской сивиллы, которое наравне с IV-ой эклогой Вергилия считалось важнейшим предсказанием грядущего Боговоплощения (*Lightfoot J. L. The Sibylline Oracles. With Introduction, Translation, and Commentary on the First and Second Books. Oxford, 2007. P. IX, 87*).

В 1599 г. в Париже был опубликован полный сборник пророчеств древних сивилл и известий о них, составленный по «древним рукописям». Его издателем был немецкий ученый Иоганн Кох, известный под именем Опсопеуса, а книга так и называлась: *Σιβυλλιακοὶ Χρησμοί*, *Nos Est Sibyllina Oracula ex vet(eribus) cod(icibus) aucta, renovata, et notis illustrata a D. Iohanne Opsopaeo Brettano. Cum interpretatione latina Sebastiani Castalionis et indice. Parisiis, Cum privilegio Regis, 1599 (=1607)*. Включенный в «Пророчества сивилл» текст акростиха (Ibid. P. 436, 439) был заимствован издателем из сочинения Евсевия Памфила, епископа Кесарийского. В приписанном древним историком самому Константину Великому «Слове» (*Oratio ad sanctorum coetum / Λόγος τῷ τῶν ἁγίων συλλόγῳ*, сар. 18) содержалось истолкование загадочных стихов Эритрейской сивиллы, жрицы Аполлона. В тексте рассказывается, как сивилла внезапно оказалась исполнена истинного божественного вдохновения и предрекла рождение Христа «начальными буквами стихов». В самих же стихах пророчица предсказала наступление Судного дня, описав апокалиптическую картину конца времен, во время которой люди узрят Бога.

Текст Евсевия начал широко распространяться раньше, чем «Пророчества сивилл», — он был издан в Париже уже в 1544 г. знаменитым королевским типографом Робером Этьеном (*Ἐκκλησιαστικῆς ἱστορίας Εὐσεβίου τοῦ Παμφίλου ἐπίσκοπου Καισαρείας τῆς Παλαιστίνης βιβλία ι΄. Τοῦ αὐτοῦ εἰς τὸν βίον τοῦ μακαρίου Κωνσταντίνου βασιλέως λόγοι ε΄ etc. Ecclesiasticae historiae Eusebii... lib. X. Eiusdem de vita Constantini lib. V. Socratis lib. VII. Theodoriti episcopi Cyrensis lib. V. Collectaneorum ex historia eccles. Theodori lectoris lib. II. Hermii Sozomeni lib. IX. Euagrii lib. VI. Lutetiae Parisiorum: Ex officina Roberti Stephani typographi Regii, Regiis typis, 1544. Fol. 165r*). После этого акростих Эритрейской сивиллы многократно воспроизводился как в разных изданиях Евсевия, так и в «Пророчествах сивилл».

Но мог ли Николай Спафарий при работе над текстом своей «Книги о сивиллах» воспользоваться одним из появившихся к тому времени многочисленных изданий акростиха? Имелись ли «Пророчества» или сочинения Евсевия в московских библиотеках или среди принадлежавших ему книг? Нельзя ли попытаться выявить источник его переводов?

Сопоставление греческого текста, переписанного вместе с его русским переводом в «Книге о сивиллах», с изданием Иоганна Коха, позволило отметить некоторые мелкие различия в передаче текста, и

одно весьма существенное — пропуск строки, немного нарушающей акrostих (пропущена была строка, которая в «Пророчествах» шла после 8-ой: «Ἐγκαύσει δὲ τὸ πῦρ γῆν, οὐρανὸν, ἠδὲ θάλασσαν» / «Огонь сожжет землю, небо и море» (Σιβυλλιακοὶ Χρησμοί. Ρ. 436). В результате акrostих получался лишь «фонетическим», поскольку слово «Христос» из начальных букв следующих друг за другом строк оказывалось написанным не как «Χριστός», а как «ΧΡΕΙΣΤΟΣ». Мелкие различия имеются также между греческим текстом акrostиха в рукописи «Книги» Николая Спафария и в изданиях Евсевия, а некоторые отличают ее от всех печатных изданий. Так, например, передача строки 30 в «Пророчествах» (Ἵδασι φωτίζον πιστοὺς ἐν δώδεκα πηγαῖς) и в изданиях Евсевия (Ἵδασι φωτίζων πιστοὺς ἐν δώδεκα πηγαῖς) не соответствует тексту этой строки в «Книге о сивиллях»: Ἵδασι φωτίζων κλητοὺς ἐν δώδεκα πηγαῖς / «Просвещая водою избранных чрез 12 источников», т. е. «званных», а не «просвещая верных» (Νικολαῖ Спафарίη. Эстетические трактаты. С. 67; Σιβυλλιακοὶ Χρησμοί. Ρ. 439; Ecclesiasticae historiae Eusebii... fol. 165r; Οἱ τῆς ἐκκλησιαστικῆς ἱστορίας συγγραφεῖς ἑλληνικοί. Historiæ ecclesiasticæ scriptores Græci. Eusebii, cognomento Pamphili, Caesareae Palastinae episcopi, Historiæ ecclesiasticæ libri X. Eiusdem de vita Constantini magni, lib. III etc. Coloniae Allobrogum, Excudebate Petrus de la Rouiere, 1612. Ρ. 436).

Самое же заметное отличие текста Николая Спафария от изданий Евсевия и «Пророчеств сивилл» Коха заключается в словах, предшествующих собственно «краегранию». В печатных изданиях оно почти одинаково: «Однажды, будучи введена в святилище нелепого своего богослужения и исполнившись действительно божественным вдохновением, она (сивилла — В. Ч.) предрекла стихами будущее в отношении к Богу и ясно высказала историю пришествия Иисуса начальными буквами стихов, или так называемым акrostихом. Этот акrostих следующий: Иисус Христос, Сын божий, Спаситель, крест. Вот ее слова...» / Αὕτη τοίνυν εἶσω τῶν ἀδύτων ποτὲ τῆς ἀκαίρου δεισιδαιμονίας προαχθείας καὶ θείας ἐπιπνοίας ὄντως γενομένη μεστή, δι' ἐπῶν περὶ τοῦ Θεοῦ τὰ μέλλοντα προεθέσπισε, σαφῶς ταῖς προτάξεισι τῶν πρώτων γραμμάτων, ἧτις ἀκροστιχίς λέγεται, δηλοῦσα τὴν ἱστορίαν τῆς τοῦ Ἰησοῦ κατελεύσεως. Ἔστι δὲ ἡ ἀκροστιχίς αὕτη· Ἰησοῦς Χριστός, Θεοῦ υἱός, σωτήρ, σταυρός. Τὰ δ' ἔπη αὐτῆς ταῦτα... (Ecclesiasticae historiae Eusebii... fol. 164v; Σιβυλλιακοὶ Χρησμοί... Ρ. 436. Сравн.: Historiæ ecclesiasticæ scriptores Græci. Eusebii... Historiæ ecclesiasticæ... Ρ. 436). Вместо этого Николай Спафарий переписал по-гречески иные вводные слова и краткий заголовок, переведя его и назвав сло-

ва сивиллиного акростиха «стихи иройстии», т. е. «героические стихи»: «Сивилля Ерифреа. Стихи сивилли Ерифреи о Господе нашем Иисусе Христе, в них же именуется краеграние сие: Иисус Христос, Божий Сын, Спасителя крест / Σιβύλλα Ἐρυθραία. Στίχοι σιβύλλας τῆς Ἐρυθραίας περὶ τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, ἔχοντες ἀκροστιχίδα τὴν δεῖ Ἰησοῦς Χριστὸς Θεοῦ υἱός, σωτὴρ, σταυρός. Στίχοι ἠρωικοὶ (Николай Спафарий. Эстетические трактаты. С. 66).

«Стихи иройстии», по словам переводчика, были им переписаны из «древняя харатейныя книги эллинския». Так Николай Спафарий называл в «Хрисмологионе» рукопись, с которой были переведены вошедшие в его сочинение «стихи иамвийстии», ямбы, с древними пророчествами. Фрагменты этой утраченной пергаменной рукописи удалось отождествить с сохранившимися в Отделе рукописей ГИМ «Фрагментом Уварова» (Муз. 3629. Л. 1—6) — частью так называемой «Всемирной хроники» Франческо Бароцци, известной по ее венецианскому списку под названием «Слово Мефодия Патарского о царстве народов» (Τοῦ ἐν ἀγίοις πατρὸς ἡμῶν Μεθοδίου ἐπισκόπου Πατάρων λόγος (sic) ἠκριβωμένος περὶ τῆς βασιλείας τῶν ἐθνῶν: Marc. gr. VII. 22 [Coll. 1466]). Оба манускрипта, московский и хранящийся в венецианской библиотеке Марчиана, были переписаны и украшены миниатюрами известным греческим писцом и художником Георгием Клонцасом ок. 1590—1592 г. (*Tchentsova V. L'eschatologie byzantine dans la pensée historique à la cour d'Alexis Romanov : Paisios Ligaridès, Nicolas le Spathaire et Francesco Barozzi // Écrire et réécrire l'histoire russe d'Ivan le Terrible à Vasilij Ključevskij (1547—1917). Paris, 2013. P. 41—51; Ченцова В. Г. Паисий Лигарид, Николай Спафарий и Франческо Бароцци: эсхатологические идеи при дворе царя Алексея Михайловича // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2014. № 1 (55). С. 69—82. Предположение, что в основе текста «Хрисмологиона» Николая Спафария лежит не рукопись Клонцаса, а неизвестный «кодекс XVI в.», подаренный царю антиохийским патриархом Макарием, сделано Н.П. Чесноковой: Поствизантийские политические сочинения в России XVII века // Бибииков М.В., Родионов О.А., Чеснокова Н.П. Византийские традиции и славянские тексты поствизантийского периода. М., 2015. С. 149—150, 158—159).*

Сравнение текста «краеграния» из «Книги о сивиллях» с текстом венецианской рукописи «Хроники» — близнеца московского списка — позволило сразу же обнаружить тот текст «введения» Николая Спафария, который отсутствует во всех изданиях акростиха: «Ἦρωελεγεῖον. Συβήλα ἢ Αἰρυθραία. Στίχοι συβήλας τῆς Αἰρυθραίας περὶ

τοῦ Κ(υρίου)υ ἡμῶν, ἔχοντες ἀκροστιχίδα τὴν δὲ Ἰησοῦς Χ(ριστός), Θεοῦ υἱός, σωτήρ, σταυρός» (Marc. Gr. VII. 22. fol. 203v). Впрочем, «ученое» слово «ἤρωελεγεῖον», то есть гекзаметр, «героический размер» стиха, Николай Спафарий предпочел упростить, назвав текст сивиллинского прорицания «στίχοι ἡρωικοί» — «героические стихи». Сам текст «героических стихов» («краеграния») рукописи «Книги о сивиллях» почти до мельчайших деталей орфографии соответствует тексту, который обнаруживается в «Хронике» Бароцци (Marc. Gr. VII. 22. Fol. 203v—204r). Исключение представляет собой стк. 10, в которой в отличие от венецианской рукописи чтение ближе к «Пророчествам сивилл»: Σὰρξ πάσα τότε βροτῶν (вместо νεκρῶν в изданиях Евсевия и Marc. Gr. VII. 22. Fol. 203v) εἰς ἐλευθέριον φάος ἤξει / «Свету ко свободному всякая плоть мертвых тогда придет»). Сравнение греческих рукописных текстов венецианского манускрипта и «Книги о сивиллях» (ОР РГБ. Ф. 256. № 227. Л. 45об., 46об., 47об., 48об.) свидетельствует о том, что переписчик акростиха порой пытался воспроизводить (возможно, машинально) даже особенности некоторых форм букв в том виде, в котором они были написаны рукой Георгия Клонцаса.

Сравнение текста «Хроники» Франческо Бароцци с текстом «краеграния» сивиллы «Ерифрей» в переводе Николая Спафария свидетельствует, таким образом, о том, что он воспользовался как источником «харатейной» (пергаменной) рукописью московского «Фрагмента Уварова» еще в то время, когда она существовала в полном виде. Перевод «Книги о сивиллях» дополняет «Хрисмологион», который готовился одновременно с ней, и в котором переводчик также вспоминает о прорицательнице, предсказавшей Христа: «Сего ради един Бог, един всех отец есть, един властвующий над всеми, яко поет и Виргилий творец. Прежде же его Сивилла во своих стихах глаголет: аз есмь Бог, и несть ин Бог» (РНБ. Эрм. 27. Л. 105—105об.).

Л.А. Черная

Принципы перевода зарубежной литературы в петровское время

Как известно, трансфер западноевропейской культуры в Россию при Петре Великом не просто возрос в объеме, но претерпел также и существенные качественные изменения. Большинство этих перемен было не только инициировано самим царем, но и отражало его требования к

внедряемым в русскую жизнь новациям. Издание книг, переведенных с иностранных языков, было приоритетной задачей преобразователя, поэтому множество источников содержит информацию об активном вмешательстве и даже диктате Петра I в этой области культуры.

Роль Петра Великого в формировании новых принципов перевода светской зарубежной литературы трудно переоценить. Монарх постоянно указывал, **что** переводить и **как** переводить, выбирал сочинения для перевода, назначал переводчиков, контролировал ход их работы, торопил, заставлял переделывать текст перевода, требовал разъяснений методики перевода в предисловии к изданию и т.п. Так, например, в письме И.А. Мусину-Пушкину Петр I запретил издавать первый неудачный перевод «Разговоров дружеских Дезидерия Ерасма» [Эразма Роттердамского — Л.Ч.]: «За скоростию времени или за неискусством переводчиков переведены гораздо плохо, того ради более печатать не велите. Велите хорошенько выправить и выправя, одну пришлите нам письменную» (*Пекарский П.П.* Наука и литература при Петре Великом. Т. 2. СПб., 1862. С. 261—262)

Петр Великий не всегда вмешивался в переводы религиозной литературы, считая это делом Церкви, хотя посылал в Синод указы о переводе книг и постоянно привлекал к переводам светской литературы образованных священнослужителей. Из более чем 600 изданий петровского времени только 48 носили сугубо религиозный характер. Многие из этих изданий были посвящены естественнонаучной или технической тематике, многие носили учебный характер. А вот это дело царь считал «своим» от начала до конца, от общего замысла («сенса», по выражению Петра I) до мельчайших деталей. Сохранилась собственноручная правка царем корректурных экземпляров «Геометрии славенски землемерие», «Книги Марсовой», «Благодарственной всенощной за победу при Полтаве» Феофилакта Лопатинского, «Объявления, коим образом асамблеи отправлять надлежит» и др. Сохранились многочисленные распоряжения и указания великого государя, срочно перевести то или иное произведение. Ссылки на подобные распоряжения царя содержит переписка главы Монастырского приказа И.А. Мусина-Пушкина с главой Печатного двора Ф.П. Поликарповым. Так, в 1709 г. «великий государь указал перевести реторику с латинского или греческого языка на руской язык, о сем донести преосвященному митрополиту, чтоб приказал учителем и отцу Лопатинскому» (*Брюханова Г.В.* «Управляй, не мешкав, о печати книг...» (*Переписка И.А. Мусина-Пушкина с Ф.П. Поликарповым*) // Книга. Исследования и материалы. Сб. 73. М., 1996. С. 229).

Первой задачей Петра Великого и его помощников в области переводов было преодоление традиционно-средневекового неприятия иностранных книг. Издавая в 1704 г. «Лексикон треязычный», Федор Поликарпов вопрошал в предисловии: «Узревши сию книгу, мним, яко помыслиши: Что се ныне видим невиденное, новое, ненужное и бесполезное». И сам же себе отвечал: «Еже убо веру нову странну и нашему греческому благочестию противную кому держати или учити, сие дело токмо вредно, бедно, но и богопротивно», но если нет чужих вероучений, то читатель должен оценить «пользу своему разуму», содержащуюся в публикуемом издании (Лексикон треязычный. М., 1704. Л. 5). По прошествии 13 лет Петр Шафиров отмечал в предисловии к своему «Рассуждению... какие законные причины... к начатию войны...», что уже прошло то время, когда чтение иностранных книг «боле в зазор, нежели за искусство почитано было» («Рассуждение... какие законные причины...». СПб., 1717. Л. 5). Его поддерживал автор перевода «Полидора Вергилия Урбинского осмь книг о изобретателех вещей»: «читаем книги различны не токмо сих именем христианским красящихся, но и древних еллинов, и египтян, и персов, и прочих истории, не да веруем им, но да ведаем творимая у них; и да явимся искусни во обхождениях их» («Полидора Вергилия Урбинского осмь книг о изобретателех вещей. М., 1720. Л. 2 об.). Переводчик же книги Вильгельма Стратемана «Феатрон, или Позор исторический» иеромонах и префект Славяно-греко-латинской академии Гавриил Бужинский выражался осторожнее: «подвигнути тя к ненавидению книжицы сея может оное обыкновение, еже книг иностранных не читати. Прехвальный есть сей обычай, но с рассуждением: имамы полная свидетельства отцев святых, иже не токмо в христианских, но и в языческих книг чтении обучатися повелевают, но тако яко яже ко злым нравам влекут и их студодееням учат, отвращати очеса повелевают» («Феатрон, или Позор исторический» СПб., 1720. Л. 6). Столь традиционное недоверие русского читателя к переводной книге Гавриил Бужинский объяснял тем, что она содержала лютеранские положения, поддерживаемые монархом и не разделяемые православной Церковью. Его задача была именно в том, чтобы переубедить традиционалистов, сославшись и на авторитет святых отцов, и на парадигму Нового времени — «рассуждение», основанное на «здравом разуме». Конечно, даже к концу царствования Петра Великого неприятие иноверческой литературы и догматов оставалось в массе православных читателей. Но будучи сторонником петровских преобразований, Гавриил Бужинский, прославившийся своей эмоциональной проповедью в 1717 г. «В похвалу Санкт-Петербурга и его ос-

нователя...», справедливо полагал, что число людей, способных «здро­во рассуждать» резко возросло по сравнению с XVII столетием. С таким же призывом — «здро­во рассуждать» — обращались к читателям переводчики и авторы «Введения во всякую историю европейскую чрез Самуила Пуфендорфия...», «Лексикона трехязычного», «Полидора Виргилия Урбинского осмь книг о изобретателех вещей» и др.

Следует четко разделять неприятие иностранной религиозной литературы и восприятие светской зарубежной книжности. Опасность перевести «кошунные» и «еретические речи» заставляла переводчиков не давать в русском переводе те части книги, которые содержали изложение догматов католической, протестантской церковей или же критику православных догматов. Так поступил, в частности, переводчик сокращенного варианта «Деяний церковных и гражданских» Барония в 1719 г. Уже в самом заглавии издания пояснялось: «преведеная с полскаго языка на славенский кроме явных с церковью православною восточную противностей римских у Барония и Скарги обретающихся».

Другой принцип перевода внедрялся сторонниками петровских преобразований, в том числе, в среде священнослужителей. Он состоял в том, чтобы переводить и публиковать переводное сочинение полностью, независимо от его «противностей». Вот тут и звучали призывы к читателю «здро­во рассуждать», отсеивая самостоятельно еретические догматы. Этот принцип перевода исповедовал, например, Гавриил Бужинский, о чем он писал прямо в предисловии к своему переводу «Введения в историю европейскую...»: «вся в переводе тако от меня положенна, яко от самаго автора написанная суть, того ради, да не отменяя авторовы словеса, возмнит мя инии книгу себе и своему сложению присвояти» (Введение в историю европейскую чрез Самуила Пуфендорфия... СПб., 1718. С. 8). В данном пояснении Гавриила Бужинского просматривается и формирующееся правосознание переводчика, исходящее из постулата неприкосновенности авторского текста и боязни искажения смысла, заложенного автором.

Но, с другой стороны, преобразователя раздражали «лишние разговоры», встречающиеся в иностранных книгах, которые не помогали понять «сенс», а уводили в сторону или затрудняли понимание текста. Особенно в этих «излишних разговорах» он обвинял немецких авторов. Именно поэтому при переводе научно-технической литературы Петр Великий ставил задачу сокращать переводимый текст, взяв за правило, чтобы «книги переложены были без излишних рассказов, которые время только тратят и чтущим охоту отъе­млют» (*Воскресенский Н.А.* Законодательные акты Петра I. Т.1. М.; Л., 1945. С. 148).

Второй задачей, поставленной Петром Великим перед переводчиками, было освоение «простого русского языка» без «высокого штиля». В силу того, что основная масса переводных сочинений носила научно-технический характер и предназначалась для обучения, переводчик должен был не просто передать текст иностранной книги, а разъяснить его смысл так, чтобы русский читатель понял его адекватно. Именно поэтому Петр I требовал: «Не надлежит речь от речи хранить в переводе [т.е. переводить дословно — *Л.Ч.*], но точию сии выразумев, на свой язык уж так писать, как внятнее... и не высокими словами словенскими, а простым русским языком» (*Пекарский П.П.* Наука и литература при Петре Великом. Т.1. СПб., 1862. С. 227). Из-за «штиля» был забракован царем первый вариант перевода «Географии генеральной» Бернхарда Варена, сделанный Федором Поликарповым. И.А. Мусин-Пушкин в письме Ф.П. Поликарпову опять-таки просил: «исправь хорошенько, не высокими словами славенскими, но простым русским языком... Посольского приказу употреби слова» (Черты из истории книжного просвещения при Петре Великом. Переписка директора Московской Синодальной типографии Федора Поликарпова с начальником Монастырского приказа гр. И.А. Мусиным-Пушкиным. (1715—1717) // Русский архив, издаваемый при Чертковской библиотеке. 1868. № 7—8. Стб. 1054—1056). В предисловии к исправленному варианту Поликарпов писал, что книга переведена «не на самый высокий славенский диалект», и что он «многие гражданско-го посредственного употреблял наречия». Там же переводчик каялся в своем несовершенном творении, сравнивая себя с «худым кораблем» (*Бернхардус Варениус.* География генеральная... М., 1718. Л. 3—4).

Принципы перевода научной и учебной литературы вырабатывались постепенно, в ходе практической работы, путем проб и ошибок. Только к концу царствования у Петра Великого сформировалась цельная концепция переводческой деятельности, изложенная им в указе 1724 г.: «Для перевода книг зело нужны переводчики, а особливо для художественных [научных — *Л.Ч.*], понеже никакой переводчик, не имея того художества, о котором переводит, перевести то не может; того ради заранее сие делать надобно таким образом: которые умеют языки, а художеств не умеют, тех отдавать учиться художествам; а которые художества, а языку не умеют, их послать учиться языком; и чтоб все из русских или иноземцев, кои здесь родились, ...понеже на свой язык переводить легче, нежели с своего на чужой» (*Воскресенский Н.А.* Законодательные акты Петра I. Т. 1. М.; Л., 1945. С. 148). Там же подчеркивались и

принципы перевода: внятно, простым русским языком, без «излишних рассказов».

Вообще-то круг переводчиков, избираемых для этой работы самим царем, складывался с самого начала его правления уже с учетом этих требований. Якову Брюсу, руководившему артиллерийским делом и интересовавшемуся астрономией, математикой, географией и пр. науками, как правило, поручались переводы, связанные или непосредственно с его деятельностью, или с его научными интересами. Я. Брюс переводил очень много и постоянно, при этом сохранились свидетельства о том, что Петру I всегда нравились его переводы. Среди переведенных им трудов значатся: Э. Браун «Новейшее основание и практика артиллерии», Бухнер З. «Учение и практика артиллерии», Кугорн Э. «Новое крепостное строение», «Геометрия словенски землемерие», Гибнер «География», Влакк «Таблицы синусов, тангенсов и секансов», Гюгнер И. «Земноводного круга краткое описание», Гюйгенс Х. «Книга мирозрения, или Мнение о небесноземных глобусах и их украшениях» и др. В предисловии к книге Х. Гюйгенса, содержащей «крамольную» мысль о гелиоцентрической системе, Брюс изложил и свои представления о том, как надо работать при переводе научной книги. Он подчеркивал, что стремился «полнее передать мысль ученого и, по возможности, сохранить манеру его» (См.: *Филимон А.Н.* Яков Брюс. М., 2013. С. 150). Якова Вилимовича Брюса можно назвать главнейшим переводчиком петровской эпохи.

В 1714 г. Петр Великий поручил Конону Зотову, знавшему иностранные языки и морское дело, «все, что ко флоту принадлежит, на море и в портах сыскать книги... и все перевести на славенский язык нашим стилем, а за их штилем не гнаться» (*Пекарский П.П.* Наука и литература при Петре Великом. Т. 1. СПб., 1862. С. 157).

Трудились на поприще переводов также А.А. Виниус, В.Н. Татищев, Ф.П. Поликарпов, П.М. Шафиров, Никита Зотов, Гавриил Бужинский, Фефилакт Лопатинский и многие другие. Не все справлялись с трудностями перевода, порой Брюсу поручалось проверить и отредактировать перевод, да и сам Петр I, как уже говорилось, делал то же самое.

Таким образом, новые принципы перевода были связаны, прежде всего, с потребностями в переводе светской научной и учебной литературы, предназначенной по большей части для учащихся. Практические цели освоения достижений европейской науки диктовали и требования к переводу иностранной литературы на русский язык.

Переводы «Слов Иоанна Дамаскина о иконах» в русской традиции

Частое упоминание «Слова» или «Слов» Иоанна Дамаскина о иконах («на иконы») на протяжении долгого времени создавало у исследователей ощущение ложной ясности: автоматический перенос современного представления о корпусе сочинений выдающегося богослова VII—VIII вв. в контекст древнерусской книжной традиции привел в итоге к накоплению ошибок и предположений, не подкрепленных источниками. Данная работа представляет собой попытку разобраться в том, когда и какие сочинения Иоанна Дамаскина о иконах стали доступны русским читателям средневековья и Раннего Нового времени (вплоть до конца XVII в.).

В обширном наследии Иоанна Дамаскина тема иконопочитания и его защиты возникала несколько раз. Прежде всего, в особой небольшой главе «Точного изложения православной веры», части главного богословского труда Иоанна — «Источника знаний». Помимо этого, он написал три слова «Против порицающих святые иконы»: первые два слова носят полемический характер, третье, скорее, догматический (Три слова в защиту иконопочитания. Пер. А. Бронзов. СПб., 2001). Если «Точное изложение православной веры», частично и под заглавием «Небеса», было переведено впервые Иоанном Экзархом Болгарским в конце IX в., и это сделало главу «О иконах» доступной всем, читающим на древнеславянском языке (история этой книги в России в настоящее время является предметом исследований О.С. Сапожниковой), то со «Словами» ситуация была иная. На латинский язык они были переведены только в XVI в., а русский перевод опубликован впервые в приложении к московскому изданию «Исповедания» Петра Могилы в 1696 г. В таком случае, на какое «Слово Иоанна Дамаскина о святых иконах» ссылались древнерусские книжники? На протяжении долгого времени исследователи полагали, что существовал некий ранний перевод одного из Трех слов Иоанна Дамаскина, или одного из них. Недоразумения усиливаются и одновременно начинают рассеиваться, когда приводят полное название этого загадочного «Слова»: «Слово о святых и честных иконах ко всякому христианину и к цесарю Константину Кавалину и о вся еретики». Оно, действительно, известно в русской рукописной традиции с XV в. и последовательно атрибутируется в ней Иоанну Дамаскину. Под его именем оно вошло в «Тор-

жественники» в Неделю Торжества православия, и так же было издано на Московском Печатном дворе в Сборнике о почитании икон 1642 г. и Сборнике 1647 г. — в этих двух изданиях оно помещено рядом с главой о иконах из «Книги Небеса» (т.е. из славянской и русской редакций «Точного изложения православной веры»). Удивительно, но исследователи русской и славянской книжности зачастую не знают факта, общеизвестного среди византинистов: «Послание Константину Кавалину» является псевдо-эпиграфом. Это сочинение, обращенное к византийскому императору-иконоборцу VIII в. Константину V (Кавалину или Копрониму), на самом деле, было анонимным памятником, оно отличается по тексту и набору аргументов от сочинений Иоанна Дамаскина и нигде, кроме средневековой и современной русской традиции, Иоанну не приписывается. Досадная настойчивость в этой ложной атрибуции вызывает некоторое недоумение. Однако, анализируя древнерусские сочинения вплоть до середины и второй половины XVII в. мы должны отдавать себе отчет в том, что ссылка на «Слово Дамаскина о святых иконах» означает, в действительности, либо упоминание соответствующей главы из «Книги Небеса», либо Псевдо-Дамаскина «к Константину Кавалину», появившемуся в русской рукописной традиции с XV в. — о контекстах подробнее речь пойдет в докладе.

Кроме того, средневековые русские книжники иногда приписывали Иоанну Дамаскину «Послание к императору Феофилу о святых иконах», однако, как убедительно показал Д.Е. Афиногенов, это послание IX в., на Руси в переводе известное обычно в особой редакции как «Многосложный свиток», к умершему едва ли не за сто лет до написания текста Иоанну Дамаскину отношения тоже не имеет (*Афиногенов Д.Е. «Многосложный свиток» — славянский перевод Послания трех восточных патриархов императору Феофилу // Богословские труды. Вып. 45. М., 2013. С. 238—271*). В данном случае следует отметить, что ложная атрибуция Иоанну Дамаскину была не постоянной, и современными исследователями поддерживается крайне редко и исключительно по причине незнания историографии.

Таким образом, перед нами встают следующие задачи.

Первая: проанализировать круг представлений древнерусских книжников о мнении Иоанна Дамаскина о святых иконах и проследить, когда и как появляются и включаются в оригинальные богословские и полемические «сборники» глава о иконах из «Книги Небеса» и «Слово» к Константину Кавалину, вплоть до издания комплекса на Печатном дворе в 1640-е гг., включая анализ редакторской обработки текстов (важная часть такой работы была сдела-

на в статье: *Чумичева О.В.* Киев и Москва в борьбе с протестантским влиянием: две книги в защиту иконного образа (конец XVI — первая половина XVII в.) // *Православие Украины и Московской Руси в XV—XVII веках: общее и различное.* М., 2012. С. 58—69).

Вторая: сравнить аргументы самого Иоанна Дамаскина и Псевдо-Дамаскина и их отражение в русских сочинениях в защиту иконопочитания вплоть до середины XVII в., но, в основном, в XVI в., когда эта полемика приобретает немалую остроту.

Третья: проанализировать историю перевода Трех слов Иоанна Дамаскина до их издания в Москве в 1696 г. в книге, восходящей к киевской ученой богословской традиции. Необходимо понять, учитывались ли Три слова Иоанна Дамаскина в полемической литературе Юго-Западной Руси в XVI и начале XVII в., в частности в рукописных и печатных сборниках и статьях в защиту икон. Нам неизвестны списки каких-либо ранних переводов Трех слов, однако это не отменяет необходимости проследить, имели ли они прямое или косвенное влияние на авторов, владевших латинским языком (на который Три слова уже были переведены), а зачастую и греческим. Наконец, важно понять, являлся ли перевод, изданный в 1696 г. «киевским» и адаптированным к московскому языку, или был выполнен московскими переводчиками в качестве дополнения к сочинению Петра Могилы.

Главный результат данного исследования: определение нескольких этапов переводов и адаптации переводной литературы в защиту иконопочитания (в данном случае — сочинений Иоанна Дамаскина) в славянской и древнерусской традиции; установление круга представлений до середины XIV в., затем со второй половины XIV в. до начала XVII в., затем анализ деятельности югозападнорусских книжников и Московского Печатного двора в конце XVI — первой половине XVII в., и, наконец, обзор переводов и изданий второй половины XVII в. Такая хронологическая картина удобна для анализа переводов Иоанна Дамаскина (и Псевдо-Дамаскина), но включает и предварительные результаты исследования по другим переводным сочинениям. Несмотря на важное и объемное исследование таких сочинений Агнеш Кризой (*Криза А.* Древнерусские тексты в защиту икон. Часть 1: Византийское наследие. Будапешт, 2011), вопросов и недоразумений остается пока немало. Представленные в докладе данные о переводах и изданиях сочинений Иоанна Дамаскина и Псевдо-Дамаскина о иконах позволяют сделать серьезный шаг вперед к пониманию истории иконопочитания на Руси, а также расширяют наши представления о разных периодах переводческой и редакторской деятельности славянских и русских книжников.

Иван Максимов — переводчик «Двора цесаря турецкого»¹

Биография Максимова. Основные, хотя и предельно краткие детали биографии Ивана Максимова были восстановлены по документам Посольского приказа двумя исследователями — Б.А. Куненковым и А.В. Беляковым. Согласно биографической справке Белякова, Иван Максимов — «польский и латинский (?) переводчик, взят в 1640/41 г. для учения; упоминается в 1657/58 г., убит в полку Н.И. Трубецкого» (Беляков А.В. Служащие Посольского приказа 1645—1682 гг. СПб., 2017. С. 314; в документах РГАДА — А.Н. Трубецкого). В указанных обобщающих работах, естественно, не ставилось целью передать все подробности, на которые мы и обратим внимание. По архивным документам можно восстановить детали личной жизни Максимова. К примеру, что его отца звали Семен (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1644. № 1. Л. 181) и что Иван Семенов сын Максимов был дважды женат. Имя его первой жены нам неизвестно, но мы знаем, что у них были «детишки» (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1647. № 3. Л. 8). К сожалению, все, кроме одной дочери, умерли в моровое поветрие, пока Максимов был «в Литве на службе» в 1653/54 году (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1655. № 1. Л. 119). Вторая жена Акинья известна благодаря ее челобитным о выплате ей жалованья мужа, пока он был в отъезде на государевой службе и когда он пропал безвести (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1661. № 6. Л. 22; 1662. № 10. Л. 16).

При анализе биографии переводчика Ивана Максимова необходимо обратить внимание на тот факт, что данное сочетание имени и фамилии очень распространено. Во второй половине XVII в. в Посольском приказе служил также золотопищик Иван Максимов, а в Поместном приказе дьяк Иван Максимов (с сентября 1678 по июль 1680 гг.; Лисейцев Д.В., Рогожин Н.М., Эскин Ю.М. Приказы Московского государства XVI—XVII вв. Словарь-справочник. М., СПб., 2015. С. 129). В другие периоды и в других приказах встречаются еще как минимум три других Ивана Максимова, что усложняет

¹ Работа написана при финансовой поддержке Юбилейного фонда Шведского государственного банка (Riksbankens jubileumsfond; номер проекта — RFP12—0055:1). Автор выражает благодарность за ценные замечания Ингрид Майер и Степану Шамину.

работу с биографическими данными переводчика Максимова, выходящими за предел документации Посольского приказа.

Особое внимание исследователей привлекало два факта в биографии Максимова: происхождение Ивана и его обучение в Посольском приказе. А.В. Беляков подчеркивает, что Иван Максимов являлся одним из немногих русских по происхождению переводчиков (в приказных документах — «лучанин»), в то время как большинство было выходцами из Европы в первом-третьем поколении (из 58 работающих в анализируемый период только четверо были русскими по происхождению, т.е. около семи процентов; Беляков А.В. Указ. соч. С. 97). Интересно отметить, что, как показывает Куненков, за период правления царя Михаила Федоровича (1613—1645) из 68 переводчиков 17 были русскими по национальности. Т.е., процент русских среди переводчиков в следующие годы (1645—1682) упал с 25% до семи (Куненков Б.А. Переводчики и толмачи Посольского приказа во второй четверти XVII в.: функции, численность, порядок приема. 2012. <http://mkonf.iran.ru/papers.php?id=50>). Б.А. Куненков уточняет также, что Максимов был дворянином из Великих Лук (там же).

Обучение в Посольском приказе переводчиков в первой половине XVII в. не было обычной практикой. Иван Максимов стал одним из первых «учеников» при Посольском приказе. Б.А. Куненков подчеркивает, что есть упоминания только о трех случаях целенаправленной подготовки переводчиков (Куненков Б.А. Посольский приказ в 1613—1645 гг.: Структура, служащие, делопроизводство. Брянск, 2007. С. 144). Обычно же переводчики приобретали знания языков иным путем — в плену, на службе или учении за границей и под. (там же. С. 132—138).

Важным вопросом, однако, остается, что именно Максимов изучал, а соответственно, был ли он также латинским переводчиком — эту информацию Беляков поставил под сомнение. Как отмечает Куненков, Максимов «в 149 (1640/1641) г. по собственной инициативе стал изучать латынь и польский язык у И. Дорна» (Куненков Б.А. Указ. соч. С. 467). Такая формулировка есть в выписке от 1643 г.: «для ученья полского и латынского языку и грамоте [...] иноземцу Ивану Дорну» (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1643. № 2. Л. 59). Однако в архивном материале за 1644 г. содержится другая выписка, очевидно, из тех же документов 1640/41 гг., где сказано об изучении Максимовым только латыни: «отдан ис Посолского приказу для ученья латынского языку и писма Ивану Дорну» (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1644. № 1. Л. 182). А далее еще уточнено: «отдан он (Максимов — О.Я.) в учене латынского языку и писму, а полскому языку и грамоте он учен и с полского писма на рускую рѣчь пере-

водит умѣет» (там же). После этого сообщается, что Максимов просит разрешения начать работать польским переводчиком, «а он де будучи в переводчиках латынскому языку учитца станет же» (там же). В выписке есть ссылка и на «скаску» других польских переводчиков — Богдана Лыкова, Ивана Бородина, Исаака Житкого, которые подтвердили, что Максимов умеет переводить с польского и может быть в переводчиках (там же. Л. 183). Как и когда он был проэкзаменован, не уточнено.

Таким образом, есть веские причины предполагать, что Максимов на момент принятия в Посольский приказ уже знал польский язык, а у Дорна учил именно латынь. Эта гипотеза кажется нам более правдоподобной и потому, что на сегодня нет никаких сведений о том, что Иван Дорн, крещенный в 1635 г. (Adam Thurn von Einöd; см. Leitsch W. Moskau und die Politik des Kaiserhofes im 17. Jahrhundert. Teil I. 1604—1654. Graz — Köln, 1960. S. 87), знал польский язык. Дорн сам был взят в Посольский приказ на должность переводчика только в 1645 г. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1645. № 10. Л. 99). Однако известно, что еще до официального принятия в Посольский приказ он в 1637 г. вместе с переводчиком приказа Богданом Лыковым перевел с латинского «Космографию» Г. Меркатора (РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. 1637. № 12. Дело по челобитью переводчика Богдана Лыкова...). Наша гипотеза, впрочем, требует дальнейших уточнений, так как известно, что в 1643 г. Максимову было выделено деньги для покупки книги, «которая надобна ему для учения полского языка» (РГАДА. Ф. 138. Оп. 2. 1644. Д. 5. Л. 33 об.). Возможно, ему понадобилось улучшить и систематизировать полученные ранее знания польского языка. Стоит также отметить, что Иван Максимов в документах Посольского приказа не упоминается как переводчик с латинского, а только с польского. Вопрос, выучил ли он латынь, до сих пор не поднимался в научных исследованиях, так как не было точно известно, к каким именно переводам Максимов был причастен.

По документам Посольского приказа можно проследить размер жалованья Максимова. Куненков указывает, что Максимов во время обучения получал поденный корм: «что-то вроде стипендии — до 1643 г. по алтыну на день, затем ”помесечно по 8 денег (1 алтын 2 деньги — Б.К.) на день”» (Куненков Б.А. Указ. соч. С. 144). Годовой денежный оклад начали ему давать, очевидно, только в 1645 г. в размере 15 рублей, в то время как другой польский переводчик, Исаак Житкой, получал 23 рубля, а Богдан Лыков, по данным на 1644 г., 50 рублей (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1643. № 3. Л. 12, 132). В 1646 г. Максимов вместе с Исааком Житким и двумя молодыми подьячими вы-

полнял также срочную сверхурочную переводческую работу в течение четырех дней, за которую всем участникам выдали по алтыну на день (РГАДА. Ф. 138. Оп. 2. 1646. № 7. Л. 48—48 об.).

В 1647—1650 гг. Иван Максимов был единственным переводчиком с польского языка при Посольском приказе, что подтверждает его челобитная: «и товарищеи у меня холопа тв<оево> нет остался один у твоево гедрва дѣла» (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1647. № 3. Л. 8) и выписка, приложенная к ней, с объяснением этого обстоятельства. Из челобитной следует, что его поденный корм к этому времени уже увеличился до 2 алтынов 3 денег, а годовой оклад остался прежним — 15 рублей. Поместного оклада до 1649 г. у него не было (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1649. № 1. Л. 1).

Серьезную прибавку жалованья Максимов получил после постигшей его трагедии 1653/54 года, когда во время его отъезда семью настигла чума, а дом и хозяйство были разграблены (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1655. № 1. Л. 119). Из челобитной 1654 г. узнаем, что у Максимова уже был оклад 32 рубля, поденный корм по 4 алтына 3 деньги на день, а поместный оклад — 450 четей (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1653. № 7. Л. 30). Однако рост жалованья, очевидно, не был скачкообразным. В документе упоминается, что переводчик трижды посылался в Литву. Такие посылки обычно являлись веским основанием для написания прошения как об увеличении жалованья, так и о получении одноразовых «придач». Так, в 1655/56 Максимов был отправлен в Смоленск, и «для смоленские службы» ему было выдано 22 рубля.

В январе 1659 г. Максимов был послан «в Запороги» с князем А.Н. Трубецким, а его жене давали по 6 алтын поденного корма (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1661. № 6. Л. 23). Позже в Посольский приказ поступило сообщение, что он под Конотопом «убит ли или в полон взять того невѣдомо», а жене приказано давать по 3 алтына на день, пока станет известно о ее муже (там же). В документах 1660-х гг. никаких других сведений о нем найти не удалось. Однако его жене продолжали давать по 3 алтына на день по крайней мере до 1664 г. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1663. № 1. Л. 118).

Переводческая работа Ивана Максимова. Весь объем возможных переводов, выполненных Максимовым, еще предстоит установить. Но с большой вероятностью можно говорить о том, что если не все, то значительная часть переводов с польского языка 1648—1650 гг. в Посольском приказе делалась им. К примеру, пакет документов и книг, привезенных из Польши в 1649 г. дьяком Григорием Кунаковым. Из этих польских книг вначале Максимова дали переводить

«Dwór cesarza tureckiego» («Двор цесаря турецкого») Шимона Старовольского — датировка перевода указана в его шаблонном начале: «А привез ту тетрадь ис Полши дьякъ Григорѣи Кунаков в ѳнешнем во рѣнзм году» (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1646. № 3. Л. 1). То, что именно Максимов был переводчиком «Двора цесаря турецкого», до настоящего времени известно не было. Важно отметить, что на архивном деле ошибочно проставлен 1646 г. — год выхода первого польского издания этого сочинения. Поэтому догадки со ссылкой на это дело о существовании двух разных переводов — 1646 и 1649 годов, высказанные Н.А. Смирновым, Е.В. Чистяковой, О.А. Белобровой и другими исследователями, не подтверждаются. Текст черновика сохранился в РГАДА не полностью (16 из 24 глав, 16-я глава не до конца; всего 113 л., первые 28 л. переписаны начисто подьяческими почерками). В полном виде произведение отражено в списках РНБ. Q.IV.57 и РНБ Q.XVII.21. В следующем, 1650 г. Максимов приступил к переводу сочинения Яна Горчина «Pamięć o snotach, szczęściu, dzielnosci... monarchy Władysława IV» («Память о добродетели, удаче, доблести... короля Владислава IV» (См. Николаев С.И. Польско-русские литературные связи XVI—XVIII вв.: Библиографические материалы. СПб., 2008. С. 57), изданного в Кракове в 1648 г. и тоже привезенного Кунаковым в 1649 г. (РГАДА. Ф. 181. Оп. 2. 1650. № 197/333. 83 л. Начало перевода не сохранилось). То, что переводы выполнены именно Максимовым, подтверждает не только указанный выше факт отсутствия других переводчиков с польского языка в Посольском приказе этих лет, но и произведенный нами анализ почерка переводов, являющихся частично (в случае перевода 1649 г.) или полностью (перевод 1650 г.) переводческими черновиками.

Знал ли Максимов латынь? Тот факт, что в тексте «Двора цесаря турецкого» широко использовалась латынь, позволяет попытаться ответить на вопрос о том, знал ли Максимов этот язык. Сохранившийся черновик предоставляет нам уникальные возможности проследить, как переводчик работает с оригиналом, в частности, с латинизмами, которые вводятся Старовольским в виде отдельных слов, фраз или даже целых предложений. В большинстве случаев латинские вкрапления Максимов опускает совсем или заменяет на подходящие по контексту компенсационные фразы. Это наводит на мысль, что он выучил латынь плохо или не выучил вообще. Как правило, он «спотыкается» о латиноязычные вставки — переводит польскоязычное начало фразы, но потом зачеркивает его и встав-

ляет над строкой свое объяснение, которое нередко искажает исходный смысл оригинала. Например, часть предложения о султанах: «*pod temi pokojami, w ktorych sam *ordinarie* sypia*» (‘под теми покоем, в которых сам обычно спит’) Максимов переводит как «под тьми жителями в которых чиновные салтановы спят», причем «чиновные салтановы» написано над строкой вместо зачеркнутого «самь одинария». Это новое подлежащее возникает, очевидно, из непонятного синтаксиса польского подчиненного предложения и потери смысловой связи с подлежащим «цесарь».

В оправдание Максиму нужно отметить, что книга Старовольского насыщена сложными синтаксическими конструкциями, требующими особой концентрации переводчика не только на содержании, но и на структуре текста. В его произведении есть целый ряд неполных двусоставных предложений, осложненных несколькими придаточными, что вызывает необходимость восстанавливать главный член предложения (в этом случае — подлежащее «цесарь») из контекста. Очевидно, у Максимова было мало опыта работы с подобными текстами, несвойственными приказной документацией. Так что введение конкретизирующего, хотя и ошибочного субъекта действия может расцениваться и как попытка со стороны переводчика прояснить содержание повествования и облегчить его понимание в русском переводе. Редактирование Максимовым транслитерации «самь одинария» (*sam *ordinarie**) осуществлялось непосредственно в процессе перевода, поскольку следующий за редактированным фрагментом сегмент («спят») грамматически согласуется со вставкой. Это дает основания предположить, что Максимов осуществлял пословное передвижение по тексту оригинала и многие исправления вносил сразу же по ходу работы над ним. Прием такого пошагового перевода в случае с работой над грамматически сложным текстом, скорее всего, являлся одной из основных причин потери контекстуального смысла и его искажения. Возможно, такая техника перевода была результатом спешного выполнения задания, что также могло обусловить игнорирование латиноязычных элементов, даже если и предположить, что Максимов освоил этот язык на элементарном уровне.

Просопографические материалы

А.В. Беляков, А.Г. Гуськов, Д.В. Лисейцев, С.М. Шамин

Переводчики Посольского приказа в XVII в.: персональный состав (предварительные данные)

В процессе работы над проектом «Переводчики Посольского приказа XVII века» авторский коллектив подготовил краткую подборку сведений о специалистах по письменному переводу, работавших в российском дипломатическом ведомстве в XVII в. (с отдельными выходами в «соседние» XVI и XVIII столетия). При подготовке данного текста авторы опирались на известные им опубликованные и неопубликованные источники и историографию. Цель исследования — выявить лакуны как в персональном составе переводчиков, так и в фактографическом наполнении справочных статей. Публикация носит предварительный характер, дабы не утяжелять издание, ссылки на источники здесь не приводятся.

В работу включены данные о годах жизни переводчиков, их пребывания на службе, языковой специализации, этнической принадлежности, социальном происхождении, вероисповедании, семейном положении и ближайших родственниках, обстоятельствах прибытия в Россию и поступления в Посольский приказ, возведении в чин. По умолчанию указываются даты службы в Посольском приказе в переводчиках, пребывание в иных должностях и чинах оговариваются отдельно.

Данные биографические очерки ни в коем случае не являются исчерпывающими. Информация о дипломатических и иных службах, финансовом и материальном обеспечении, недвижимом имуществе и земельных владениях, переводах и пр. предполагается опубликовать в полной версии материалов.

В приложениях размещены два дополнительных списка: 1) Служащие, в отношении которых необходимо подтверждение их работы в Посольском приказе в переводчиках; 2) Переводчики, поступившие в Посольский приказ (Посольскую походную канцелярию) в XVIII в.

Надеемся, что данная стандартизированная подборка основной служебной информации о переводчиках Посольского приказа окажется полезной для коллег, занимающихся этой или смежными научными темами. В свою очередь, составители надеются на поступление замечаний, уточнений и дополнений от коллег, что позволило бы сделать окончательный вариант готовящегося исследования более полным и точным.

Условные обозначения:

? — дата не известна

(?) — дата или событие вызывает сомнения

Абдулов Баксеит (Бакей Сеит) (не позднее 1600-х — 1 декабря 1640) — переводчик татарского, турецкого, персидского, арабского и ногайского (?) языков. Мусульманин. Выходец из Ургенча. Из переводчиков астраханской съезжей избы. В ПП: не позднее 1631/32 — 1 декабря 1640 (умер) г. Женат (супруга — Айсулук). Дети: сыновья — Кулмамет, Заит, Алагул (Санлагун); дочь — Баска.

Абызов Мухаммед-Кул (Маметкул) (? — не ранее 1626) — переводчик татарского языка. Мусульманин (суннит). Из казанских татар. В ПП: не позднее 1624/25 — не позднее марта 1626 (побег) г. Семья: 2 жены, 2 сына.

Адамов (Фонделин, фон-Делен, Фоннемин, Фонемин, Фанделден) Иван (Иоганн Беккер фон-Дельден) (? — не ранее 1661/62) — переводчик латинского, немецкого, датского, шведского языков. Датчанин (из Копенгагена), впоследствии дворянин Римской империи. В ПП: 1 июня 1647 — не ранее 1661/62 г.

Алманзенов Иван Фомин (Фомин Иван, Элмес Джон) (ок. 1574 — не ранее 1654) — переводчик английского, шотландского, немецкого и шведского языков. Из натурализовавшихся в России англичан, до зачисления в ПП был толмачом у своего деда — «доктора Романа». В ПП: не позднее февраля 1589 — не ранее 1653/54 г. Был женат (супруга — Марья). Дети: Иван (род. ок. 1613 г.) служил в Аптекарском приказе.

Альшев (Ольшев) Алмамет (Елмамет, Урмамет (?), Алмаш) Уразгилдеев (? — 1659/60) — переводчик татарского языка. Мусульманин (суннит). В ПП: не позднее 1629 (в станичниках; с 9 мая 1629 — в переводчиках) — 1659/60 г. (умер). Женат на вдове переводчика ПП Мустафы Мамакова (Купсалтан (Капсултан) Тохмаметева дочь).

Англиер (Ангеляр) Ганс (Анца) Андреев (? — ок. 1605) — переводчик немецкого языка. Немец. В ПП: не позднее 1593/94 — 1605 г. Умер в Швеции под арестом. Дети: сыновья Андрей и Иван (переводчики ПП); дочь.

Англиер (Анелеров) Андрей Иванович (Анцин, Иванов) (не позднее 1605 — май 1637) — переводчик немецкого и шведского языков. Немец. В ПП: март 1615 — май 1637 г. Был женат (супруга — Кристина). Сын переводчика ПП Ганса Англиера.

Англиер Иван (Анца, Ганс) Иванович (не позднее 1605 — 31 октября 1648) — переводчик голландского и немецкого языков. Немец.

После смерти отца жил в Архангельске, исполняя при воеводах обязанности толмача. В ПП: июль 1626 — 31 октября 1648 г. Был женат (супруга — Авдотья, сестра переводчика (?) Исаака Буколтова). Сын переводчика ПП Ганса Англера.

Англер Тимофей Андреев (? — 1694/95) — переводчик немецкого («цесарского») и голландского языков. В ПП: 16 августа 1664 (31 октября 1689 г. выводился за штат) — 1694/95 г. (умер); «командированный» переводчик (с немецкого): а) в Архангельске («на Двине») — 16 августа 1664 — ноябрь 1673 г., б) во Пскове — 1675/76 г. — ?; (с голландского): в Архангельске — 1687/88—1694/95 гг. Сын переводчика ПП Андрея Англера.

Андерсон Петр (? — 1670/71) — переводчик царского и шведского языков. Католик. Из иностранных наемников (прапорщиков). В ПП: 12 сентября 1668 — 1670/71 (умер). Был женат (супруга — Екатерина).

Андреев Сеендюк (Сююндюк) Семенов сын (? — не ранее 1651/52) — переводчик татарского языка. Из касимовских служилых татар. Мусульманин (суннит). В ПП: не позднее 1642/43 — 1651/52 г. Сын переводчика ПП Семена Андреева.

Андреев Семен (? — не ранее февраля 1640) — переводчик татарского языка. Мусульманин (суннит). Из членов двора касимовского царя Арслана бин Али. В ПП: 21 сентября 1614 — февраль 1640 г. Отец переводчика ПП Сеендюка Семенова сына Андреева.

Арпов (Арков) Ганс (Анца) Флорис (? — не ранее 1618) — переводчик немецкого языка. В ПП: не позднее марта 1597 — 1608 г. С 1610 г. — на шведской службе. Свояк переводчика ПП Ганса Бракилева. Был женат (супруга нелегально вывезена из России ок. 1617 г.).

Арсеньев Моисей (1671/72 — 1747) — переводчик греческого, латинского и итальянского языков. Из посадских г. Тулы. В ПП: 26 июля 1700 (указ) — 1718 г.; далее — в КИД (с 1724 г. — архивариус ее Московской конторы).

Асанов (Осанов, Сеитов) Дмитрий (Амир, Касым(?)) (Сеитов Дмитрий Асанов) Марков сын (Асанов сын) (? — сентябрь 1701) — переводчик татарского, турецкого, арабского языков. Православный, новокрещен. Выезжий турок. В ПП: 9 сентября 1668 (в 1671/72 — май 1674 г. послан «за вину» в Кириллов Белозерский монастырь для исправления веры) — сентябрь 1701 г. Женат (супруга — Марья / Манка Григорьева дочь). Дети: Андрей (родился в октябре 1689 г.), Иван.

Багинин (Байгинин, Байтинин, Бачинин, Богинин) Тахтаралей (Тахтарамей) Телмаметев сын (Телмаметев Тахтаралей) (? — не ранее 1718) — переводчик татарского и турецкого языков. Мусульманин.

В ПП: не позднее 1679/80 (11 октября 1689 г. временно выводился за штат) — не ранее 1718 г. Женат (супруга — Асалбека Капланова дочь).

Байцын Абдула Билялов сын (Билялов Абдул) (? — 03 сентября 1678) — переводчик татарского и турецкого языков. Мусульманин (суннит). Из касимовских служилых татар. В ПП: не позднее 1653/54 — 3 сентября 1678 г. (умер). Сын переводчика ПП Биляла Безергенева сына Байцына. Женат (супруга — Девлет Бахтея). Дети: две дочери и сын Резеп (переводчик ПП).

Байцын Билял Безергенев сын (Безергенев Билял) (? — 1654/55) — переводчик татарского языка. Мусульманин (суннит). Из касимовских служилых татар. В ПП: июнь 1630 — 1654/55 (умер) г. Отец — Безерген Байцын (абыз). Дети: Абдула (переводчик ПП) и Абдарахман.

Байцын Резеп Абдулин сын (Резеп Абдулин) (? — не ранее 1710) — переводчик татарского языка. Мусульманин (суннит). Из касимовских служилых татар. В ПП: 22 апреля 1695 (2 августа приведен к вере) — не ранее 1710 г. Сын переводчика ПП Абдулы Билялова сына Байцына. Дети: Темирбулат, Сулейман и Челмай (?).

Бахерахт (Бахарт) Давид (? — июнь 1710) — переводчик голландского и немецкого языка. Лютеранин. В ПП: февраль 1704 («приведен к вере») — июнь 1710 (умер) г.

Башмаков Ураз-Мухаммед (Уразмамет) Терегулов (? — 1635) — переводчик татарского и персидского языков. Мусульманин (суннит). Из казанских слободских татар. В ПП: не позднее 1625/26 — 1635 г. (умер от пыток при возвращении из турецкой посылки).

Белокуров Захарей Михайлов сын (? — не ранее 1700) — переводчик (и толмач) голландского языка. Из посадских г. Архангельска. В ПП: 12 января 1697 (указ) (20 января — 24 апреля 1697 г. отсылался в Казанский дворец для поездки в «низовые» города по Волге для «шлюзного» дела) — не ранее 1700 г.; «командированный» переводчик в Воронеже «у карабельного каравана»: не позднее августа 1697 — не ранее 17 декабря 1698 г. Отец — архангельский посадский Михайло Кузьмин (торговец тесом).

Богомольцев (Богомоллов) Борис Демидов сын ([1600-ые] — не ранее 8 октября 1674) — переводчик греческого языка. Родился в Калужском уезде. В 1608—1623 гг. — «полоняник» в Османской империи. В ПП: 1624 — май 1633, 5 декабря 1646 — 1674 г. (май 1633 — декабрь 1635 г. — ссылка в Казань; 23 мая 1636 — декабрь 1646 г. — получал «поденный корм» в Разрядном приказе). 8 октября 1674 г. принял постриг в Чудовом монастыре.

Болотинский Гаврило Дорофеев сын (? — не ранее 1 апреля 1680) — переводчик латинского, польского языков и «белорусского письма». Из шляхтичей. В ПП: 3 августа 1674 (в 1676/77 г. временно отсылался в Казанский приказ для службы «по Казани») — не ранее 1 апреля 1680 г.

Борисов Борис (? — июль 1655) — переводчик голландского и немецкого языков. Лютеранин. В ПП: не позднее ноября 1621 — 1655 г. Был женат (супруга — Анна).

Бородин Иван (? — не ранее 5 февраля 1648) — переводчик польского языка. В ПП: не позднее 1626/27 — не ранее 1647/48 г.

Бостоганов (Бастаганов) Давид (? — не ранее 9 августа 1682) — переводчик грузинского языка. В ПП: не позднее 6 мая 1681 — не ранее 9 августа 1682 г.

Ботвинкин Андрей (? — не ранее 1712) — подьячий и переводчик греческого и латинского языков. В ПП: 1693/94 (толмач, с 5 июня 1696 г. — «в переводчиках и у приказных дел в подьячих») — не ранее 1712 г.; в 1708—1710 (?) гг. — «командирован» в действующую армию. Был женат (супруга — Мария Ильина дочь).

Боуш (Баум, Бауш) Василий Яковлевич (? — 30 декабря 1667) — переводчик польского, латинского, немецкого (цесарского) языков. Курляндец. Попал в плен 24 августа 1654 г. в сражении. Взят в ПП из тюрьмы. В ПП: 27 июня 1655 — 30 декабря 1667 г. Умер в Митаве во время дипломатической миссии.

Боярчиков Иван Дмитриев сын (? — 1654) — переводчик греческого языка; знал турецкий (устн.). Из калужских детей боярских. Был «полоняником» в Османской империи. В ПП: 5 июня 1631 — 16 апреля 1632 (толмач), 20 ноября 1633 — 1654 г. (умер от морового поветрия); в апреле 1632 — ноябре 1633 г. — на Бархатном дворе.

Бук Арент (Ари) (? — не ранее 1620/21) — переводчик немецкого и шведского языков. Швед. Из торговых людей. В 1616 г. перешёл на российскую службу (из переводчиков шведской делегации на переговорах в Дедерино). В ПП: 1618 — не ранее 1619 г. В 1620/21 г. — выезжий свейской немчин.

Булак Иван (? — не ранее 1663/64) — переводчик польского языка. Литовец. В ПП: не позднее 10 ноября 1662 — не ранее 1663/64 (сослан в Казань) г.

Буров (Бур, Бук, Буков) Андрей (Ари) (? — не ранее июля 1668) — переводчик немецкого языка. В ПП: не позднее 1659/60 — не ранее 8 июля 1668 г.; «командированный» переводчик в Холмогорах (Архангельске) — до 8 июля 1668 г.

Васютинский (Васютицкий) Иван Федоров сын (? — не ранее 1676/77) — переводчик польского, латинского и волошского языков. Из шляхтичей. В ПП: 4 сентября 1674 (14 октября «приведен к вере») — 1676/77 (отставлен и отослан в Иноземный приказ) г.

Вейрес Матвей (Ортемий) (? — 4 ноября 1646) — переводчик шведского, латинского, датского, немецкого языков. Католик, крестился в православие перед смертью. Выехал в Россию в 1629/30 г. Служил прапорщиком в рейтарском полку. В ПП: не позднее 1631/32 (по другим данным — 24 мая 1633) — 4 ноября 1646 г. (умер); «командированный» переводчик во Пскове (1635—1645 гг.). Был женат с 1635 г. (супруга — Анна), имел детей.

Вестерман Еремей Еремеев (? — не ранее января 1629) — переводчик голландского и немецкого языков. В ПП: не позднее октября 1604 — 27 января 1629 г. По извету переводчика ПП Ивана Алманзенова отставлен и переведен в служилые иноземцы. В 1626 г. (вместе с переводчиком ПП Е. Павловым) привлекался к следствию и был на неделю заключен в тюрьму.

Виберх (Выберх) Алферий (Вульф, Олоф, Олферий, Ульф) Яковлев (? — не ранее 1643/44) — переводчик датского, немецкого и шведского языков. Военнопленный швед. В ПП: 1615 — не ранее 1643/44 г.

Вилимов Вилим (? — не ранее 1651/52) — переводчик немецкого языка. В ПП: не позднее 11 ноября 1616 (толмач; ок. 1619/20 г. — в переводчики) — не ранее 1651/52 г.

Вилнер Иван (? — не ранее 1660/61) — переводчик немецкого языка. В ПП: не позднее 1659/60 — не ранее 1660/61 г. (отставлен).

Виниус (Винус) Андрей Андреевич (4 июня 1641 (?) — 8 ноября 1716) — переводчик голландского языка. Обрусевший голландец. Кальвинист, 22 августа 1655 г. — крещен в православие. В ПП: 26 февраля 1664 (из купцов Гостиной сотни) — 30 декабря 1677 г.; 30 июня 1689 — 13 мая 1695 г. — дьяк (30 декабря 1677 — 30 июня 1689 г. — дьяк Аптекарского приказа). С 24 марта 1695 г. — думный дьяк. С 26 января 1674 г. — дворянин «по московскому списку». Сын купца Андрея Денисовича Винуаса.

Вражский (Враский, Врасский) Прокифий Иванов сын (? — 16 сентября 1643) — переводчик турецкого, татарского, персидского и ногайского (?) языков. Православный. Астраханец, сын боярский. В ПП: не позднее 1604 — 16 сентября 1643 (умер) г. С 1628/29 (?) г. — дворянин «по московскому списку». Женат (супруга — Авдотья).

Вульф Петр (? — не ранее 17 марта 1705) — переводчик латинского, немецкого («цесарского») и голландского языков. Из иноземцев.

Лютеранин. В ПП: 20 ноября 1694 («приведен к вере») — не 17 марта 1705 г.

Выберх Яков Олферьев (Алферьев) сын (? — не ранее 1674/75) — переводчик немецкого (цесарского) языка. Из Курляндии, сын пленного капитана. В 1656 г. участвовал в осаде Риги. В ПП: не позднее 1658/59 — не ранее 1674/75 г.

Гадзаловский (Гадзолровский) Стахей (? — не ранее ноября 1689) — переводчик польского и латинского языков. Из виленских шляхтичей. Православный. В ПП: 31 декабря 1667 («приведен к вере»; по другим данным принят в приказ — 6 марта 1668 г.) — 31 октября 1689 г. (отставлен).

Гамбрус (Чамбрус) Андрей (? — не ранее 1653/54) — переводчик немецкого языка. В ПП: не позднее 1653/54 — не ранее 1657/58 г.

Гивнер (Гибнер, Гифнер) Юрий Михайлович (Георг Хюфнер) (? — не ранее 1691) — переводчик голландского, цесарского (немецкого), латинского языков. Из Саксонии. Пленен в Польше в 1649 г. Занимался организацией театральных действий. В ПП: не позднее 15 октября 1679 — не ранее 1691 г.

Гитнер Илья Яковлев сын (? — 1692/93(?)) — переводчик шведского и немецкого («цесарского») языков. В ПП: ? — не ранее 31 октября 1689 г.; «командированный» переводчик в Новгороде. Отец — переводчик ПП Яков Гитнер.

Гитнер Яков (Витнер) (? — не ранее 3 сентября 1683) — переводчик шведского и немецкого («цесарского») языков. Из иностранных наемников (капитан). Лютеранин. В ПП: 27 июля 1665 («приведен к вере») — не ранее 3 сентября 1683 г.; «командированный» переводчик в Новгороде: не ранее 1 сентября 1667 — не позднее 2 августа 1676 г. и не позднее 1 апреля 1680 — 1683 г. (в августе 1676 г. возвращался в Москву). Был женат (супруга — иноземка Анна Иванова дочь). Имел сына Илью (переводчик ПП).

Гозвинский (Гвоздинский) Фёдор Касьянович (? — не ранее 1614) — переводчик латинского и польского языков, владел также древнегреческим. Выходец из юго-западной Руси. В ПП: не позднее 1608 — не ранее 1614 г. Переводил на русский язык басни Эзопа.

Голембовской (Гоманбевский) Петр (? — не ранее 1718) — переводчик латинского и польского языков, толмач немецкого («цесарского») языка. Католик, иноземец. В ПП: 18 марта 1704 («приведен к вере») — не ранее 1718 г. Был женат.

Гросс Левонтей (Юрий Готфрид) (?[не позднее конца 1630-х] — не позднее 17 сентября 1694) — переводчик цесарского, латинского,

голландского языков. Католик, в 1659 г. принял православие. Родился в г. Регенсбурге «цесарской земли» в семье бургомистра («державца»). В августе 1656 г. попал в плен после захвата шведской крепости Кокенгаузен и до 1667 г. находился в услужении («холопстве») у бояр Морозовых. В ПП: 4 марта 1668 — не позднее 17 сентября 1694 г. С 20 ноября 1674 г. дворянин «по московскому списку». Был женат. Дети: сыновья — Леонтий (на полковой службе) и Петр.

Гуданский (Гудальский) Иван (? — не ранее января 1688) — переводчик польского и латинского языков. Из шляхтичей. В ПП: 10 декабря 1666 — не ранее января 1688 г.

Даданов (Давьянов, Давианов) Иван Юрьев (Юрьев Иван) (? — не ранее 31 октября 1689) — переводчик греческого языка. Грек. В ПП: 25 (или 30) мая 1677 — 31 октября 1689 г. (отставлен). Был женат (супруга — дочь переводчика ПП Федора Черкасова).

Девлетев Амир (Емир) (? — не ранее 22 марта 1610) — переводчик татарского языка. Мусульманин. В ПП: не позднее 24 апреля 1604 — не ранее 22 марта 1610 г.

Дегилбов (Дигилбов, де Гилбов) Дмитрий (? — 1652/53) — переводчик французского языка. Француз. Кальвинист, крестился в православие (?). Из поручиков рейтарского полка. В ПП: 25 января 1635 — 1652/53 (умер) г. Был женат (супруга — Марья).

Дмитриев Иван (? — не ранее 1635/36) — переводчик греческого языка. В ПП: не позднее сентября 1631 — не ранее 1635/36 г.

Душардон Родион (? — не ранее 1691/92) — переводчик немецкого языка. В ПП: 1691 (?) — 1691/92 («отставлен») г.

Едреновский (Идрановский) Велисар Михайлов сын (? — не ранее 31 января 1678) — переводчик греческого языка. Из дворян (?). Зачислен «из полков... в посольской шатер» под Смоленском. В ПП: 1658 (по другим данным — 8 января 1656 г.) — 18 января 1677 (отставлен «за старость» и отослан 19 января в Разряд «в службу») г. Дворянин «по московскому списку».

Елизарьев Тарас (? — не ранее 1607) — переводчик греческого языка. В ПП: не позднее 25 июня 1604 — не ранее 7 января 1607 г.

Елисеев Матвей (? — не ранее 1651/52) — переводчик голландского языка. Взят из Аптекарского приказа. В ПП: 1645/46 — не ранее 1651/52 г.

Еникеев (Аникиев, Геникеев, Никиев, Яникеев) Сулейман Хантемирев сын (?) (? — не ранее 31 декабря 1716) — переводчик татарского языка. Из темниковских служилых татар. Праправнук переводчика

ПП Резепа Кучукова сына Устакасимова. В ПП: июнь 1711 (11 сентября приведен к вере) — не ранее не ранее 31 декабря 1716 г.

Еремеев Пётр (? — не ранее октября 1611) — переводчик немецкого языка. Из толмачей. В ПП: не позднее мая 1601 — не ранее октября 1611 г.

Житкой (Жидкий, Жидкой, Житкий, Житкой) Исаак Андреев (ок. 1600 — 19 января 1646) — переводчик польского языка. Орленин, сын боярский. В ПП: 22 июня 1622 — 19 января 1646 г. Был женат.

Заборовский Яков (? — не ранее 1613/14) — переводчик польского и латинского языков. Из толмачей. В ПП: не позднее 1583/84 — не ранее 1613/14 г.

Ибраимов (Абраимов, Абрамов, Афаимов, Ибрагимов) Вилим (Abraham Wilhelm) (? — 1709) — переводчик шведского («свейского») языка. В ПП: 9 августа 1693 («приведен к вере») — 1709 г.; «командированный» переводчик в Новгороде (1693—1700 гг.) и в посольстве кн. А.Я. Хилкова в Швецию (1700—1709 гг.). Скончался в плену (после болезни) в Стокгольме в 1709 г.

Иванаев (Иванов) Сунчалей (? — не позднее сентября 1681) — переводчик татарского языка. Из романовских татар. В ПП: 6 сентября 1680 — не позднее октября 1681 г. Скончался на Дону во время дипломатической миссии (посольство в Стамбул И.И. Чиркова и П.Б. Возницына). Был женат (супруга — иноземка Тохтабикейка).

Исенчюрин Шебан (? — не ранее 1644/45) — переводчик татарского языка. Мусульманин (суннит). В ПП: не позднее 1629/30 (в станичниках; не позднее 1637/38 г. — в переводчиках) — не ранее 1644/45 г.

Искилев (Аскелев, Искелев) Сунчалей (? — март 1632) — переводчик татарского, персидского, арабского языков. Мусульманин. В ПП: не позднее 30 мая 1622 — март 1632 г. (умер). Женат (супруга — Агишка Кечкинеева дочь).

Каменев Своитин (Константин Сфотий) Дмитриевич (Митрофанович) (? — 1627) — переводчик греческого, татарского, турецкого языков. В ПП: не позднее 1583/84 — 1627 г.

Каснахер (Каннахер, Коннахер) Людвиг (? — 26 июня 1675) — переводчик польского и «цесарского» (немецкого) языков. Из литовцев. В 1662/63 г. взят в плен в Борисоглеbove. В ПП: 2 июля 1667 — 26 июля 1675 г.; «командированный» переводчик во Пскове (с 15 июля 1668 г.). Был женат (супруга — иноземка Матрена, в крещении — Екатерина), имел дочь.

Кляштер Михаил (? — не ранее 1637/38 г.) — переводчик шведского, датского, латинского языков. Из рейтар «иноземного строя» (бывший военнотружаший шведской армии). В ПП: 24 мая 1633 — не ранее 1637/38 г. В 1637/38 г. находился под следствием.

Колчицкий (Кольчицкий) Григорий (? — 28 января 1679) — переводчик польского, латинского и белорусского языков. В ПП: 1656/57 — 28 января 1679 г. (в декабре 1663 г. переведен в Малороссийский приказ, с апреля 1664 г. одновременно и в ПП). Был женат (супруга — Ирина Александрова дочь). Двое детей.

Кошаев (Кашаев) Михаил (Имралей, Имраэль) Семёнов сын (Степанович) (? — не ранее 1678/79) — переводчик турецкого, татарского и арабского языков. Мусульманин (суннит). Из мешчерских (темниковских) служилых татар. С 1647 г. — православный. В ПП: июль 1630 — 1678/79 г. (отставлен по старости). С 1652/53 г. — дворянин «по московскому списку» (за крещение). Сын: Иван (стольник).

Кревт (Кревет, Крефт) Андрей Юрьев сын (? — февраль 1719) — переводчик английского языка. Из английских купцов. В ПП: 1675/76 — февраль 1719 г.; периодически «командировался» в Архангельск. В 1678 г. отсылался в Сибирский приказ. Был женат, имел сына Ивана.

Кузьмин Павел (? — не ранее 1635) — переводчик польского языка. В ПП: не позднее 1632/33 — 1635 г. Переведен (?) в дворяне московские.

Кулвинский (Кульвинской, Кулдинский) Павел Иванов сын (1635/1640 — не ранее 5 января 1716) — переводчик калмыцкого, монгольского, тибетского (тангутского) языков. Из литовских шляхтичей (?). Военнопленный (вторая половина 1650-х гг.), сослан в Сибирь. В ПП зачислен из тобольских детей боярских («дворян»). В ПП: 1678/79 — 1682/1683 г. (в 1682/83 г. — «отослан» в Разряд; затем до 19 августа 1688 г. числился в «кормовых иноземцах», выполняя службы по Иноземному приказу и Казанскому дворцу); 19 августа 1688 — март 1706 г. (отставлен Ф.А. Головиным), 29 января 1707 — не ранее 5 января 1716 г. С 25 октября 1683 г. — дворянин «по московскому списку». Был женат, имел несколько детей.

Кунтумышев (Култумышев, Кутлумышев (?), Кучемышев, Кутюмышев) Араслан Муртазин сын (? — 1667) — переводчик татарского языка. Мусульманин. В ПП: не позднее середины 1660-х (в толмачах; не позднее второй половины 1660 г. — в переводчиках) — 1667 г. (убит в крымской посылке). Сын толмача ПП Култумышева Муртазы и Барнакайки (Агиш). Женат (супруга — Фатима). Дети: сын Муса и дочь.

Кутумов Курманай (Курманалей, Курбонай, Иван) Кильдяров (Китляров, Кутлюаров) сын (? — ок. 1618) — переводчик татарского языка. Мусульманин (суннит). Из каширских служилых татар. В ПП: не ранее 1614 — ок. 1618 г. Возможно был толмачом.

Кучин Игнатий Андреевич (ок. 1592—1633) — переводчик немецкого и шведского языков. Из суздальских детей боярских. В 1603 г. отправлен в Германию для изучения немецкого языка. В 1611—1618 гг. — переводчик шведского короля, после подписания Столбовского мира вернулся в Россию. В ПП: 1619—1633 гг.

Лаврецкий Семен Федоров (Иванович — ?) (? — 3 марта 1706) — переводчик польского и латинского языков. Поляк, монах ордена св. Доминика, впоследствии принял православие. В ПП: 13 ноября 1660 — 3 марта 1706 г. С 25 марта 1675 г. дворянин «по московскому списку». Был женат, имел сына (Афанасий) и внука (Иван).

Левонтьев Вторко (? — не ранее 22 марта 1669) — переводчик немецкого языка. Из холмогорских посадских людей. В ПП: 1645/46 (возможно, сначала взят толмачом) — 22 марта 1669 (отставлен за старостью) г.; «прикомандированный» переводчик в Архангельске.

Лещинский Тимофей (Иван) (? — не ранее 1620) — переводчик латинского и польского языков. Выходец из Речи Посполитой. В ПП: не позднее 1613/14 — не ранее 1620 г. В 1620 г. принял православие.

Луцкий Тимофей (? — не ранее 1622) — переводчик латинского и польского языков. В ПП: не позднее 1613/14 — 1621/22 г. «Заворовавшись», ушёл со службы «безвестно».

Лыков Богдан (? — не ранее 1647/48) — переводчик латинского и польского языка. Из жильцов. В ПП: 1627/28 — не ранее 1647/48 г.

Максимов Иван (? — не ранее 28 июня 1659 (?)) — переводчик польского и латинского (?) языка. «Лучанин» (из Великих Лук(?)). В ПП: 1640/41 («для ученья», с октября 1644 — переводчик) — июнь 1659 г. Убит или взят в плен в Конотопской битве (в полку кн. А.Н. Трубецкого). Был женат дважды (вторая супруга — Аксюта).

Маметев (Магаметев) Мамет (Магамет) Селей (Маметсалай) (? — 1647/48) — переводчик персидского и арабского языков. Мусульманин. Взят из Астрахани. В ПП: не позднее 1641/42 — 1647/48 (умер) г. Женат (супруга — Байбек).

Мамин Имралей (? — не ранее апреля 1682) — переводчик татарского языка. Мусульманин. В ПП: сентябрь 1681 — апрель 1682 г.

Мануилов Мануил (? — не ранее 1629/30) — переводчик итальянского, латинского, немецкого и французского языков. Подданный Священной Римской империи. В ПП: 1614/15 — не ранее 1629/30 г.

Мейснер (Мейстер, Фанмейсен, Фонмейстер, Фонместер, Фонмесеин, фон-Мейстер, фон-Мейснер) Ефим Хриштофор (? — не ранее 9 августа 1682 г.) — переводчик шведского и немецкого («цесарско-го») языков. Лютеранин. Из шведских военных (капитан). Выехал в Россию с полковником Корнелиусом фон Падберком при содействии гостя из Любека Ягана фан Горна. Служил капитаном в приказе Тайных дел. В ПП: 11 января 1662 (по другим данным — с октября 1662 г.) — не ранее 9 августа 1682 г.

Мейснер (Меснер) Тавиас (Тобиас, Товияс) фон (? — 1701) — переводчик шведского («свейского») и немецкого языков. В ПП: не позднее 29 марта 1684 (31 октября 1689 г. выводился за штат приказа) — 1701 г. (умер); «командированный» переводчик в Пскове — 1690/91—1701 гг.

Мейснер (фон-Мейснер) Ефим Ефимов сын (? — не ранее 1705) — переводчик шведского и немецкого языков. Лютеранин. В ПП: 11 марта 1697 — не ранее 1705 г. (с мая 1697 г. откомандирован в приказ Казанского дворца для сопровождения инженеров «шлюзного дела»). Сын переводчика ПП Ефима Хриштофора Мейснера.

Меликов (Абызаббасов, Мелеков, Мелков) Девлет (? — не ранее 1683) — переводчик персидского и арабского языка. Мусульманин. Абыз. Взят из Астрахани. В ПП: не позднее второй половины 1649 — не ранее 1683 г. (1650 — 1656/57 гг. — в ссылке в Новгороде).

Месетев (Месетьев, Меситов) Асан Девлетматетев сын (? — не ранее 1675/76) — переводчик татарского языка. Мусульманин (суннит). В ПП: 19 декабря 1660 — не ранее 1675/76 г. Брат переводчика ПП Хусея (Алексея) Месетева.

Месетев (Месетьев, Меситов) Хусей (Усей, Алексей, Алексей Григорьев) Девлетматетев сын (? — не ранее 1678/79) — переводчик татарского языка. Мусульманин (суннит). С 1677 г. — православный. В ПП: 1666 (8 июня приведен к шерти) — не ранее 1678/79 г. Брат переводчика ПП Асана Месетева. Женат (супруга — Акулина Кириллова дочь).

Мозолевский Фёдор (? — ранее 1637) — переводчик латинского и польского языков. Военнопленный, подданный Речи Посполитой. В 1620 г. принял православие. В ПП: декабрь 1614 — не ранее 1621/22 г. Был женат, имел двух детей.

Монаев (Томонаев, Мононаев, Молонаев, Анаев) Суналей Тонаев сын (Тонаев Сунчалей) (? — не ранее 1625/26) — переводчик турецкого и татарского языков. Мусульманин (суннит). Из мешерских (касимовских?) служилых татар. В ПП: не позднее 27 мая 1613 — не ранее 1625/26 г.

Нагаев Милюта (? — не позднее 1619) — переводчик татарского языка. Из романовских служилых татар. Православный (?). В ПП: не позднее 1612/13 — не позднее 1619 г.

Мемен фон (Фаномен, Фенемен) Тимофей (? — не ранее 1623/24) — переводчик немецкого языка. В ПП: июнь 1613 — не ранее 1623/24 г. Был женат. Дети: сын Денис — служилый немец в Нижнем Новгороде.

Ниенборх Андрей (? — не ранее 1640/41) — переводчик голландского и немецкого языков. Немец. В ПП: 1629/30 — не ранее 1640/41 г.; «командированный» переводчик в Новгороде: 1629/30 — не ранее 1634 г.

Николаев (Миколаев) Дмитрий (? — после 23 ноября 1614) — переводчик немецкого языка. В ПП: в июне 1613 — сентябре 1614 г.; отставлен от службы, вероятно, за недостойное поведение за рубежом.

Николаев Иван (? — 1632/33) — переводчик французского языка. В ПП: 1629/30—1632/33 гг.

Орешек Иван (Арешек, Ареховский), (? — не ранее 1708) — переводчик «цесарского» (немецкого), латинского и польского языков. Католик, иноземец. В ПП: 12 августа 1698 («приведен к вере») — не ранее 1708 г.

Осеев (Евсеев, Сеев) Александр (? — после ноября 1615) — переводчик латинского, немецкого и польского языков. В ПП: не позднее 1614 — ноябре 1615 г. Под Смоленском перебежал на службу в Речь Посполитую.

Павлов Елисей (? — не ранее 1635/36) — переводчик немецкого языка. Переводчик в Пскове в 1606 г. В ПП: не позднее 1607 — не ранее 1635/36 г.; «командированный» переводчик в Новгороде: 1628/29—1629/30 гг. В 1626 г. (вместе с переводчиком ПП Е. Е. Вестерманом) привлекался к следствию и был на неделю заключён в тюрьму.

Петров Андрей (? — не ранее 12 июня 1629) — переводчик шведского языка. Швед. В ПП: 1613/14 — не ранее 12 июня 1629 г.; «командированный» переводчик в Новгороде: 1622/23 — не ранее 1629 г. Был женат.

Рагутин (Рахутен) Яков Балтасаров сын (? — не ранее 1635/36) — переводчик немецкого языка. В ПП: не позднее 25 апреля 1634 — не ранее 1635/36 г.

Сакаев (Секаев) Кадралей Уразметьев (Разметьев) сын (? — не ранее 1701) — переводчик татарского языка. Мусульманин (суннит). Из касимовских служилых татар (?). В ПП: не позднее 1681/82 — не ранее 1701 г.

Сакаев (Секаев) Кучукай (Качюкай) Семенов (? — не ранее 23 октября 1694) — переводчик татарского языка. Мусульманин (суннит).

Из касимовских или кадомских служилых татар. В ПП: до 1646/47 (в станичниках; не позднее 1646/47 — в переводчиках) — не ранее 23 октября 1694 г. Дети: дочь — Араслай.

Сарбогозин (Сабрузин) Байгозя (Аббагазий, Баигоза, Байгилдей) (? — не ранее 5 октября 1615) — переводчик татарского, персидского, арабского языков. Мусульманин (суннит). Из казанских татар. В ПП: октябрь 1614 — не ранее 5 октября 1615 г.

Сахарников Михаил Корнильевич (? — 6 октября 1661) — переводчик немецкого языка. Из служилых иноземцев (числился в Иноземском приказе). В ПП: июнь 1629 — 6 октября 1661 г. (умер от чахотки); командированный» переводчик в Архангельске: 1631/32—1636/37 гг.; Новгороде: 1636/37 — не позднее января 1644 г.

Северов Алферий (Олферий) (? — 1615) — переводчик шведского языка. Уроженец Немецкой слободы в Москве. В ПП: не позднее 1596/97 — 1609/10 г. В дальнейшем на шведской службе в Новгороде.

Селунский Анастас Иванович (? — не ранее 1634) — переводчик греческого языка. Грек, выехал в Россию в 1615 г. В ПП: 1627 — не ранее 1634 г.

Селунский Иван Дмитриевич (? — 1630) — переводчик греческого языка. Грек (из Фессалоник). Православный. Выехал в Россию с отцом Дмитрием Аргиловым Селунским между 1584 и 1589 гг. С 1598/99 г. — дворянин по «московскому списку». В ПП: не позднее декабря 1615 — 1630 г. Был женат дважды (вторая супруга — Аграфена); имел сыновей Григория (толмач ПП), Ивана и Матвея.

Смайлов Степан Игнатъев (Кобакшаев) сын (? — не ранее 1657/58) — переводчик татарского языка. Православный (?). В ПП: не позднее 1648/49 — не ранее 1657/58 г.

Смуневский (Смонеvский, Смудевский) Иван (? — не ранее 1651/52) — переводчик польского языка. В ПП: не позднее 1650/51 — не ранее 1651/52 г.

Спафарий (Спотали) Николай (Милеску, Миколос) Гаврилович (ок. 1636 — 1707) — переводчик греческого, «еллинского», латинского, волошского, молдавского языков. Из молдавских бояр греческого происхождения. Выехал в Россию в 1671 г. В ПП: 14 декабря 1671 — 1675, 1679, 13 октября 1682—1707 г. (в 1675-1678 гг. — возглавлял посольство в Китай, в сентябре 1679 г. — отослан в Разрядный приказ, в 1680-1681 гг. — воевода в Темникове). Дворянин по московскому списку с 1671 г.

Спац Роман Романов сын (? — не ранее 4 июля 1676) — переводчик голландского и «цесарского» (немецкого) языков. Попал в юности за

границу «для ученья», где прожил 14 лет. Вернулся в 1668 г. В ПП: 14 июля 1668 — не ранее 4 июля 1676 г.; «командированный» переводчик в Холмогорах. Сын переводчика Романа, служившего в Архангельске и на Холмогорах.

Степанов Вельямин (? — не ранее 1602/03) — переводчик татарского языка. Сын боярский. Православный. В ПП: не позднее 16 октября 1588 — не ранее 1602/03 г. Брат переводчика ПП Степана Степанова.

Степанов Степан (? — не ранее августа 1594) — переводчик татарского языка. Сын боярский. Православный. В ПП: не позднее октября 1586 — не ранее августа 1594 г. Брат переводчика ПП Вельямина Степанова.

Стерлинг Павел Томасов (? — 1617/18) — переводчик голландского, немецкого, шведского и шотландского языков. Шотландец, военнопленный. В ПП: не позднее мая 1601—1617/18 г.

Стралман Петр (? — не ранее 1666) — переводчик шведского и немецкого языка. Из капитанов полков иноземного строя. Взят из Смоленска к Москве «для справки и переводу свейской окончательной грамоты и иных писем». В ПП: февраль 1662 — не позднее 1666 г. (отослан обратно в Иноземный приказ).

Татаринов Петр (Мещерский Петр) Адрианов (Андреянов) сын (? — не ранее 23 октября 1694) — переводчик татарского и турецкого языков. Православный. В ПП: 12 июня 1675 — не ранее 23 октября 1694 г. Дворянин «по московскому списку».

Тевкелев (Тефкелев) Абдрахман Мустафин сын (? — 18 января 1674) — переводчик татарского языка. Мусульманин (суннит). Из касимовских служилых татар. В ПП: не позднее второй половины 1667 — 18 января 1674 г. (убит в полку воеводы кн. Г.Г. Ромодановского). Сын переводчика ПП Мустафы Семенова сына Тевкелева. Женат не менее двух раз. Первая жена — сестра переводчика ПП Абдулы Билялова сына Байцына. Вторая жена — Асманка (Османка, Асанка) Тюгеева дочь. Дети от первого брака: сыновья Рамазан (переводчик ПП — ?) и Маметко (переводчик ПП).

Тевкелев (Тефкелев) Магмет Абдрахманов сын (? — не ранее 1708) — переводчик татарского языка. Мусульманин (суннит). Из касимовских служилых татар. Сын переводчика ПП Абдрахмана Мустафина сына Тевкелева. В ПП: ? — ранее 1708 г.

Тевкелев (Тефкелев) Мустафа (Муртаза) Рамазанов сын (? — не ранее 1718) — переводчик татарского и турецкого языков. Из мещерских (касимовских?) служилых татар. В ПП: 1 июня 1712 г. (приведен к вере) — не ранее 1718 г.

Тевкелев (Тефкелев) Мустафа Семенов сын (? — не ранее 1651/52) — переводчик татарского языка. Мусульманин (суннит). Из мясницких (касимовских?) служилых татар. В ПП: не позднее 1623/24 (в станичниках; не позднее 22 сентября 1631 — в переводчиках) — не ранее 1651/52 г. Отец переводчика ПП Абдрахмана Мустафина сына Тевкелева.

Тевкелев (Тефкелев) Рамазан (Ромазан) Абдарахманов сын (? — не ранее сентября 1719) — переводчик татарского и турецкого языков. Мусульманин (суннит). Из касимовских служилых татар. В ПП: 2 августа 1695 (приведен к вере) — не ранее сентября 1719 г. Сын переводчика ПП Абдрахмана Мустафина сына Тевкелева. Женат (супруга — Мусия Данилова дочь).

Тонкачев (Танкачев, Танкачев) Кутлумамет (Кутя Маметев, Мамет) Сулейманов сын (? — не ранее мая 1719) — переводчик татарского и турецкого языков. Мусульманин (суннит). Из касимовских служилых татар. В ПП: не позднее ноября 1703 (23 декабря приведен к вере) — не ранее 1718 г. Сын переводчика ПП Сулеймана Сагеева сына Тонкачева. Дети: сын Ахмет.

Тонкачев (Танкачев, Танкачев) Сулейман Сагеев (Сареев) сын (? — 1711) — переводчик татарского языка. Мусульманин (суннит). Из касимовских служилых татар. В ПП: 15 января 1675 — 1711 (умер) г. Женат (супруга — Джинаб (Зиновия) Мамалеева (Маметева) дочь). Дети: сыновья Кутлумамет (переводчик ПП), Ахмет мирза.

Топоровский (Торомонов) Тимофей (? — не ранее 1657/58) — переводчик польского, латинского языков. Белорусец. В ПП: 1648 — не ранее 1657/58 г.

Тяжкогорский (Тешкогорской, Тяшкогорский, Чешкегорской, Чешкогорский) Иван Михайлов сын (? [не позднее конца 1630-х] — вторая половина 1704) — переводчик латинского, царского (немецкого), польского, французского, венгерского, белорусского языков; знал также итальянский (? — устн.), греческий (?). Католик (возможно ранее был священником), в 1669 г. принял православие. Выходец из «цесарские земли», возможно венгерский шляхтич. В Россию выехал «из Литвы» с Б.И. Нащокиным (Ордыным-Нащокиным) в 1668 г. В ПП: 1 сентября 1668 (4 сентября — «приведен к вере») — начало 1670-х, 1678/79 — вторая половина 1704 г.; в 1670-х гг. — числился в Малороссийском приказе. Женат (супруга — Варвара Ивановна). Имел детей.

Устокасимов (Устакасимов) Кучук (Кучум, Кучук бакшей) (? — не ранее 19 апреля 1591) — переводчик татарского и турецкого языков. Му-

сультманин (суннит). В ПП: не позднее 15 июля 1572 — не ранее 19 апреля 1591 г. Отец переводчика ПП Резепа Кучукова сына Устокасимова.

Устокасимов (Устокасымов, Стокасимов) Кутломамет (Андрей?) Резепов (Режепов) сын (? — не ранее 31 октября 1689) — переводчик татарского языка. Мусульманин (суннит). Из касимовских служилых татар. В ПП: не позднее 1638/39 — 31 октября 1689 г. Сын переводчика ПП Резепа Кучукова сына Устокасимова. Женат (первая супруга — родная сестра переводчика ПП Михаила (Имраэля) Семёнова сына Кошаева; вторая супруга — Тин-салтана Уразаева дочь). Упоминаются дети.

Устокасимов (Устокасымов, Стокасимов) Резеп Кучуков (Кучумов) сын (? — 1629/1630) — переводчик татарского языка. Мусульманин (суннит). Из касимовских служилых татар. В ПП: не позднее 1615 — конец 1629 / начало 1630 г. (умер от ран при возвращении из крымской посылки). Сын переводчика ПП Кучука (Кучума) Устокасимова. Женат (супруга — Кутлусалтан). Дети: сыновья Кутломамет (переводчик ПП) и Мурзабек, дочь Ширин-салтан.

Фентуров Ефим Иванов сын (1610-е — 25 апреля 1681) — переводчик немецкого и шведского языков. В ПП: не позднее 1632/33 — 1676/77 (отставлен за старостью) г.; «командированный» переводчик в Новгороде (1633 — 1634 гг.) и Пскове (1661 — 1 апреля 1675, сменен из Пскова «за ево старость и за увечь»). С 11 марта 1678 г. получал «пенсию» («вместо милостыни») — 8 денег (4 коп.) в день. Был женат. Сын: Ефим Крейк (майор).

Филаденский (Филадельский, Протопопов) Мануил (Эммануил) Матвеев (? — не ранее 1638) — переводчик греческого языка. Грек (из Филадельфии Лидийской). Выехал «на государево имя» в 1623 г. В ПП: 1629 (толмач, с сентября 1631 г. — переводчик) — октябрь 1635 г. (отослан в Разрядный приказ).

Фрес (Фрез) Мартын (? — не ранее 1664/65) — переводчик польского, немецкого языков. Из Речи Посополитой (Вильно), «немецкой породы» (1657/58 г.). Крестился в православие (1659/60 г.). Возможно был беглым холопом стольника И. Телепнева. В ПП: октябрь-ноябрь 1662 — 1664/65 г. («ушел» в Польшу во время поездки с «греческими старцы... в Померскую землю»).

Христофоров Константин (? — 1688/89) — переводчик греческого и волошского языков. Переведен из Аптекарского приказа. Зачислен в приказ по прошению александрийского патриарха Паисия. В ПП: 17 мая 1668 — 1688 г. Не позднее 1670/71 г. — дворянин «по московскому списку». Был женат, имел сына Федора (переводчик ПП).

Христофоров Федор Константинов сын (Константинов Федор) (? — 1704) — переводчик греческого языка. В ПП: 10 января 1689 (указ) — 1704 г. Сын переводчика ПП Константина Христофорова.

Циммерман[ов] (Цымерманов) Лазарь (? — 19 ноября 1669) — переводчик немецкого (цесарского) языка. В ПП: не позднее 1656 — 19 ноября 1669 г. (умер); «командированный» переводчик в Новгороде (1661 — около 1667 г.). Был женат (супруга — Дарья).

Чарянов Сунчалея (? — не ранее 1678/79) — переводчик татарского языка. Мусульманин. В ПП: не позднее 1677/78 — не ранее 1678/79 г. Сын (?) переводчика ПП Едигера Чарянова сына Шамаева.

Черкасов Федор Филимонов сын (? — не ранее 1676/77) — переводчик греческого языка; знал турецкий (устн.). Возможно из греков. Был «полоняником» в Османской империи (?). В ПП: 1623 (?) (толмач, с 1629/30 г. — переводчик) — не ранее 1676/77 г. Отправлен в отставку «за старость». Брат Игнатий — толмач ПП.

Черцов (Ченцов) Дементий Иоаннов сын (1610-е — не ранее 1658) — переводчик греческого языка. Грек (из пелопонесского рода Чарнотадцкого). Выехал в Россию в 1629 г. из Константинополя. Служил в Иноземском приказе. В ПП: 1631/32 или 1632/33 (толмач; с 18 мая 1642 г. — переводчик) — не ранее 1658 г.

Чижинский (Чижевский) Степан Федорович (? — 1709) — переводчик польского, латинского, белорусского языков. Из шляхтичей «Львовского повета». Православный. В 1675 г. приехал в Москву из Смоленска, где обучал латинскому «шляхетских детей». В ПП: 1 февраля 1678 — 1709 г. С декабря 1682 г. дворянин «по московскому списку».

Шамаев Едигер Чарянов сын (? — не ранее 1659/60) — переводчик татарского языка. Мусульманин (суннит). Из шацких служилых татар. В ПП: не позднее 1649/50 — не ранее 1659/60 г. Отец (?) переводчика ПП Сунчалея Чарянова.

Шапкин (Иванкин) Андрей (? — не ранее 1675/76) — переводчик грузинского языка. Из подьячих Большого тюремного двора Большого прихода. В ПП: 2 сентября 1673 — не ранее 1675/76 г.

Шафиров Петр Павлович (1673 — 1 марта 1739) — переводчик немецкого и голландского языков. В ПП: 30 августа 1690 — 1703 г.; 1703 — 16 июля 1709 г. — тайный секретарь, с 16 июля 1709 г. — государственный подканцлер, тайный советник (июль 1711 г.). С 1717-1718 гг. — в Коллегии иностранных дел (вице-президент). Барон (30 мая 1710 г.). Сенатор (1718 г.), действительный тайный советник (ян-

варь 1722 г.), действительный статский советник (июль 1728 г.). Февраль 1723 — март 1725 г. — ссылка. Президент Коммерц-коллегии: 14 июля 1725 — 21 февраля 1728, 2 апреля 1733 — 1 июля 1736 г. Брат М.П. Шафирова.

Щирецкий (Щирецкий, Щирецкой) Степан (католическое имя — Людвик) (? — не ранее 1668) — переводчик польского, латинского языка. Из польско-литовских полоняников. В ПП: 1659/60 — 9 декабря 1667 г. (отпущен в Литву с польскими послами; возможно стал доминиканцем).

Щуковской (Щуковский, Шуховской, Щуховской) Лука (Лучка) Афанасьев сын (? — не ранее 1701) — переводчик польского, латинского и белорусского языков. Родился в г. Сокали (Польша). Православный. В Москву приехал в 1690-1691 гг. с боярином князем М.Г. Ромодановским, став домашним учителем его сына — кн. А.М. Ромодановского. В ПП: 15 марта (указ) 1693 (приведен к вере после 28 марта в Архангельском соборе) — не ранее 1701 г. Был женат (супруга — Василиса Григорьевна дочь).

Юрьев Михаил (? — после августа 1609) — переводчик немецкого языка. В ПП: не позднее 1606/07 — не ранее августа 1609 г.

Яковлев (Яков) Ульф (? — не ранее 1655/56) — переводчик шведского, датского языков. Из полков «иноземного» строя (?). Отец — «кормовой» иноземец (?). В ПП: октябрь 1650(?) (по другим данным — 6 августа 1655) — не ранее 1655/56 г.

Якушевский Юрий (? — октябрь 1614) — переводчик немецкого и польского языков. Поляк. В ПП: не позднее августа 1612 — октябрь 1614 г. Умер на службе под Смоленском. Был женат (супруга — Акулина).

Приложение 1.

Служащие, в отношении которых необходимо подтверждение их работы в Посольском приказе в переводчиках

Александров Василий (? — не позднее 25 июня 1646) — переводчик (?). В ПП: единственное упоминание — челобитная вдовы от 26 июня 1646 г.

Аминаев Магмед (? — после 22 августа 1679) — переводчик персидского языка. Астраханец. Мусульманин. В ПП: единственное упоминание — 22 августа 1679 г.

Асакаев (Абуласанов, Асанов) Эмин абыз (Имилко) Тегрен (? — не ранее 1654) — переводчик персидского и арабского языков. Мусульманин (суннит). Из членов двора касимовских царя Арслана бин

Али и царевича Сеит-Бурхана бин Арслана, вызывался в столицу для персидских и арабских переводов. В ПП: единственное упоминание — 22 декабря 1654 г.

Выбор Роман (? — не ранее 1608) — переводчик шведского языка. В ПП: единственное упоминание — 1608 г.

Гарланд Лаврентий (? — не ранее 1648/49) — переводчик (?). В ПП: единственное упоминание — 1648/49 г.; «командированный» переводчик в Архангельске.

Голмер Андрей Христианов сын (? — 1703) — переводчик немецкого, латинского, итальянского и польского языков. В ПП: единственное упоминание — 1703 г.

Грабов Павел Матвеевич (? — не ранее 1625/26) — переводчик немецкого (?) языка. Кормовой иноземец. В ПП: единственное упоминание — 1625/26 г.

Жадин Федор (? — не ранее 1655) — переводчик польского, латинского языков. Лютеранин, 10 марта 1655 г. принял православие. Иноземец «польские земли», «книжного учения школьник». Из Польши переселился в Швецию в г. Штетин, а затем через Новгород «выехал на царское имя». В ПП: упоминается лишь в 1655 г. (февраль-март).

Иванов Бажен (Бенжамен Барон) (? — не ранее 1615 г.) — переводчик французского языка. Француз, в России с 1600 г. В ПП: единственное упоминание — август 1609 г. В дальнейшем на шведской службе в Новгороде.

Итрот Андрей (? — не ранее 1613/14) — переводчик латинского и польского языков. В ПП: единственное упоминание — 1613/14 г.

Литвинов Петр (? — не ранее 1650/51) — переводчик польского языка. В ПП: единственное упоминание — 1650/51 г.

Мамаков Халил Мустафин сын (? — не ранее 1661/62) — ученик в татарские переводчики (?). Мусульманин. В ПП: не позднее 1660/61 — не ранее 1661/62 г. Пасынок переводчика ПП Алмамета Алышева.

Одинцов Дорогой Петрович (? — после 1638). Переведен в Москву из Астрахани в 1624/25 г. В ПП: в чине подьячего в 1624/25—1632/33 гг.; в 1629/30 г. единственный раз упоминается как татарский переводчик.

Осанов Родион (? — не ранее 1702) — переводчик турецкого и татарского языков. Мусульманин. В ПП: единственное упоминание — 1702 год.

Перванов Дмитрий (? — не ранее 1630/31) — переводчик (?). В ПП: единственное упоминание — 1630/31 г. Сослан в Сибирь.

Петлинг Адам (? — 1687/88) — переводчик голландского языка. В ПП: единственное упоминание — 1687/88 г. (умер); «командированный» переводчик в Архангельске.

Платаревич Казимир (? — не ранее 13 июля 1661) — переводчик латинского и немецкого языков. В ПП: единственное упоминание — 13 июля 1661 г.

Садовский Василий (? — не ранее 1613/14) — переводчик латинского и польского языков. В ПП: единственное упоминание — 1613/14 г.

Телмаметев Тохтаролей (? — не ранее 1680) — переводчик татарского языка. Мусульманин. В ПП: единственное упоминание — 1680 г.

Токшеиков (Такшеин) Василий Черментьев (Чермантеев) сын (? — между 1613 и 1621/22) — переводчик татарского языка. Мусульманин (суннит). Из кадомских служилых татар. В ПП: единственное упоминание — 1613 г. Дети: Бибай мирза.

Тырин (Тырков) Иван (? — не ранее 1619/20) — переводчик татарского языка. Православный (?). Астраханец. В ПП: единственное упоминание — 1619/20 г.

Шакулов Ахмед (Ахмед-сеид б. Тин-Мухаммед-сеид (Тениш) б. Ак-Мухаммед-сеид) (? — начало 1681) — переводчик татарского языка. Мусульманин (суннит). Из касимовских служилых татар. В ПП (?): не позднее 1680 — начало 1681 г. (умер в Крыму во время посольской миссии). Дети: сын Биктемир.

Приложение 2.

Переводчики, служившие в Посольском приказе (Посольской походной канцелярии) в XVIII в.

Приводятся краткие сведения о языковой специализации и периоде службы в дипломатическом ведомстве.

Барка (Барк, Берке) Николай, переводчик турецкого, греческого, итальянского языков: не позднее 1710 — июль 1711 г.; с 12 июля 1711 г. — секретарь; 7 октября 1712 г. — умер в Стамбуле.

Белецкий (Былецкий) Матвей Гаврилов сын, переводчик латинского, польского, белорусского: не позднее 1702 — не ранее 1718 г. Участник Великого посольства 1697-1698 гг. как дворянин свиты посла Ф.А. Головина.

Белошицкий (Бялошицкий) Александр, переводчик латинского и польского языков: 1715 — не ранее 1718 г.

Беневени Флория, переводчик турецкого и итальянского языков: не позднее 1716 — не ранее 1718 г.

Бланжи Шарль д'Анри, переводчик французского языка («для французской корреспонденции»): 1717 — не ранее 1718 г.

Васильев Андрей Михайлов сын, переводчик латинского и греческого языков: 1701 — не ранее 1718 г.

Веселовский Авраам Павлович, переводчик латинского и немецкого языков: 1 декабря 1708—1710 г.

Веселовский Исаак (Исаак) Павлович, переводчик латинского, немецкого, французского, итальянского языков: 1707 — июль 1718 г.; с июля 1718 г. — секретарь; далее — в КИД.

Веселовский Федор Павлович, переводчик латинского, немецкого и французского языков: 1707—1716 гг.

Волков Борис Иванов сын, переводчик немецкого, французского языка: 7 марта 1710 — не ранее 1718 г.

Волков Григорий Иванов сын, переводчик французского, итальянского языков: 1704-1711 гг.; 11 июля 1711 — 1717 г. — секретарь.

Волков Петр Иванов сын, переводчик немецкого, французского языков: 8 марта 1714 — не ранее 1718 г.

Волков Степан, переводчик немецкого языка: 13 августа 1714 — 1718 г. (умер).

Диконс Андрей, переводчик голландского и немецкого языков: 12 июля 1701 («приведен к вере») — 1702 г.

Келдерман (Келлерман) Иван (Иоганн Филипп фон), переводчик немецкого, французского, английского, итальянского: 11 июня 1712 — не ранее 1718 г.

Коет Петр, переводчик «цесарского» (немецкого), голландского, шведского и датского языков: 12 июля 1701 («приведен к вере») — не ранее 1708 г.

Копиевский Илья Федоров сын, переводчик латинского, польского, немецкого языков: 1710-1713 гг. (умер).

Ларионов Петр Михайлович, переводчик латинского, «цесарского» (немецкого), французского и голландского языков: 15 января 1710 — 1718 г.; далее — в КИД.

Мунгалов Федот Иванов сын, переводчик калмыцкого, монгольского, китайского и тангутского языков: 1701 — 1 марта 1710 г. (умер).

Носович Тимофей (Григорий) Северианов сын, переводчик латинского, польского языков: 1705(?)—1713 гг. («отставлен»).

Остерман Андрей Иванович, переводчик латинского, немецкого, французского и голландского языков: 1708—1711 гг.; с 12 июля 1711 г. — секретарь, с 16 января 1716 г. — советник; далее — в КИД.

Почайнов (Чайнов) Алексей Дмитриев сын, переводчик латинского, греческого и турецкого (?) языков: не позднее 1705 — 1718 г.; далее — в КИД (с 1720 г. — архивариус).

Ратка Петр, переводчик итальянского языка: ? — 1716 г. (умер).

Сафонов (Софонов) Петр, переводчик латинского, греческого и турецкого (?) языков: 1706 — не ранее 1718 г.

Суда (Зуда) Иван, переводчик греческого, итальянского и турецкого языков: не позднее 1710 — 1718 г.; далее — в КИД.

Тарнавский Иван (Терновский) (? — 1704) — переводчик латинского, польского и белорусского языков: 1701—1704 г.

Тест Гаспер, переводчик латинского, турецкого и греческого языков: 1710 — май 1713 г.

Шафиров Михаил Павлович, переводчик латинского, немецкого и французского языков: 21 января 1706 — июнь 1710 г.; с 3 июня 1710 г. — секретарь; далее — в КИД.

Швынберх (Свымер, Швиммер, Швымер) Яган Никола (Николай) [Johan Nicol Schwimmer], переводчик латинского, немецкого, шведского языков. В ПП: 23 июля 1701 («приведен к вере») — не ранее января 1711 г.

Шилинг (Шилен, Шиленг) Венедикт (Веденихт, Веденикт) Густавов сын, переводчик латинского, немецкого, голландского, итальянского (?) и шведского языков. В ПП: 23 января 1703 («приведен к вере») — не ранее 1718 г.

А.В. Малов, О.С. Смирнова

Переводчики и толмачи вне Посольского приказа в 1613—1621/22 годах: по расходным книгам Казенного двора

Настоящая статья продолжает просопографическое исследование такой категории служилых людей Московского государства XVII в. как толмачи и переводчики, начатое авторами статьей о переводчиках и толмачах Посольского приказа (*Малов А.В., Смирнова О.С. Пожалования на Казенном дворе переводчиков и толмачей Посольского приказа в 1613 — 1621/22 годах // Труды ИРИ РАН (в печати)*). Основное внимание исследователей до сих пор обращено на переводчиков и толмачей, служивших в Посольском приказе или привлекавшихся

им для различных дипломатических миссий (*Луцейцев Д.В.* Посольский приказ в эпоху Смуты. М., 2003. С. 149—183; *Он же.* Переводчик Посольского приказа Игнатий Андреевич Кучин. (К вопросу о судьбе одного из «годуновских студентов») // Русский родословец, № 1 (2), 2002. С. 4—8; *Он же.* Переводчик Посольского приказа Иван Фомин и источники по истории приказной системы Московского государства конца XVI — середины XVII века // Иноземцы в России в XV — XVII веках. М., 2006. С. 241—252; *Беляков А. В.* Касимовские татары — станичники, толмачи и переводчики Посольского приказа XVII в. // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. — Рязань: РОИРО, 2001. Т. 2. С. 36—42; *Шамин С.М.* Одежда и ткани — «государево жалованье» переводчикам Посольского приказа во второй половине XVII в. // Жизнь в Российской империи: Новые источники в области археологии и истории XVIII века: материалы междунар. науч. конф. / Институт археологии РАН, Институт российской истории РАН. — М., 2018. С. 110—113). Однако сфера использования переводчиков и толмачей в России XVII в. была гораздо шире, а переводчики не всегда имели соответствующий официальный статус.

На восполнение этой лакуны нацелена и настоящая статья, посвященная первым упоминаниям в расходных книгах Казенного двора переводчиков и толмачей, которые служили в приказах Казанского дворца, Аптекарском, Панском и на Казенном дворе, а также выезжим иноземцам, которые при пожаловании их за выезд заявили себя толмачами. Исследование охватывает период с 1613 по 1622 гг. Основой статьи стала просопографическая база данных, которая является первой попыткой систематизации сведений о переводчиках и толмачах вне Посольского приказа в конце Смутного времени и в первые послесмутные годы.

В основу источниковой базы настоящего исследования легли 10 расходных книг Казенного приказа (в изучаемое время — двора), первая из которых опубликована в Т. 9. Русской исторической библиотеки (РГАДА. Ф. 396. Архив Оружейной палаты. Оп. 2. Кн. 199 (РИБ. Т. 9. 1884), 277, 278, 279, 203, 204, 205, 206, 207, 208). Материалы расходных книг Казенного двора частично вводились в научный оборот (*Забелин И. Е.* Дополнения к Дворцовым разрядам, по поручению графа Д.Н. Блудова собранные из книг и столбцов преждебывших Дворцовых приказов архива Оружейной палаты Ив. Забелиным. (1613-1634 гг.) Часть первая. М., 1882; Приходо-расходные книги Казенного приказа / По инициативе и на средства сотр. АК *кн. Г. Д. Хилкова* // РИБ. Т. 9 / Отв. за том член АК *А. И. Тимофеев.*

СПб., 1884. С. 1—381) и в отношении основной массы служилых людей представляют собой записи пожалований за службы и по иным поводам тканями (главным образом), мехами и серебряной посудой. Среди жалованных тканей доминируют сукна, но в любом случае жаловался отрез (портище) ткани, необходимый для шитья верхнего подпоясного платья (в основном — кафтана или зипуна). Сами пожалования представляют собой коннотацию средневекового жалования сюзереном своих верных слуг одеждой (портища тканей и сорока меховых шукурок) и питьем (серебряные чарки и ковши). — важнейшей функцией феодального (а возможно, и дофеодальной традиции) суверена кормить и одевать своих слуг.

Объектом исследования стали те служилые и выездные люди, чей статус был определен документами Казенного двора как толмач или переводчик в рассматриваемый хронологический период. Таковых в материалах расходных книг нашлось 26 толмачей и 1 переводчик-толмач из перечисленных выше 4 приказов. За рамками исследования оказались те толмачи и переводчики, которые никогда не носили данного чина, либо оказались в названном чине позже рассматриваемого хронологического отрезка.

Что касается первых — толмачей и переводчиков, не имевших никогда этого чина, — то наиболее ярким примером станет знаменитый Анисим Михайлов сын Радишевский (*Немеровский Е.Л.* Анисим Михайлов Радишевский около 1560 — около 1631. М., 1997; *Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 3. П—С.* СПб.: Дмитри Буланин, — 1998. С. 290—295 (А.А. Гусева, Л.И. Сазонова)), который не смотря на свою известную переводческую деятельность не получил чин переводчика. В сентябре 1620 г. он представил царю свою редакцию перевода книги Леонарда Фронспергера (Leonhard Fronsperger. «Kriegsbuch», 1573), выполненную в 1607 г. Михаилом Юрьевым и Иваном Фоминым, под названием «Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки» ([*Радишевский*] *Онисим Михайлов. Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки, изданный В. Рубаном.* Ч. I—II. СПб., 1777-1781; *Лобин А. Н.* Воинская книга XVII века. Первый научно-технический труд в России // *История науки и техники. Сб. трудов.* СПб., 2001. Т.1. С.26-27; *Лобин А. Н.* «Воинские книги» 1607—1620 гг.: опыт заимствования европейской военно-теоретической науки // *Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета: Смутное время в России: Конфликт и диалог культур.* Вып. 10. 2012. С. 163—168; *Русаковский О. В.* «Воинские кни-

ги» 1607/1620 гг. и их немецкий оригинал. Попытка сопоставления // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2018. Т. 73. № 3. С. 53—63). Будучи «колокольным литцем» Пушкарского приказа (*Бондаренко А.Ф.* История колоколов России XI — XVII вв. М.: Русская панорама, 2012. — С. 265), он еще в 1620 г. называется «колокольником» (Перепись московских дворов 1620 г. / Подг. к публ. *А.А. Мартынов* // Переписи московских дворов XVII столетия М., 1896. С. 7), но уже 10 ноября 1622 г. именуется «пушкарских дел мастером» (РГАДА. Ф. 396. Архив Оружейной палаты. Оп. 2. Кн. 208. Л. 24 об.—25 — Оpubл.: *Забелин И. Е.* Дополнения к Дворцовым разрядам, по поручению графа Д.Н. Блудова собранные из книг и столбцов преждебывших Дворцовых приказов архива Оружейной палаты Ив. Забелиным. (1613—1634 гг.) Часть первая. М., 1882 (далее — *Забелин И. Е.* Доп. к ДР). Стб. 322—323). Поддержанное *А.Ф. Бондаренко* предположение (а не установленный факт — *sic!*) *А.П. Лебедежанской*, что Радишевский был «научным работником» Пушкарского приказа со ссылкой на форму написания его чина (*Бондаренко А.Ф.* История колоколов... С. 268, 269) не может быть принято в силу, во-первых, низкой кодификации в России XVII в. написания чинов, особенно низших категорий служилых людей. В этих условиях «пушечный мастер» и «пушкарских дел мастер» с гораздо большей вероятностью являлись не просто синонимами, а единым понятием, обозначающим один и тот же чин (аналогично и с гипотезой *Бондаренко* об «упразднении» чина «пушкарских дел мастера»). Во-вторых, предположение *Лебедежанской* нельзя принять в силу использования «пушкарских дел мастера» на инженерных и фортификационных, а отнюдь не переводческих работах или для закупок военной литературы за границей. Последним занимались либо дипломаты, либо нанятые правительством «резиденты» и «комиссарыюсы» как правило из западноевропейского купечества.

Что же до второй группы, то наглядным примером станет мешевский сын боярский Богдан Лыков, по всей видимости именно он будет в недалеком будущем переводчиком «Космографии» Герарда Меркатора (Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 2. И—О. СПб.: Дмитрий Буланин, — 1993. С. 309 (*Е.Н. Матвеева*); *Глушкина С. М.* Космография Богдана Лыкова 1637 г.: Автореф. дис. / канд. филол. наук. Л., 1949. 11 с.; *Она же.* Космография 1637 года как русская переработка текста «Атласа» Меркатора // Географический сборник. М.; Л., 1954. Кн. 3. С. 79—99; *Горбатов Е. Н.* Новые материалы по делу архиепископа Иосифа (Куршевича) 1634 г. // Вестник церковной истории. 2011 № 1 (21/22).

С. 233—242; *Кошелева О.Е.* Доверять ли свидетельствам иностранцев, побывавших в России? // «Повседневные практики Средневековья и Нового времени. От информации уникальной к информации верифицируемой. ИВИ РАН. М., 2015. С. 106-120; *Фаизов С.* Богдан Лыков — дипломат и писатель. Эскиз биографии // [Электронный ресурс:] <https://sagitfaizov.livejournal.com/8371.html> (01.04.2019); *Кошелева О.Е.* Богдан Лыков (кон. XVI — 1648 гг.) — переводчик Посольского приказа. Реконструкция биографии (в печати)). Ставший в 1630-е гг. переводчиком Посольского приказа, в рассматриваемое нами время за взятых им «языков» Б. Лыков получил жалованье в 1617 г. (22 ноября, вероятно, за челядника лезного или «черкашенина», судя по размеру пожалования) и в 1618 г. (28—31 августа — явно за польско-литовского или наемного комбатанта) (РГАДА. Ф. 396. Архив Оружейной палаты. Оп. 2. Кн. 203. Л. 91 об., 515—515 об.).

Таким образом здесь представлены лишь переводчики и толмачи, записанные таковыми в расходных книгах Казенного двора 1613—1622 гг. и не относящиеся к ведомству Посольского приказа. Неслужилые люди (московские торговые «немцы»), привлекавшиеся Посольским приказом для дипломатических миссий, также освещены нами ранее (*Малов А.В., Смирнова О.С.* Пожалования на Казенном дворе переводчиков и толмачей Посольского приказа...). Но в просопографической базе настоящей статьи учтены пожалованные за выезд и крещение иноземцы, сказавшиеся толмачами (переводчиком не записан ни один), но еще не записанные в службу и не определенные в ведомста.

По вполне понятным причинам, так массово переводчиками и толмачами, как в документах Казенного двора представлен Посольский приказ (за изучаемый период — 20 переводчиков и 21 толмач), не могут похвастать все прочие ведомства вместе взятые. Следует отметить и примерный взаимный балланс числа переводчиков и толмачей дипломатического ведомства. Из всей прочей приказной системы в книгах встретился лишь один переводчик, совмещавший переводческую службу с толмаческой в Аптекарском приказе — Захарий Захарьев сын Миколаев (см. приложение). Но именование его переводчиком возможно связано не столько с его служебными обязанностями, сколько с привлечением его к дипломатической миссии в Любек и Гамбург в составе посольства Дмитрия Лодыгина. Тогда по возвращении его в Москву он получил царское жалованье в январе 1620 г., а уже в мае того же года при получении жалованья в группе доктора Иева Поливануса он назван толмачем Аптекарского приказа. При ограниченном числе служащих в Аптекарском приказе, обслуживав-

шого в этот период, главным образом, потребности царской семьи и высшей элиты, возможно разделение специалистов по иностранным языкам на переводчиков и толмачей было несущественной условностью. Учитывая прецедентный характер московского делопроизводства, нельзя исключить, что такая ситуация характерна в целом для таких приказов как Аптекарский, Панский (Иноземский) и Казенный двор (после 1622 г. наименование последнего Казенным приказом начинает постепенно вытеснять наименование ведомства Казенным двором). Уместно провести параллель с понятием «войско» в Сибири при официальной “кальке” сословно-служилой структуры служилых людей, столь значимой в европейской части России (*Александров В.А.* «Войско» — организация сибирских служилых людей XVII в. // История СССР. 1988. № 3. С. 94—113).

Актуальность иерархической структуры переводчиков и толмачей представляется безусловной для такого крупнейшего центра письменной и устной переводческой деятельности как Посольский приказ. Возможно, эта иерархичность распространялась и на Приказ Казанского дворца, где до 1637 г. численность подведомственных ему толмачей превосходила число штатных толмачей Посольского приказа. Но эта тема еще ждет своего исследователя, как и реконструкция сгоревшего архива Приказа Казанского дворца. Из исследуемых здесь 28 служилых толмачей, 25 служили по ведомству Казанского дворца.

Это было второе после Посольского приказа ведомство, где требовалась масштабная толмаческая служба, особенно до выделения Сибирского приказа в 1637 г. Количество подведомственных Казанскому дворцу толмачей, которые были пожалованы на Казенном дворе в 1613—1622 гг. превышает даже толмаческую службу Посольского приказа: 25 против 21 человека. В то же время сохранившиеся документы Сибирского приказа и местных архивов Сибири и других земель Казанского дворца дают систематический материал не ранее 1624—1625 гг., а по отдельным регионам — и с 1627—1628 гг. (*Малов А. В.* Приезды в Москву березовских служилых людей на выходе России из Смуты. 1613-1619 гг. (По данным приходо-расходных книг Казенного приказа) // Меншиковские чтения — 2015: Материалы Российской научной конференции: Березово (Ханты-Мансийский автономный округ — Югра), 27 — 29 ноября 2015 г. / отв. ред. *П.А. Кротов.* СПб., 2015. Вып. 10. С. 158). Как в Сибири, так и в других землях, управлявшихся Приказом Казанского дворца, толмачи служили не только для выполнения служебно-управленческих функций представителями

разных народов, уже вошедших в состав Российского царства — по большей части для этого обходились услугами служилых татар и новокрещенов. И в Поволжье и Предуралье и тем более в Сибири, в первую очередь, они выполняли административно-фискальные и дипломатические службы. Среди них важнейшая — продвижение в Сибирь, распространение власти «белого царя» на новые земли и обложение ясаком новых подданных и закрепление уже присоединенных территорий с организацией регулярного налогообложения или военной службы (Зуев А.С., Игнаткин П.С., Слугина В.А. Под сенью двуглавого орла: инкорпорация народов Сибири в Российское государство в конце XVI — XVIII в. — Новосибирск, 2017. 146—243). На втором месте — сопровождение иностранных дипломатических представителей по территории России, а также — участие в посольствах к правителям кочевых и полукочевых сообществ Великой Степи и Китайской империи. Пузанов отметил, что в силу “сложившейся практики” главную роль в сношениях с кочевниками играли 3 города — Тобольск, Тара и Тюмень (Пузанов В. Д. Военные факторы русской колонизации Западной Сибири (конец XVI—XVII в.). — СПб., 2010. С. 215; *Он же*. Военная политика Русского государства в Западной Сибири (конец XVI — начало XVIII в.). Сургут, 2011. С. 133). О привлечении служилых татар как в европейской, так и в азиатской части России вообще к дипломатическим службам писалось уже неоднократно (Тычинских З.А. Служилые татары и их роль в формировании этнической общности сибирских татар (XVII—XIX вв.). Казань, 2010. С. 55—58), но лишь два автора вышли на уровень просопографических исследований (включая переводчиков, толмачей и служилых татар), которые единственные дают историку надежную опору в его исследовании социальной истории России (Лисейцев Д. В. Посольский приказ в эпоху Смуты. М., 2003. С. 356—393; Беляков А. В. Касимовские татары... С. 36—42). В отношении сибирских служилых татар З.А. Тычинских отмечает, что к дипломатическим службам привлекались наиболее авторитетные и знающие представители татарского служилого сословия (Тычинских З.А. Служилые татары... С. 55).

Неопределенным остается социальный статус толмачей в землях Приказа Казанского дворца. В личной беседе Н.И. Никитин высказал предположение, что статус толмачей сибирских острогов примерно соответствовал мелким приборным людям пушкарского чина. К его позиции близок и В.Д. Пузанов, отметивший, что все западносибирские толмачи служили по списку «обротчиков», не поясняя этого термина. Вместе с тем Пузанов нигде не внес в составленные им

табличные чиновные росписи служилых людей сибирских городов ни толмачей, (за исключением двух толмачей в расформированном в 1667 г. рейтарском полку) (Пузанов В. Д. Военные факторы русской колонизации Западной Сибири (конец XVI—XVII в.). — СПб., 2010. С. 348. Таблица 21 «Расформирование рейтарского полка»), ни выделил «обротчиков» из общего списка служилых, никак не пояснив своего решения. Тем не менее, европейская Россия не знает такой категории, разделяя низшие категории городовых служилых людей на поместных, однодворцев, беломестных, «грунтовых», кормовых и пашенных. Учитывая, записанные в «обротчики» категории, их некоторое противопоставление «пашенным» служилым людям (служащим с пашни) по аналогии с европейской структурой городовых служилых страт можно с высокой долей уверенности утверждать, что в данном случае речь идет о людях, которые служили с оброка, а не платили его. Таким образом, мы можем определить сибирских «обротчиков» как наиболее близких к кормовым служилым людям европейской части России, получавшим свое кормовое жалованье как деньгами, так и натуральными продуктами.

Оценки Никитина и Пузанова несколько корректирует сохранившаяся в копиях Г.Ф. Миллера в Описи Туринского архива запись отписки (возможно, в оригинале — грамоты?) из Тобольска в Туринский острог воеводе Семену Дмитриевичу Опухтину 133-го (1624/25) г. «о тесноте ясашным людям от толмачей, которые воруют с воеводами» (Опись Туринской архивы. Книга первая // Актовые источники по истории России и Сибири XVI—XVIII веков в фондах Г. Ф. Миллера. Описи копийных книг. Т. 1 / Отв. ред. Н. Н. Покровский; изд. подгот. Н. С. Гурьянова, А. Х. Элерт, Д. Я. Резун. Новосибирск: Сибирский хронограф, — 1993. С. 90. № 156). Нельзя не обратить внимания, что здесь в жалобах ясашного населения толмачи занимают то же место, что в европейской России в жалобах русских тяглых людей занимали приказные люди (дьяки и подьячие).

Из сибирских городов за период 1613 — 1622 гг. в Москву с ясачной казной, отписками и иностранными диппредставителями приехало 9 толмачей: 3 — из Тобольска (1614, 1617, 1620), 2 — из Тарского острога (1617, 1618), по одному — из Пельыма (1617), Нарыма (1616), Верхотурья (1619) и Мангазеи (1615). Пузанов приводит сведения о наличии в Тобольске в 1633 г. трех толмачей, на 1638 г. уточняет, что 2 из них татарские и 1 остяцкий, а к 1660 г. общее число их выросло до 5 (3 татарских, 1 остяцкий, 1 ойратский), самое большое число отмечено на 1678 г. — 10 чел. (4 татарских, 3 остяцкий, 1 ойратский

и 1 «ойратской грамоте переводчик»), уже в 1693 г. число толмачей снизилось да 6 за счет исчезновения остяцких толмачей (*Пузанов В. Д. Военные факторы русской колонизации... С. 133; Он же. Военная политика Русского государства... С. 64*). Во 2-й пол XVII в. (1678, 1696) Пузанов отмечает присутствие ойратского толмача в военных экспедициях из Тобольска на оз. Ямыш, а в 1686 г. упоминает толмача в составе группы сопровождавшей в Москву ойратских посланников (*Пузанов В. Д. Военные факторы русской колонизации... С. 150—151, 155; Он же. Военная политика Русского государства... С. 79, 83*).

В Таре Пузанов отметил на 1624 г. 1 толмаческий двор, а описывая состав гарнизона Тары с 1625 по 1704 гг., историк отметил 5 толмачей: трое на окладе и двое служили с пашни (*Пузанов В. Д. Военные факторы русской колонизации... С. 260; Он же. Военная политика Русского государства... С. 166, 168*). Из общей картины Пузанов пояснил, что в 1660 г. в городе по списку «обротчиков» служили только двое — татарский и калмыцкий толмачи, в 1678 и 1698 гг. — служили уже три толмача (*Пузанов В. Д. Военные факторы русской колонизации... С. 265; Он же. Военная политика Русского государства... С. 172*). Когда в Таре число толмачей выросло до пяти, историк не пояснил.

Нарым и Мангазея оказались за географическими рамками диссертационного исследования Пузанова, воплощенного в двух монографиях (Мы приносим извинения автору за возможную ошибку, если текст диссертации (*Пузанов В. Д. Военные факторы русской колонизации Западной Сибири (конец XVI — начало XVIII в.) / автореферат дис. ... доктора исторических наук / Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ. Москва, 2010*) был воплощен в трех версиях — мы не успели ознакомиться с самой ранней из них: *Пузанов В. Д. Военные факторы русской колонизации Западной Сибири. Конец XVI — XVII веков. Санкт-Петербург, 2009*), за то историк отметил по одному вогульскому толмачу в Пелыме и Верхотурье: в Пелымском остроге — в числе «обротчиков» в 1638 г., в Верхотурском остроге — в числе служивых обротчиков в 1627, 1633, 1638, 1649, 1660, 1672 и 1678 гг. (*Пузанов В. Д. Военные факторы русской колонизации... С. 163, 233; Он же. Военная политика Русского государства... С. 89, 147*). Всего же в городах Тобольского разряда на 1633 г. (Тобольск, Березов, Обский городок, Верхотурье, Лозьва, Мангазея, Пелым, Сургут, Тара, Туринск, Тюмень, Обдорский городок) по списку обротчиков исследователь насчитал 7 толмачей разных языков: татарских, остяцких и вогульских (*Пузанов В. Д. Военные факторы русской колонизации... С. 274. Он же. Военная политика Русского государства... С. 179*). В

то же время в оставшихся городах Западной Сибири Пузанов отметил толмачей в составе гарнизонов Сургутского, Березовского и Туринского острогов, каковые отсутствуют среди служивых людей этих городов, приехавших в Москву в 1613–1622 гг. В Сургуте опять же в числе обротчиков Пузанов указывает одного остяцкого толмача в 1627 г. и в 1638 г., в Тюмени на 1638 г. — трех толмачей, а в Туринском остроге — одного татарского толмача с 1630-х по 1680-е гг. (*Пузанов В.Д.* Военные факторы русской колонизации... С. 176, 212, 245. *Он же.* Военная политика Русского государства... С. 100, 130, 156). Наконец, в Березове также в числе обротчиков в 1627 г. значился один толмач, а на 1660 г. уже три: два остяцких и один самоедский, к 1672 г. число толмачей в Березове сократилось до двух и сохранялось в 1678 и 1691 гг. (*Пузанов В. Д.* Военные факторы русской колонизации... С. 193 *Он же.* Военная политика Русского государства... С. 115).

В числе служивых людей приехавших в Москву из Восточной Сибири упоминаются только по одному толмачу из Нарымского и Мангазейского острогов. Не встречается ни одного толмача из Томского города, по крайней мере с 1613 до 1623 г. Хотя в скопированных Г.Ф. Миллером документах Томского архива за период 1608—1616 гг. встречается не менее 6 томских толмачей. Так, с 8 ноября 1608 г. по 13 февраля 1609 г. томский толмач Урнис Левонтьев вместе со стрельцами Федором Локасом и Максимом Афанасьевым был в посылке томских воевод Василия Волынского и Михаила Новосильцева за Енисей «в Десары» ко князьку Немцу и приводил «есарских людей» «под царскую высокую руку» (Грамоты 1556—1635 гг. // *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Изд. 2-е, доп. Т. I. М., 1999. Приложения. № 63. 1609 г., не ранее февраля 13 — Отписка томских воевод Василия Волынского и Михаила Новосильцова в Москву о десарских людях. С. 413). С 8 ноября 1608 г. по 13 февраля 1609 г. «казацкий татарин» (казак) томский толмач Багулка вместе с конными казаками Первушей Бобром и Федором Суботкой был в посылке тех же томских воевод «в Маты» и приводил «матких людей», что ранее платили ясак алтыну-царю, «под царскую высокую руку» (Грамоты 1556—1635 гг. // *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Изд. 2-е, доп. Т. I. М., 1999. Приложения. № 64. 1609 г., не ранее февраля 29 — Отписка томских воевод Василия Волынского и Михаила Новосильцова в Москву о матских людях. С. 413—414). Такой же томский толмач из «казацких татар» Алебики (Алебикой, Алебикаго, Алебика ?) с 8 ноября 1608 г. по 10 марта 1609 г. вместе с казаками Софоном Петровым и Василием Казаковым ходил по указу томских воевод «в Маторцы да

в Тубу» к маторскому князьку Колику и тубинскому князьку Нобдаю и приводил «маторских» и «тубинских» людей «под царскую высокую руку» (Грамоты 1556—1635 гг. // *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Изд. 2-е, доп. Т. I. М., 1999. Приложения. № 65. 1609 г., не ранее марта 10 — Отписка томских воевод Василия Волынского и Михаила Новосильцова в Москву о маторских и тубинских людях. С. 414). Со 2 по 29 октября 1608 г. уже русский томский толмач Дружинка Ясырь (Есырь) вместе с конными казаками Баженом Константиновым, Иваном Поповым и Игнатом Кудровым был в посылке томских воевод Василия Волынского и Михаила Новосильцова ко князькам черных калмыков Безеню, Узеню и Обакаю, но, дойдя до белых калмыков, были вынуждены вернуться назад, поскольку белые калмыки их пропустить и проводить до черных отказались по причине откочевки и войн черных калмыков с Казахской ордой, с алтыном-царем, и собственного междоусобья (и смертью их сильнейшего князя Узеня) (Грамоты 1556—1635 гг. // *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Изд. 2-е, доп. Т. I. М., 1999. Приложения. № 67. 1609 г., не ранее марта 10 — Отписка томских воевод Василия Волынского и Михаила Новосильцова в Москву об их сношениях с черными калмыками. С. 416—418). С 28 января по 2 мая 1609 г. томский толмач Свиридко Антонов вместе с конными казаками Семеном Пьяновым (Пьяновым ?) и Лукой Белоусом был в посылке тех же воевод на Енисей в Кимскую волость ко князькам Керекузу и Багале и приводил «кимских людей» «под царскую высокую руку» (Грамоты 1556—1635 гг. // *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Изд. 2-е, доп. Т. I. М., 1999. Приложения. № 68. 1609 г., не ранее мая 2 — Отписка томских воевод Василия Волынского и Михаила Новосильцова в Москву об ясашных людях Кимской волости. С. 418—419). Наконец, в рассматриваемый нами здесь период в 124-м (1615/16) г. томский толмач Лука был в посылке с казаком Василием Ананьиным к киргизским князькам от томских воевод Гаврилы Юдича и Ивана Борисовича для прохода послов Василия Тюменского и литовского десятичника Ивана Петрова к алтыну-царю (Грамоты 1556—1635 гг. // *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Изд. 2-е, доп. Т. I. М., 1999. Приложения. № 90. 1616/17 г. — Челобитная томского казака Василия Ананьина о жалованье за службу в Кузнецкой и в Киргизской земле и во время посольства к алтыну-царю. С. 436—437).

В тяжелый период выхода России из Смуты, когда Посольский приказ был занят возрождением наиболее актуальных в этой ситуации международных связей и восстановлением дипломатических

и установлению союзнических отношений со стратегически значимыми партнерами России, правительство приняло решение освободить главное дипломатическое ведомство от непосредственных отношений со странами и народами Южной Сибири, Средней Азии и Дальнего Востока. Боярская дума приговором от 31 декабря 1616 г. возложила на Приказ Казанского дворца и конкретно на тобольского воеводу (Материалы по истории русско-монгольских отношений. [Т. 1.] Русско-монгольские отношения 1607—1636: Сб. док-в / Сост. Л. М. Гатауллина, М. И. Гольман, Г. И. Слесарчук; отв. ред. И.Я. Златкин, Н. В. Устюгов. М., 1959. № 19. С. 55; Русско-китайские отношения в XVII веке. Мат-лы и док-ты в 2-х тт. Т. 1. 1608—1683 / Сост. Н.Ф. Демидова, В.С. Мясников; Ист. введение, коммент. — В. С. Мясников; Археограф. введение — Н. Ф. Демидова; Отв. ред. С. Л. Тихвинский; Ред. Л. И. Думин. М., 1969. №. 10. С. 54) дипломатические функции в сношениях с правителями ойратов, казахов, калмыков, Бухары, Монголии и Китая, которые Маловым уже отмечались (Малов А. В. Приезды в Москву березовских служилых людей...).

Видимо уже готовя это решение, еще в 1615 г. в Тобольске на воеводстве князя Ивана Петровича Буйносова-Ростовского сменил бывший член боярского правительства «кремлевских сидельцев» боярин кн. Иван Семенович Куракин (боярин с 1605 г., при Лжедмитрии I), закончивший свое воеводство в 1620 г. опалой вместе с тобольским дьяком Иваном Булыгиным и ссылкой в Галич (Посольская книга по связям России с Англией 1614—1617 гг. / Лисейцев Д.В. М., 2006. С. 327. прим. 239; Ананьин В.Г. Князь Иван Семенович Куракин: исторический силуэт // Canadian-American Slavic Studies, 48 (1-2), (2014). P. 36—44; Павлов А. П. Думные и комнатные люди царя Михаила Романова: просопографическое исследование: в 2 т. — Т. 1. — СПб., 2018. — С. 45, 48, 167—168; Т. 2. — СПб., 2018. — С. 41—44): «а преж тово в Сибири, в Тобольску бояр не бывало». В товарищи боярину в 1615 г. назначили кн. Григория Ивановича Гагарина (Барсуков А. П. Списки городских воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия: по напечатанным правительственным актам. М., 2010 (репринт: СПб., 1902). С. 274—275). Назначение на воеводство в Тобольск боярина неслучайно совпало с повторной после правления царя Бориса Федоровича попыткой английской Московской кампании через посредство английского посла Джона Меррика добиться права транзитной торговли с Ираном, а также поиска путей в Китай и Индию через территорию России (История Сибири. Т. 2. Сибирь в составе феодальной России. Л., 1968. С. 42; Русско-ки-

тайские отношения... № 2—4. С. 40—44, и др.; *Мясников В. С.* Становление связей Русского государства с Китаем // Русско-китайские отношения... Историческое введение. С. 7). На это особенно явно указывает назначение кн. И.С. Куракина, который только что в январе — марте 1615 г. вместе с окольничим кн. Данилой Ивановичем Мезецким вели переговоры с Дж. Мерриком (Посольская книга по связям России с Англией. С. 91—114; *Лисейцев Д. В.* Посольский приказ в эпоху Смуты. М., 2003. С. 335), после чего князь Мезецкий отправился с Мерриком на переговоры со шведами, а князь Куракин — на воеводство в Тобольск. По возвращении с переговоров в письменном ответе Боярской думы Дж. Меррику, зачтенном дьяком Петром Третьяковым, бояре сообщали английскому послу: «и ныне из наших сибирских городов боярин наш и воевода князь Иван Семенович Куракин с товарищи в Китайское государство проведать наших людей посылали через алтына-царя кочевую орду, а алтына-царя послы ныне у нас, великого государя, были, и про Китайское государство рассказывали, что от них ходу до Китайского государства сухим путем скорою ездой месяц, а место де безводно и пещано, и ход добре нужен, а до них, алтына-царя ходу от нашего от сибирского украинного от Томского города через многие кочевые орды недель с осьмнатцать сухим же путем... а ныне ... велим про то про все проведати подлинно ... и на чертеж начертив ... А тепере, не ведав и не россмотря про то подлинно, как о том говорить и делать?» (Посольская книга по связям России с Англией. С. 174—175).

Вся эта история дает представление о масштабе политической востребованности толмачей в сибирских острогах, по сравнению с которыми роль толмачей в Приволжско-Кавказском регионе выглядит куда как скромнее, но не менее актуально, учитывая политическое и финансово-экономическое значение связей с Ираном. И если толмачи Терского города (учтено 6 приезжавших в Москву в 1613—1622 гг.) участвовали в обеспечении дипломатических связей с Ираном, странами и народами Закавказья и Кавказа, то толмачи Астрахани (учтено 6 приезжавших в Москву в 1613—1622 гг.) и Казани (1 толмач) активно задействовались в дипломатических связях еще и со Средней Азией и со степными народами Заволжья и Южного Урала, а также в фискальных службах на Волжском торговом пути. Один из важнейших дипломатических и торговых путей из Средней Азии и Великой Степи шел к Волге через Уфу, откуда как и из Сибири везли в Москву ясачную пушную казну (в приездах в Москву в 1613—1622 гг. уфимских служилых людей участвовали 3 толмача).

Шестеро пожалованных за выезд иноземцев мы также внесли в настоящую публикацию, однако в силу гибели большей части Архива Иноземского приказа, в сохранившихся документах эти люди оказались неуловимы.

Переводчики и толмачи Аптекарского приказа

Миколаев (Николаев) **Захарий Захарьев сын** (Захарий Захарьев он же), переводчик и толмач Аптекарского приказа, служил переводчиком в посольстве Дмитрия Лодыгина в Любек и Гамбург с января 1618 г. по август 1619 г. (О миссии Д. Лодыгина см.: *Лисейцев Д. В.* Посольский приказ в эпоху Смуты. — М.: ИРИ РАН, —2003. С. 173, 203, 340, 342), у него сын Болгвин. 13 января 1620 г. как переводчик Аптекарского приказа получил на КД деньги за серебряную чарку (4 руб. 7 алт. 4 ден.), 5 арш. тафты виницейки двоеличной (по 23 алт. 2 ден. арш.), 4 арш. сукна багреца (по 1 руб. 10 алт. арш.) «за службу, что он посылан для государева дела з Дмитрием Лодыгиным в Любок да в Амбарх» (РГАДА. Ф. 396. Архив Оружейной палаты. Оп. 2. Кн. 205. Л. 135 об.—136). 18 мая 1620 г. как толмач Аптекарского приказа вместе с доктором Иевом Паливанусом (Полиданусом) (*Богданов А. Б.* Материалы для биографического справочника русских врачей XVII—XX вв. / А. Б. Богданов; [Изд. Подг. А.И. Раздорский, Д.Н. Шилов при участии А.Ю. Емелина, М.А. Емелиной]. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2014. С. 324), аптекарем Андреем и лекарем Алферием получил на КД 10 арш. камки двоеличной, шелк червчатый и желтый (по 26 алт. 4 ден.) — «а пожаловал государь их для своего царьского многолетново здравья» (РГАДА. Ф. 396. Архив Оружейной палаты. Оп. 2. Кн. 205. Л. 373—374 об.).

Толмачи Панского приказа

Ар (Арн, Ард, Арт) **Александр** (Олександр) (Иванов сын, в крещении Савва) (Александр Раров он же?), толмач бельских немцев Панского приказа. В росписи роты бельских немцев капитана Томаса Юстоса на 1 октября 1618 г. значился только 1 человек с его именем — Александр Раров (РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 13. Столбцы Приказного стола. № 7. Л. 79). 28 декабря 1618 г. как толмач бельских немцев получил на КД портище сукна настрафия лазоревого (2 руб.) «за литовской полон и за выход» (РГАДА. Ф. 396. Архив Оружейной палаты. Оп. 2. Кн. 204. Л. 205 об.—206). В книге 136-го (1627/28) г. написан в роте ротмистра Томаса Герна с окладом в 450 чети, 35 руб. (РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 6. Кни-

ги Московского стола. Кн. 40. Л. 265. — но возможно, в 136-м г. это не А. Ард, а Александр Гар, который служил в той же роте с тем же окладом (Там же. Л. 262 об.). В 139-м (1630/31) г. написан в той же роте в первой статье беспоместным иноземцем с окладом в 25 руб., в том же году крестился (РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 6. Книги Московского стола. Кн. 43. Л. 461. — там же с таким же окладом записан и Александр Гарь (Там же. Л. 459 об.)).

Толмачи Казенного двора

Зайцев (Зайцов) Фирс (Фирз), армянский и татарский толмач КД. 29 августа 1617 г. как татарский толмач получил на КД 7 арш. сукна еренка темно-синего (2,25 руб.) (РГАДА. Ф. 396. Архив Оружейной палаты. Оп. 2. Кн. 279. Л. 476—476 об.). 17 марта 1618 г. как «армянский толмач» получил на КД годовое сукно — портище сукна настрафила лазоревого (2,5 руб.) (РГАДА. Ф. 396. Архив Оружейной палаты. Оп. 2. Кн. 203. Л. 306 об.). 11 февраля 1619 г. вместе с другими служащими КД как толмач получил на КД годовое сукно (портище сукна настрафила лазоревого (2,5 руб.)?) (РГАДА. Ф. 396. Архив Оружейной палаты. Оп. 2. Кн. 204. Л. 338 об.—339 об.). 8 марта 1620 г. как толмач в числе других служилых людей КД получил на КД годовое сукно — портище сукна настрафила лазоревого (2,25 руб.) (РГАДА. Ф. 396. Архив Оружейной палаты. Оп. 2. Кн. 205. Л. 229 об.—231).

Толмачи Русского Севера

Корытов Иван (Ивашка), самоедский толмач с Двины (или Кольского острога?). 17 февраля 1623 г. вместе с канинским самоедином Семейкой Войтековым получил на КД 4 арш. сукна лятчины лазоревой (32 алт. 8 ден.) «за кречаты и за кость рыба зубу, что в нынешнем во 131-м году ударили челом государю» (РГАДА. Ф. 396. Архив Оружейной палаты. Оп. 2. Кн. 208. Л. 204).

Толмачи, подведомственные Казанскому дворцу

Казань

Посников (Постников) Федор, толмач в Казани. 25 марта 1622 г. («на праздник Благовещенья Пречистые Богородицы») по памяти от 23 марта получил на КД 4 арш. без чети сукна кострыша темно-синего (2,5 руб.) «за нагайскую службу, что он посылан ис Казани в Нагаи з дворенином с Ываном Бреховым уговаривать нагайских мурз, чтоб они с Нагайской стороны на Крымскую сторону не пере-

ходили» (РГАДА. Ф. 396. Архив Оружейной палаты. Оп. 2. Кн. 207. Л. 292 об.—293 об.).

Астрахань

Аталыков (Отолыков, Оталыков) **Осан** (Асан, Осанка), татарский толмач в Астрахани. 9 октября 1621 г. как астраханский толмач получил на КД по памяти от 28 сентября портище сукна настрафиля лазоревого (2,5 руб.) «за астароханской выход» (РГАДА. Ф. 396. Архив Оружейной палаты. Оп. 2. Кн. 207. Л. 70—70 об.).

Кулешин Степан (Степанка), татарский толмач в Астрахани. 2 декабря 1617 г. вместе с 2 астраханскими жильцами и 6 стрельцами получил на КД по памяти от 30 ноября портище сукна настрафиля лазоревого (2,25 руб.) «за службу и за выход» (РГАДА. Ф. 396. Архив Оружейной палаты. Оп. 2. Кн. 203. Л. 112—112 об.).

Макарьев Григорий (Гришка), толмач в Астрахани. 18 июля 1617 г. как астраханский толмач получил на КД 5 арш. сукна лятчины лазоревой (1,25 руб.) «за выход» (РГАДА. Ф. 396. Архив Оружейной палаты. Оп. 2. Кн. 279. Л. 413 об.).

Половой (Половский) **Андрей** (Ондрюшка) (Половский, он же), татарский толмач в Астрахани. 8 ноября 1620 г. в числе 38 человек астраханской проезжей станицы (8 детей боярских и 29 стрельцов) получил на КД портище сукна настрафиля лазоревого (2,5 руб.) «за астароханской приезд» (РГАДА. Ф. 396. Архив Оружейной палаты. Оп. 2. Кн. 206. Л. 94—95 об.). 28 октября 1621 г. как астраханский толмач вместе с 2 астраханскими стрельцами получил на КД портище сукна настрафиля лазоревого (2,5 руб.) «за службу, что посыланы были из Астарохани в Нагаи к Яштерек-мурзе з братьею» (РГАДА. Ф. 396. Архив Оружейной палаты. Оп. 2. Кн. 207. Л. 88 об.—89).

Хотяинцев (Хотянцов) **Мартын**, татарский толмач в Астрахани. 18 февраля 1617 г. как астраханский толмач получил на КД портище сукна английского темно-синего (по 23 алт. 2 ден. арш.) «за нагайскую службу» (РГАДА. Ф. 396. Архив Оружейной палаты. Оп. 2. Кн. 279. Л. 172 об.—173).

Янос **Сулемша**, татарский толмач низовского войска (астраханских юртовских татар). 5 октября 1616 г. вместе с 370 рядовыми татарами низовского войска Алексея Шушерина, князя Михаила Конаева и Никиты Парамонова сына Лихарева получил на КД портище сукна настрафиля червчатого (2 руб. 3 алт. 2 ден.) «за литовскую службу, что они были в Литовском походе с воеводами со князем Михаилом Конаевым да с Микитою Парамоновым сыном Лихоре-

вым» (РГАДА. Ф. 396. Архив Оружейной палаты. Оп. 2. Кн. 279. Л. 25 об.—35 об.).

Терки (Терский город)

Григорьев Данила (Данилка), толмач Терского города. 6 марта 1616 г. вместе с 2 терскими детьми боярскими и товарищем Ермолаем Григорьевым по памяти от 29 февраля получил на КД портище сукна настрафила лазоревого (по 23 алт. 2 ден. арш.) (РГАДА. Ф. 396. Архив Оружейной палаты. Оп. 2. Кн. 278. Л. 151—151 об.). 28 февраля 1622 г. вместе с терскими детьми боярскими Первым Лукиным и Алексеем Смагиным и товарищем Архиепом Микифоровым получил на КД 4 арш. без чети сукна английского лазоревого (по 26 алт. 4 ден. арш.) «за нагайские службы и за кумыцкие и кайданские и за иные за многие посылки» (РГАДА. Ф. 396. Архив Оружейной палаты. Оп. 2. Кн. 207. Л. 243 об.).

Григорьев Ермолай (Ермола, Ермошка), толмач Терского города. 10 декабря 1614 г. получил на КД портище сукна настрафила светло-зеленого (2 руб. 8 алт. 2 ден.) и деньги за тафту (2 руб.) «за службу и за проезд» (РГАДА. Ф. 396. Архив Оружейной палаты. Оп. 2. Кн. 277. Л. 105 об.—106). 6 марта 1616 г. вместе с 2 терскими детьми боярскими и товарищем Данилой Григорьевым по памяти от 29 февраля получил на КД портище сукна настрафила лазоревого (по 23 алт. 2 ден. арш.) (РГАДА. Ф. 396. Архив Оружейной палаты. Оп. 2. Кн. 278. Л. 151—151 об.).

Микифоров (Никифоров) Архип, толмач Терского города. 26 марта 1619 г. как терский толмач получил на КД портище сукна настрафила лазоревого (2,5 руб.) «за службу и за выход» (РГАДА. Ф. 396. Архив Оружейной палаты. Оп. 2. Кн. 204. Л. 508 об.—509). 17 февраля 1622 г. вместе с терским сыном боярским Алексеем Смагиным получил как толмач на КД 5 арш. сукна лятчины лазоревой (1,5 руб.) «за выезд, что они приехали к государю к Москве с Терки с Ылдаровым сыном с Омирханом-мурзою» (РГАДА. Ф. 396. Архив Оружейной палаты. Оп. 2. Кн. 207. Л. 231—231 об.). 28 февраля 1622 г. вместе с терскими детьми боярскими Первым Лукиным и Алексеем Смагиным и товарищем Данилой Григорьевым получил на КД 4 арш. без чети сукна английского лазоревого (по 26 алт. 4 ден. арш.) «за нагайские службы и за кумыцкие и кайданские и за иные за многие посылки» (РГАДА. Ф. 396. Архив Оружейной палаты. Оп. 2. Кн. 207. Л. 243 об.). В июне 1622 г. с приставом сыном боярским Алексеем Смагиным был послан провожать с Москвы до Терков кумыцкого

Амирхан-мирзу и окоцкого мирзу Кохострова Бийтемирава (Бектемирава) с их людьми (Кохостров-мирза со своим человеком по дороге утонул в Оке) (Русско-чеченские отношения. Вторая половина XVI — XVII в. Сб. док. / Сост. *Е.Н. Кушева*. М., 1997. № 45. С. 106).

Подоленин Данила, толмач Терского города. 17 февраля 1622 г. вместе с терским сыном боярским Первым Лукиным (приехавшим из Ирана) получил как толмач на КД 4 арш. сукна английского лазоревого (по 26 алт 4 ден. арш.) «за выезд что приехали к государю к Москве с терским с Сунчалеем князем Черкасским» (РГАДА. Ф. 396. Архив Оружейной палаты. Оп. 2. Кн. 207. Л. 231 об.—232 об.).

Трубников Иван (Ивашка), толмач Терского города. 31 октября 1617 г. вместе с терским жильцом Семеном Волковым получил на КД портище сукна настрафиля лазоревого (2,5 руб.) «за службу и за выход» (РГАДА. Ф. 396. Архив Оружейной палаты. Оп. 2. Кн. 203. Л. 69 об.—70).

Федоров Иван (Ивашка), толмач Терского города. 28 сентября 1617 г. вместе с терским стрелецким сотником Мосеем Пиминовым получил на КД 4 арш. сукна английского червчатого (по 30 алт. арш.) (РГАДА. Ф. 396. Архив Оружейной палаты. Оп. 2. Кн. 203. Л. 35 об.—36).

Уфа

Кизряцкий Иван, татарский толмач в Уфе. 25 февраля 1621 г. вместе с сыном боярским Иваном Очиным как «уфинские жилцы» и как толмач получил на КД 6 арш. сукна рославского (по 1 грв. арш.) «за службу» (РГАДА. Ф. 396. Архив Оружейной палаты. Оп. 2. Кн. 206. Л. 293 об.—294).

Кузмин Федор, татарский толмач в Уфе, сопровождал до Москвы посла ургенчского хана Арапа. 29 января 1620 г. вместе с уфимцем Василием Ушатым как «уфинские жильцы» и как «толмач» получил на КД портище сукна лятчины лазоревой (1 руб. 20 алт.) «за выход, что они присланы с Уфы к государю к Москве юргенсково Арапа, царя, с послом с Арамгулом Сеизкуловым» (РГАДА. Ф. 396. Архив Оружейной палаты. Оп. 2. Кн. 205. Л. 157 об.—158).

Семенов Пятой (Пятунка), татарский толмач в Уфе. 9 декабря 1620 г. как «уфимский толмач» получил на КД 4 арш. тафты двоеличной (по 23 алт. 2 ден. арш.), портище сукна настрафиля лазоревого (2,5 руб.) «за колмацкую службу и за выход» (РГАДА. Ф. 396. Архив Оружейной палаты. Оп. 2. Кн. 206. Л. 137).

Сибирь

Тобольск

Айдаров Абла, сибирский толмач Тобольского города. 5 февраля 1620 г. вместе с тобольским казаком Иваном Михайловым получил на КД портище сукна настрафиля лазоревого (2 руб.) «за сибирской приезд» (РГАДА. Ф. 396. Архив Оружейной палаты. Оп. 2. Кн. 205. Л. 182 об.—183).

Кисель Семен, сибирский толмач Тобольского города. 5 февраля 1623 г. получил на КД портище сукна настрафиля лазоревого (2,5 руб.) «за сибирской приезд» (РГАДА. Ф. 396. Архив Оружейной палаты. Оп. 2. Кн. 208. Л. 192 об.).

Тенебяков (Тебеньков) Иван, сибирский толмач Тобольского города. 25 ноября 1614 г. в числе проезжей сибирской станицы с литвином, казаком и стрельцом из Тобольска и Тюмени получил на КД портище сукна настрафиля светло-зеленого «за сибирской приезд» (РГАДА. Ф. 396. Архив Оружейной палаты. Оп. 2. Кн. 277. Л. 87 об.—88 об.).

Юалин Семен (Семейка), сибирский толмач Тобольского города. 16 июля 1617 г. вместе с тобольским казаком получил на КД портище сукна настрафиля лазоревого (2,5 руб.) «за сибирской приезд» (РГАДА. Ф. 396. Архив Оружейной палаты. Оп. 2. Кн. 279. Л. 407—407 об.).

Тара

Лунка Новокрещен, сибирский толмач Тарского города. 18 мая 1617 г. вместе с тарскими атаманом Василием Тюменцем, литовским десятником Иваном Петровым и 4 томскими казаками получил на КД 4 арш. тафты широкой дымчатой (по 23 алт. 2 ден. арш.) и портище сукна английского мурамно-зеленого (по 23 алт. 2 ден. арш.) «за то, что ходили они из Сибири в Золотую Орду к золотому к Олтыну царю в посланниках» (РГАДА. Ф. 396. Архив Оружейной палаты. Оп. 2. Кн. 279. Л. 264 об.—265 об.).

Мосалитин (Масалитин) Алексей (Олексей), сибирский толмач Тарского города. 9 января 1618 г. вместе с 2 тобольскими казаками получил на КД портище сукна настрафиля лазоревого «за сибирской приезд» (РГАДА. Ф. 396. Архив Оружейной палаты. Оп. 2. Кн. 203. Л. 161 об.—162). 15 июня 1620 г. вместе с тарскими литвином Кузьмой Ивановым и 5 казаками получил на КД портище сукна настрафиля лазоревого (2,5 руб.) «за сибирской приезд» (РГАДА. Ф. 396. Архив Оружейной палаты. Оп. 2. Кн. 205. Л. 408—408 об.).

Пельм

Дмитриев (Дмитреев) **Семен** (Семейка), сибирский толмач Пельмского города. 29 марта 1617 г. получил на КД портище сукна настрафиля лазоревого (2,5 руб.) «за сибирской приезд» (РГАДА. Ф. 396. Архив Оружейной палаты. Оп. 2. Кн. 279. Л. 215).

Нарым

Кочаев Нагай (Ногай, Нагайка), сибирский новокрещен, толмач Нарымского острога. 4 февраля 1616 г. получил на КД портище сукна настрафиля лазоревого (1 руб. 24 алт. 2 ден.) «за сибирский приезд» (РГАДА. Ф. 396. Архив Оружейной палаты. Оп. 2. Кн. 278. Л. 124 об.—125).

Верхотурье

Кобылкин (Кабылкин) **Терентий** (Тренка), сибирский толмач Верхотурского города. 22 мая 1619 г. вместе с вогульским сотником Копчиком Емашевым получил на КД портище сукна настрафиля лазоревого (2,5 руб.) «за сибирской приезд» (РГАДА. Ф. 396. Архив Оружейной палаты. Оп. 2. Кн. 204. Л. 638).

Мангазея

Андреев (Ондреев) **Василий** (Васка), сибирский самоединский толмач Мангазейского острога. 9 февраля 1615 г. как «мангазейский» самоединский толмач получил на КД жалованье «за сибирский приезд» (РГАДА. Ф. 396. Архив Оружейной палаты. Оп. 2. Кн. 277. Л. 169 об.).

Толмачи, пожалованные за выезд

Андреев (Ондреев) **Иван** (Ивашка), немецкий толмач (из-под Старой Русы?). 23 января 1617 г. как старорусский выходец немецкий толмач вместе с братом Романом (Ромашкой) получили по памяти от 13 января на КД по портищу сукна настрафиля лазоревого (по 2,5 руб. портище) «за выход» (РГАДА. Ф. 396. Архив Оружейной палаты. Оп. 2. Кн. 279. Л. 143 об.—144.).

Еремеев Елисей (Елисейка), выездный «немец», толмач. 11 ноября 1616 г. в числе 5 выездных «немцев» получил на КД портище сукна настрафиля лазоревого (2,5 руб.) «за выезд» (РГАДА. Ф. 396. Архив Оружейной палаты. Оп. 2. Кн. 279. Л. 58—58 об.).

Иван (Толмач Иван?), немец из Пруссии на шведской службе, нововыездный новокрещен, толмач группы выездных из-под Пско-

ва иноземцев. 22 февраля 1617 г. как Иван, толмач, во главе группы из 52 или 53 нововыезжих из-под Пскова иноземцев разных земель новокрещенов и «некрещеных» и одного русского полоняника получил на КД 4 арш. тафты широкой двоеличной, шелк зеленый и синий (по 23 алт. 2 ден. арш.) и портище сукна настрафила лазоревого (2,5 руб.) «за службу и за выход» (РГАДА. Ф. 396. Архив Оружейной палаты. Оп. 2. Кн. 279. Л. 173 об.—175 об.).

Иванов Павел, нововыезжий толмач «римленин». 3 мая 1614 г. получил на КД 4 арш. без чети сукна английского темно-синего (1 руб. 19 алт.) «за выход» (ПРККП. С. 285).

Иванов Род (Рода), нововыезжий англичанин, английский толмач. 4 июня 1617 г. как «Аглинские земли толмач» вместе с нововыезжим солдатом «Цысерские земли» получил на КД портище сукна настрафила червчатого (2,5 руб.) за выход (РГАДА. Ф. 396. Архив Оружейной палаты. Оп. 2. Кн. 279. Л. 310—310 об.).

Конев Индрик, выезжий ирландец, «немецкий» толмач. 16 марта 1616 г. как «выезжий немецкий толмач Ирлянские земли» получил на КД портище сукна настрафила лазоревого (1 руб. 24 алт. 2 ден.) (РГАДА. Ф. 396. Архив Оружейной палаты. Оп. 2. Кн. 278. Л. 161 об.—162).

К. С. Худин

Переводчики и толмачи Аптекарского приказа в конце XVI — первой половине XVII в. Материалы к биографиям

Александров Василий — переводчик Аптекарского приказа. Приведен к присяге 19 марта 1640 г. В январе-марте 1646 г. месячное жалованье 4 руб. 5 алт. 3 денги, годовое жалованье в эти месяцы не выплачивалось (РГАДА. Ф. 143 (Аптекарский приказ). Оп. 2. Д. 20. Л. 1). В феврале 1647 г. — переводчик Посольского приказа (РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 20. Л. 1).

Елисеев Матвей — переводчик и толмач Аптекарского приказа. Из иноземцев (РГАДА. Ф. 143. Оп. 1. Д. 176; Опубл.: Матерьялы для истории медицины в России. Дела Аптекарского приказа с 1629 по 1682 гг. : в 4 вып. / под ред. Н.Е. Мамонова. — СПб., 1881. — Вып. I: 1629-1645 гг. (далее — Матерьялы ...). С. 92). Назначен на место Захария Захарьева с 1642/43 г. после его смерти (не ранее 19 октября

1642 г.) (Там же.). Годовое жалованье — 25 руб., месячный корм — 2,5 руб. (Там же.) В апреле 1645 года просил о повышении жалованья и упоминал свою мать-вдову, которая находится на его попечении (Там же. С. 93.). С 30 мая 1645 г. жалованье было повышено до 30 руб., месячный корм до 3 руб (Там же. С. 94.). С 1648 г. служил в Посольском приказе (РГАДА. Ф. 138. (Дела о Посольском приказе и служивших в нем). Оп. 1. 1648 г. Д. 1. Л. 1—2).

Захарьев (Микулаев) Болдвин — переводчик, «московский немчин», сын аптекаря Захария Микулаева. 24 июня 1614 г. «за 4 постава сукна лазоревого английского по 14 р. за постав, и того 56 р. Куплены в казенный расход» (Русская историческая библиотека. Т. 9. СПб., 1884. С. 114). Был отдан «на урочные годы для науку галанские земли гостю Андреяну Лукьянову». В 1615 г. сопровождал как переводчик русское посольство в Голландию и Францию. В 1615 г. после возвращения посольства по просьбе отца был оставлен в Архангельске «для розделку» (завершения торговых операций), «а с послом ... отселево послан с Москвы другой перевотчик — Елисей Юрьев» (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1615 г. Д. 1). Крестным отцом его сына Николая был Карл же Молин (Карп де Молин). В 1633 г. он был отправлен к крестному «для наученья на время» «на Карпове корабле» (Ф. 141. Оп. 1. 1633 г. Д. 40. Л. 13—15).

Захарьев (Микулаев, Миколаев, Николаев) Захарий — толмач и переводчик немецкого (РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 22. Л. 1.) (?) языка Аптекарского приказа. Сын аптекаря Захария Микулаева, брат Болдина Микулаева (?). Впервые упомянут толмачом доктора Артемия Дия, отправлявшегося в декабре 1626 г. через Швецию в Данию, Гамбург и Англию (РГАДА. Ф. 150 (Дела о выездах иностранцев в Россию). Оп. 1. 1626 г. Д. 7. Л. 1, 17). Переводчика сопровождал его дядя — английский дворянин Артур Джонсон (Там же. 1626 г. Д. 8. Л. 1; Там же. 1627 г. Д. 7. Л. 13). Доктор Дий вернулся в Москву в сентябре 1627 г., а Микулаев ездил «во Францию и в Цезари» и вернулся в августе 1628 г. на голландском корабле, в сопровождении француза Ягана Мартынова (РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1628 г. Д. 4. Л. 1; Там же. 1627 г. Д. 7. Л. 17). 28 февраля 1631 г. в росписи указан первым (вместе с Е. Юрьевым) переводчиком Аптекарского приказа с жалованьем в 40 руб. (РГАДА. Ф. 143. Оп. 1. Д. 44; Опубл.: Матерьялы. С. 12—13.) 6 марта 1632 г. в росписи указан первым (вместе с Е. Юрьевым) переводчиком Аптекарского приказа с жалованьем в 60 руб. (РГАДА. Ф. 143. Оп. 1. Д. 69; Матерьялы. С. 19—20.) 24 августа 1632 г. подал общую челобитную вместе с аптекарем Андреем

Ивановым и золотых дел мастером Яковом Фриком. В 1629/30 г. они купили в Переяславском уезде «из порозжих земель из Помеснова приказа» «пустошь, что было сельцо Скоблево». Они осваивали эту территорию, наняли казаков для росчистки земель и посадили хлеб. Но воевода запретил им нанимать людей. Они просили разрешить им нанимать «роботных людей», чтобы убрать хлеб (РГАДА. Ф. 143. Оп. 1. Д. 86; Опул.: Матерьялы. С. 25—26.). В жалованной грамоте Петру Марселису 1632/33 г. упоминается «Аптекарского приказу переводчик Захарий Захарьев сын Николаев» (Собрание государственных грамот и договоров. Т. 3. № 109. СПб., 1882. С. 371). 2 мая 1633 г. «дати корм в стола место как оне [доктор, аптекари, алхимист, окулист, лекари и переводчик — *К.Х.*] были на Святой неделе у государя у руки» (РГАДА. Ф. 143. Оп. 1. Д. 105. Матерьялы. С. 33). 20 апреля 1637 г. и 10 июня 1641 г. наряду с доктором, аптекарем и лекарем присутствовал при том, что «отворяли царице модьянную жилную кровь» (Забелин И.Е. Домашний быт русского народа. Т. 2. М., 1872. С. 311. Прим. 1). Умер — 19 октября 1642 г. (Матерьялы. С. 47). В феврале 1647 г. из Посольского пришел запрос о предоставлении бумаг с почерком этого переводчика («русково писма, которое писмо есть ево рука») «для вершен (ъ)я судного кабалного дела и опазнаванья ево Захарьевой руки» (РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 22. Л. 1).

Ниенборг (Ниенборх) Андрей — переводчик Аптекарского приказа. Приведен к присяге 9 июля 1639 г. («переводчик Ондрей крест целовал, поп был Мартын» (РГАДА. Ф. 143. Оп. 1. Д. 138. Опул.: Матерьялы. С. 55)). Вероятно, «поп Яков Юстрем сын Ниенборх» приходится родственником переводчику: 19 марта 1640 г. Яков Ниенборх приводил к присяге в Аптекарском приказе переводчика Василия Александрова (Там же). В 1639/40 г. годовое жалованье — 30 руб., месячный корм 4 руб. 5 алт. 3 деньги (Опул.: Матерьялы. С. 93).

Юрьев Елисей — переводчик и толмач Аптекарского приказа. В 1615 г. сопровождал русское посольство от Архангельска (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1615 г. Д. 1). 26 мая 1615 г. «для францовские посылки» «перевотчику Елисею Юрьеву жалованья и подмоги шездесят рублев... из Приказа Большого дворца... и те деньги отошлют в Посольский приказ» (РГАДА. Ф. 141 (Приказные дела старых лет). Оп. 1. 1614 г. Д. 7. Л. 42). В 1618 г. указан толмачем в самой ранней переписи чинов Аптекарского приказа. В 1626/27 г. годовое жалованье 40 руб., месячный корм — 4 руб. 5 алт. 3 денги (Матерьялы. С. 93.). 7 апреля 1630 г. «столовый корм из приказа Большого дворца окулисту Давыду Бруну и толмачу Елисею Юрьеву» (РГАДА. Ф. 143.

Оп. 1. Д. 26. Л. 1; Оpubл.: Матерьялы. С. 5.). 28 февраля 1631 г. в росписи указан вторым (вместе с З. Захарьевым) переводчиком Аптекарского приказа с жалованьем в 40 руб. (РГАДА. Ф. 143. Оп. 1. Д. 44; Оpubл.: Матерьялы. С. 12—13) 6 марта 1632 г. в росписи указан вторым (вместе с З. Захарьевым) переводчиком Аптекарского приказа с жалованьем в 60 руб. (РГАДА. Ф. 143. Оп. 1. Д. 69. РГАДА. Ф. 143. Оп. 1. Д. 138. Оpubл.: Матерьялы. С. 19—20). Вероятно, умер не позднее мая 1633 г., т.к. 2 мая 1633 г. в Аптекарском приказе упомянут только один переводчик (РГАДА. Ф. 143. Оп. 1. Д. 105. Оpubл.: Матерьялы. С. 33). З. Захарьев умер в 1642 г. (Матерьялы. С. 47).

Список сокращений

БАН — Библиотека Российской Академии наук
ГИМ — Государственный исторический музей
ГТГ — Государственная Третьяковская галерея
ДАИ — Дополнения к Актам историческим
КИД — Коллегия иностранных дел
КСИА — Краткие сообщения Института археологии
МГУ — Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
ПП — Посольский приказ
ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи
ПСТГУ — Православный СвятоТихоновский Гуманитарный Университет
РАН — Российская академия наук
РГАДА — Российский государственный архив Древних актов
РГБ — Российская государственная библиотека
РГИА — Российский государственный исторический архив
РНБ — Российская национальная библиотека
СККДР — Словарь книжников и книжности Древней Руси
СПБИИ — Санкт-Петербургский институт истории
ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы
ЧОИДР — Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских
gStA PK — Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz (Berlin-Dahlem)
MFO — Maison française d'Oxford

Сведения об авторах

- Базарова Татьяна Анатольевна (Санкт-Петербург, СПБНИИ РАН) tbazarova@yandex.ru
- Беляев Леонид Андреевич (Москва, ИА РАН) labeliaev@bk.ru
- Беляков Андрей Васильевич (Москва, ИРИ РАН) belafeb@gmail.com
- Болдырева Наталья Андреевна (Москва, Музеи Московского Кремля) boldy33@yandex.ru
- Виноградов Александр Вадимович (Москва, ИРИ РАН) avinogradov1957@yandex.ru
- Горбатов Егор Николаевич (Москва, РГАДА)
- Гуськов Андрей Геннадьевич (Москва, ИРИ РАН) 11-01@bk.ru
- Кислова Екатерина Игоревна (Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова) e.kislova@gmail.com
- Кошелева Ольга Евгеньевна, (Москва, ИВИ РАН) okosheleva61@gmail.com
- Лисейцев Дмитрий Владимирович (Москва, ИРИ РАН) liseitsev@mail.ru
- Майер Ингрид (Швеция, Упсала, Упсальский университет) ingrid.maier@moderna.uu.se
- Малов Александр Витальевич (Москва, ИРИ РАН) supilluliuma@yandex.ru
- Моисеев Максим Владимирович, (Москва, Музей Москвы) maksimoiseev@yandex.ru
- Ноздрин Олег Яковлевич (Орел, Среднерусский институт управления — РАНХиГС) olfont@yandex.ru
- Оборнева Зинаида Евгеньевна (Москва, ИРЯ РАН) o_zinaida@mail.ru
- Опарина Татьяна Анатольевна (Москва, РАЖВиЗ) t-a-opart@yandex.ru
- Пентковская Татьяна Викторовна (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова) pentkovskaia@gmail.com
- Преображенская Анастасия Александровна (Москва, НИУ ВШЭ) apreobrazhenskaya@hse.ru
- Прудовский Петр Игоревич (Москва, РГАДА) hypolimnion@gmail.com
- Русаковский Олег Владимирович, (Москва, НИУ ВШЭ) ruso0504@gmail.com
- Рыбина Екатерина Алексеевна (Москва, НИУ ВШЭ) inhedgehogswetrust@yandex.ru
- Севостьянов Алексей Сергеевич (Королев, МБУК «Музейное объединение «Музеи наукограда Королев») sev0styanov.a@yandex.ru
- Селин Адриан Александрович (Санкт-Петербург, НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге) aselin@hse.ru
- Сень Дмитрий Владимирович (Ростов-на-Дону, ЮФУ; Элиста, КИГИ РАН) dsen1974@mail.ru
- Смирнова Анна Сергеевна (Санкт-Петербург, ИЛИ РАН) asmirnova@iling.spb.ru
- Смирнова Ольга Сергеевна (Москва, РГАДА) smir1981@mail.ru

Сукина Людмила Борисовна (Переславль-Залесский, Институт программных систем РАН) lbsukina@gmail.com

Тимошина Людмила Алексеевна (Москва, Научно-исследовательское и издательское объединение «Альянс-Архео») timochalud@yandex.ru

Филюшкин Александр Ильич (Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет)

Худин Кирилл Станиславович (Москва, ИВИ РАН) khudin1988@yandex.ru

Ченцова Вера Георгиевна (Франция, Париж, UMR 8167 «Восток и Средиземноморье / Византийский мир»). graougraou@hotmail.com

Черная Людмила Алексеевна (Москва, МГАХИ им. В.И.Сурикова, НИУ ВШЭ) tchernie@rambler.ru

Чумичева Ольга Валерьевна (Санкт-Петербург). bening@mail.ru

Шамин Степан Михайлович (Москва, ИРИ РАН) shaminy@yandex.ru

Янссон Олена (Швеция, Упсала, Упсальский университет) olena.jansson@moderna.uu.se

Научное издание

**Переводчики и переводы в России
конца XVI — начала XVIII столетия**
Материалы международной научной конференции
Москва, 12—13 сентября 2019 г.

Макет и оформление: Ю.В. Балабанов

Подписано к печати 22.08.2019
Формат 60×90/16. Гарнитура Newton.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 14,75. Уч.-изд. л. 16.
Тираж 500 экз. Заказ

Издательский центр Института российской истории РАН
117292, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Отпечатано в соответствии с качеством
предоставленного оригинал-макета
в ООО «Клаб Принт»
127018, Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, д. 40, корп. 1
Тел.: +7 (495) 669-5009

Θρῶνος δ' ἐκ πάλιν· ἔσται καὶ βρυχμός οὐρανῶν·
Εκλίψεται ἡ λῆξις· ἀστρῶν ἡ γὰρ χωρήσει·
Οὐρανὸν ἡλίξαι· μέγιστος δὲ ἡ φείτος ὀλίγηται·
Υψίστη δὲ φάρμακος ὀληθῆναι ἡμαλια βουαί·
Υψίστη δὲ κ' ἐπιλυτρον· ἐν ὧ θρωποισφονή·
Εσσι ὁρῆ πεδίοις· ἔσται καὶ πᾶσα θύα αὐτα·
Θύεις πλοῦν ἡ ξηρὴ γὰρ φιλῆσα καὶ ραυνῆ·
Εὼ πηγαῖς ποταμοῖ· κωχλαζόντες λήψουσιν·
Εὶς πηγαῖς ὅθεν φωνῶ πολυθρῶνον ἀφίση·
Ορῶν σαμῆτες μετῶν καὶ πηματα τοῦ μου·
Παρὰ φῶν ἔνχαλος· ἀξίον ποιε γὰρ αὐχονοῦσα·
Ηθουσα δ' ἐπιβήματα τοῦ· βασιλείας ἀπὸ πάλιν·
Ρεῖσα δ' οὐρανὸς ἐν ποταμοῖς πύρος ἡ δὲ ἔσθ' ἔχ·
Εἡμα δὲ ἡ ἡδὴ πᾶσα βρωτοῖς ἀφ' ὅ κε λογοῖον·
Ποξύλογο ἐν πηγαῖς ἡ κέρα ἰοποθὸν μετῶν ἔσται·
Ανδρῶν ἐν σέβει ἡ ξηρὴ· πρὸς κυρμα ἡ κοςμ·
Υψίστη φωνῶν κληροῦ ἐν δὲ δεκαπηγαῖς·
Ρῶνδος ποταμοῦ γουσα· σιδερί ἡ κεραι ἡ ἔση·
Θύλοσ ὀνοῦ προγραφῆς ἐν ἀμφοσ ἡ χροσ θεῶσ·
Εὶ ἡ ἡ μὲν ἀθῶναλος· βασιλεῦσ παθῶν ἐν ἐχ' ἡ κελ·

ΕΥΒΗΔΑ

ΗΑΙΡΥΘΡΑΤΑ